

К 83.3(2Р)
Т 87

Орловский объединенный
государственный литературный
музей И.С. Тураенева

Тураеневское общество в Орле

ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

2007 года

Орел 2009 г.

**ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА**

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

**ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК
2007 года**

Орел 2009

ББК 83.3 Р

Т 87

Т 87 Тургеневский ежегодник 2007 года. – Орел:
Издательский Дом «ОРЛИК» и К», 2009 – 152 с.

*В сборнике использованы иллюстрации
из фондов Орловского объединённого государственного
литературного музея И.С. Тургенева.*

Составители и редакторы
Л.А. Балькова, Л.В. Дмитрихина

Компьютерный набор
Е.М. Шинкова

© ОГУК Орловский объединённый
государственный литературный музей
И.С. Тургенева, 2009.

© ООО ИД «ОРЛИК» и К», 2009

Оглавление

И.С. Тургенев. Предисловие к переводу «Волшебных сказок» Шарля Перро.....	5
Л.В. Дмитрихина. Музейный калейдоскоп.....	6

I

И.С. Тургенев: время детства

С.Л. Жидкова. Периодические издания мемориальной библиотеки И.С. Тургенева из круга детского чтения писателя	13
В.П. Волчихина. «Здесь каждый шаг в душе рождает воспоминанья прежних лет...»	22
С.Л. Жидкова. «Аристофан наших сходок»	28
Е.В. Векуа. Внуки Тургенева	31
Л.М. Александрова. И.С. Тургенев и Маша Рашет (1854-1921).....	44

II

И.С. Тургенев для детей.

Научные исследования и сообщения

Е.И. Лутовинова. Концепт «вода» в сказках И. С. Тургенева и русской фольклорной прозе	49
Л.А. Балыкова. Тургенев и Рабле: путешествие за живой водой (к истории возникновения замысла «Рассказов и сказок для детей Ивана Тургенева»)	58
Л.В. Миндыбаева. Обзор английской части родовой библиотеки И.С. Тургенева.....	66
А.Э. Полонский. С.Е. Раич – Дон-Кихот из Рай-Высокого.....	78

III

Музей - детям

С.Л. Жидкова. Сценарий литературно-музыкальной композиции «В детской». (Образы детей в сочинениях И.С. Тургенева, Р. Шумана и П.И. Чайковского)	119
Е.Г. Мельник. «Маменькин садик» в Орле (И.С. Тургенев в мемориализованном околмузейном пространстве)	126

IV

С думой о Тургеневе

Невозможно поверить.....	135
Н.М. Кирилловская. Памяти хорошего человека.....	137
Г.Н. Павлова. Владимир Петрович Петров.....	141
Поэтическая гостиная. Стихи Вадима Еремина, Лены Горяиновой, Юрия Молозева.....	145

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ «ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК» ШАРЛЯ ПЕРРО¹

Сказки Перро пользуются в целой Европе особенной популярностью; русским детям они сравнительно меньше известны, что происходит, вероятно, от недостатка хороших переводов и изданий. Действительно, несмотря на свою несколько щепетильную, старофранцузскую грацию, сказки Перро заслуживают почетное место в детской литературе. Они веселы, занимательны, непринужденны, не обременены ни излишней моралью, ни авторской претензией; в них еще чувствуется веяние народной поэзии, их некогда создавшей; в них есть именно та смесь непонятно-чудесного и обыденно-простого, возвышенного и забавного, которая составляет отличительный признак настоящего сказочного вымысла. Наше положительное и просвещенное время начинает изобиловать положительными и просвещенными людьми, которым не нравится именно эта примесь чудесного: воспитание ребенка, по их понятиям, должно быть делом не только важным, но и серьёзным - и вместо сказок ему следует вручать маленькие геологические и физиологические трактаты. Случалось столкнуться с одной воспитательницей (правда, она была старая девица из остзейских немок и писала статьи в журналах с направлением, но без подписчиков), которая тщательно устранила девочку, порученную ее надзору, от всякого соприкосновения с другими детьми - для того чтобы, как выражалась почтенная наставница, ни один ложный факт не водворился в юной голове. Девочка выросла и превратилась в отъявленную кокетку, - но уже это, как известно, не вина теории, остающейся непогрешительной по-прежнему. Как бы то ни было, нам кажется весьма трудным и едва ли полезным до времени изгонять всё волшебное и чудесное, оставлять молодое воображение без пищи, заменить сказку рассказом. Учитель, бесспорно, нужен ребенку, да и нянька ему нужна.

Остроумный издатель сказок Перро, Ж. Гетцель, известный в литературе под псевдонимом П. Стая, в предисловии своем замечает очень справедливо, что не следует опасаться чудесного для детей. Не говоря уже о том, что многие из них не дают себя в обман вполне и, забавляясь красотой и миловидностью своей игрушки, в сущности очень твердо знают, что этого никогда не случалось (вспомните, господа, как вы езжали верхом на палочках; ведь вы знали, что это под вами не лошади, - а дело все-таки выходило совершенно прав-

доподобно, и удовольствие получалось отличное); но даже те дети (и это большей частью самые даровитые и умные головки), которые безусловно верят всем чудесам сказки, очень хорошо умеют тотчас отрешиться от этой веры, как только час тому настанет. «Дети, как взрослые, берут только то, что им нужно и пока оно им нужно». Гетцель прав: не в этом направлении лежат опасности и трудности детского воспитания.

Мы сейчас сказали, что одной из причин относительной неизвестности у нас сказок Перро мы полагаем недостаток хороших переводов и изданий. Публике предоставляется судить, насколько наш перевод удовлетворителен; что же касается до настоящего издания – то подобного ему не было еще не только у нас в России, но и за границей; а имя гениального рисовальщика Густава Дорэ стало слишком громким и не нуждается ни в каких похвалах.

Карл Перро родился в Париже в 1628 году и умер там же в 1697. В 1693 году, будучи шестидесяти пяти лет от роду, он напечатал первое издание своих сказок – «Contes de ma mère l'Oie» - под именем своего одиннадцатилетнего сына и написанных для него. Карла Перро не должно смешивать с его братом, Клавдием, медиком и архитектором, автором Луврской колоннады.

Иван Тургенев

Примечания

1. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. в 30 т. Соч. Т. 10. М.: Наука, 1982. С. 344-345.

Л.В. Дмитриухина

МУЗЕЙНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

Одной из важнейших задач общества в любой исторический период является воспитание молодого поколения, передача «детям» всего лучшего, что было у «отцов».

Творческое наследие И.С. Тургенева даёт широчайшую возможность воздействовать на умы и сердца молодёжи XXI века, пробуждать в них высокие чувства любви к родному краю, русскому языку,

восприятие и поклонение красоте во всех её проявлениях, гордость за право называть себя «русским».

Дети всегда были и будут самыми дорогими и желанными посетителями музейных экспозиций и выставок, адресатами всех музейных начинаний.

Но в 2007 году музей решил целенаправленно посвятить свою работу теме «И.С. Тургенев о детях и для детей». Программа года была составлена таким образом, что её участниками становились дети разных возрастных категорий, начиная от воспитанников детских садов, кончая выпускниками школ.

Начался год традиционно празднованием «именин» Тургенева. Как писала газета «Орловская правда» «И на этот раз работники музея подготовили композицию-имитацию атмосферы той далёкой поры, в которой рос и развивался младенец, отрок, юноша Иван. Была воссоздана в музее и картина праздника, ведь в имении Тургеневых был свой театр и оркестр, ставились пьесы с балетными дивертисментами, небольшие оперы».

На протяжении всего года в музее проходили уроки-экскурсии «Дом на Остоженке и его обитатели», на которых рассказ «Муму» предстал в зримых образах, а учащиеся имели возможность самостоятельно создать «музей» в доме Варвары Петровны Тургеневой.

Учащимся более старшего возраста адресовался литературно-музыкальный утренник «В детской: И.С. Тургенев, П.И. Чайковский, Р. Шуман – детям», на котором чтение произведений Тургенева сопровождалось фортепианными пьесами для детей Чайковского и Шумана в виртуозном исполнении И. Кушелева.

Совершенно новым моментом в музейной практике стало включение в работу с детьми не только экспозиции, но и околomuзейного пространства. Это литературно-экологический проект «Маменькин садик», презентации которого состоялась в 2007 году.

На небольшой территории внутреннего дворика музея силами сотрудников музея, членов Тургеневского общества, представителей общественности под руководством научного сотрудника В.А. Макешиной в течение нескольких лет создавался мини-атюрный садик, который как бы повторял сад В.П. Тургеневой в Орле с характерными для него деревьями, кустарниками и цветами. И вот «маменькин садик» зазеленел, зацвёл, стал радовать глаз и веселить душу посетителей музея. В этом садике будет звучать музыка, порхать эльфы из тургеневских сказок, по его

аллейкам совершит путешествие «За каплей жизни» детвора из орловских школ.

На традиционном летнем Тургеневском празднике, который в этом году носил название «К тебе стремится вся душа» юноши и девушки XXI века разбирались в том, чем им близко творчество великого писателя, чем дороги образы его героев и героинь.

Накануне дня рождения И.С. Тургенева в актовом зале музея прошёл заключительный этап областного конкурса «Тургеневская девушка XXI века», на котором юные красавицы области продемонстрировали свою эрудицию, таланты, знание биографии и произведений Тургенева. Конкурс был организован и подготовлен совместно с музеем Областным центром культуры. Это был праздник молодости, красоты физической и духовной.

Научное осмысление темы года состоялось на тургеневских чтениях, которые так и назывались «Тургенев о детях и для детей». На чтениях прозвучало много интересных и глубоких докладов. Тургеневскую концепцию детства представила доктор филологических наук профессор ОГУ Т.В. Ковалёва, круг детского чтения будущего писателя по материалам мемориальной библиотеки представила старший научный сотрудник музея С.Л. Жидкова, к истории создания тургеневских сказок обратилась заведующая музеем И.С. Тургенева, кандидат филологических наук Л.А. Балыкова, научный сотрудник музея-заповедника Спасское-Лутовиново В.П. Волчихина посвятила своё выступление теме «Тургенев и Спасская школа». Учитель литературы муниципальной школы им. П.В. Киреевского рассказала, как в их школе строится изучение творчества И.С. Тургенева. С большим интересом участники чтений восприняли выступление молодых научных сотрудников музея Е.Г. Мельник, Е.В. Векуа. В.А. Макешиной, которые поделились своими методами и формами общения с детьми в музейных пространствах.

Большим событием стала презентация Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева в Библиотеке-читальне им. И.С. Тургенева г. Москвы. Москвичам были представлены выставки «Легенда и быль Дворянского гнезда» (автор А. Молозева) и «Тургенев-читатель» (автор Л.А. Балыкова) из фондов музея. Директор музея В.В. Сафронова рассказала о том, что представляет собой Орловский объединённый государственный литературный музей И.С. Тургенева в настоящее время, представила разнообразную деятельность всех его филиалов и отделов.

В активе музея на 2007 год значится ещё много интересных событий и дел. Нельзя не вспомнить народную выставку «Мой Пушкин», экспонаты для которой были представлены из домашних коллекций жителей Орла; выставку «Да будет воля твоя...», посвящённую памяти Митрополита Серафима (Л.М. Чичагова); выставки фотохудожников Хосе Луркина, Алексея Дерберко, Валентины Павловой; прекрасные графические работы Ольги Тучниной и Ольги Соковой.

Было отмечено несколько юбилейных дат: 130-летие со дня рождения И.А. Новикова, 75-летие со дня рождения поэта Дмитрия Блынского, 50-летие открытия первого городского филиала – Музея писателей-орловцев.

Радовали орловцев своими вечерами, праздниками и просто прекрасными экскурсиями Дом-музей Н.С. Лескова, Дом Леонида Андреева. Возрождал старинные русские праздники: Святки, Троицу, Масленицу, Капустные посиделки - Дом Т.Н. Грановского.

Но главным образом 2007 год стал годом подготовки к грядущим большим юбилеям: 190-летию со дня рождения И.С. Тургенева и 90-летию основания в Орле Музея-библиотеки имени И.С. Тургенева, ставшего первым своеобразным памятником писателю в его родном городе.

Фронтиспис Г. Доре к изданию «Сказок» Ш. Перро
в переводе И. С. Тургенева (1866)

I

И.С. Тургенев: время детства

Няня и кормилица в доме Тургеневых. С портретов 1-й трети XIX в.

П. И. Брюэр-Тургенева с дочерью Жанной (1872)

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ МЕМОРИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ И.С. ТУРГЕНЕВА ИЗ КРУГА ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

Детство Тургенева, как кажется, является наименее изученным периодом в биографии писателя. Обычно исследователи повторяют одни и те же разрозненные факты и свидетельства мемуаристов. К сожалению, эти факты и воспоминания не дают возможности представить цельную картину этого столь важного периода в жизни писателя. Известно, как сильно было впечатление, которое оказали на мальчика Тургенева его первые книги: знаменитые «Эмблемы и символы» Максимовича-Амбодика, «Россиада» Хераскова, «Юрий Милославский» Загоскина, Бестужев-Марлинский, Жуковский, Дмитриев, Крылов и, конечно, Пушкин. Этим, пожалуй, исчерпываются наши сведения о круге детского чтения писателя. Между тем, в мемориальной библиотеке Тургенева сохранились другие авторы и издания, которые, несомненно, читались мальчиками Тургеневыми. Сегодня хотелось бы обратить внимание на несколько периодических изданий начала XIX века из тургеневского книжного собрания. Прежде всего, речь пойдёт о первом детском журнале, издававшемся в России просветителем Н.И. Новиковым в 1785-1789 годах – «Детское чтение для сердца и разума», редакторами которого были Н.М. Карамзин и А.А. Петров. В библиотеке хранится 2-е издание этого журнала, вышедшее в свет в 1819 году. Это части 3-12 и 17-20. Издатели журнала вели борьбу с вредным влиянием на молодёжь низкопробной литературы, рекомендовали лучшие книги классических и современных писателей, учили юных читателей сознательно относиться к прочитанному. Их тексты почти на столетие вошли в золотой фонд детской литературы. Основное место среди произведений этого журнала занимала нравоучительная дидактическая литература.

В журнале печатались переводы из сочинений Ш. Бонне, Х.Ф. Вейсе, И.Г. Кампе, С. Геснера, Д. Томсона, весьма популярной в ту пору писательницы-моралистки С.Ф. де Жанлис.

«Детское чтение», по всей вероятности, служило сначала братьям Тургеневым, а затем воспитывавшимся в доме В.П. Тургенево

девочкам – Мавре Сливицкой, Вареньке Богданович-Лутовиновой и другим. Скорее всего, пометки в книгах сделаны рукой самой В.П. Тургеневой. Так, например, в поучительном диалоге Л.Ф. де'Эпине «Разговор матери с дочерью» отчёркнуто предложение: «Матери всегда надеются, что дети их исправятся, как по их советам, так и самим опытом узнавши, что они прежде дурно делали».¹ Для обязательного чтения предназначалась сказка «Бабочка с золотыми крылышками, стрекоза с тоненькими ножками и прилежная пчёлка», сказка о том, как волшебница Прозорлида превратила любимых подруг своей дочери Милоки, нарядных и резвых девочек Красу и Прыгу, в бабочку и стрекозу, а их сестру, рассудительную и трудолюбивую Доуму, с которой Милоке было скучно, в пчелу. Бабочка, порхая с цветка на цветок, завела Милоку, которая пыталась её поймать, в болото, где та чуть не утонула, стрекоза, которая летом прыгала с конопельки на конопельку и распевала: «Трс!», «Трс!», «Трс!», зимой умерла от голода. Прозорлида наставляет дочь: «<...> никогда не презирай постоянной прилежной пчёлки <...> Выбери Доуму себе в подруги, ты научишься от неё, как в холодную зиму жизни твоей проводить дни в удовольствии и быть похожей на счастливую и спокойную пчёлку».² Для обязательного чтения предназначалась и сказка «Человеческие желания», где волшебница Эвергета, то есть «благодетельная», решила узнать, стоит ли выполнять все человеческие желания. Путешествуя со своим волшебным посохом, она наделила золотом бедного крестьянина, помогавшего тем, кто был ещё беднее, бедную девушку, нежно заботившуюся о старой больной матери, вылечила умирающего ребёнка. Через восемь лет Эвергета навестила облагодетельствованных ею людей. И что же? Бедный крестьянин стал богатым, жестокосердным скупцом, бедная девушка вышла замуж за богача и стала стыдиться своей матери и выдавать её за кормилицу, а вылеченный ребёнок вырос, стал преступником и был приговорён к смертной казни. Волшебница приходит к выводу, что «опасно выводить людей из того состояния, в которое провидение их поставило»³ - финал, вполне выразивший отношение власть и богатство имущих к низам общества.

В издании широко представлен французский писатель второй половины XVIII века Арно Беркен, носивший прозвище «друг детей». Его сочинения были популярнейшим детским чтением, хотя отличались сентиментальностью и даже слащавостью. Части 19 и 20 имеют заглавие «Детский театр для образования сердца и разу-

ма» и включают пьесы Беркена: детская драма «Осада Колчестера», драма для детей в одном действии «Дамон и Пифиас», «Новый год, восточная сцена». Возможно, последняя пьеса была поставлена на домашней сцене с участием детей в Спасском и в Москве – в ней отмечены стихи из «Хора отроков», который славит Всевышнего, в виду наступившего Рождества:

*Ещё наш юный ум не знает,
Кто ты еси, Отец!
Но сердце наше ощущает,
Что благ есть наш Творец.
Ты нас живишь, питаешь,
И радость в нас вливаешь.
Тебя мы славим все,
Тебя мы хвалим все.⁴*

Для обязательного чтения предназначался рассказ Беркена «Канарейка», повествующий о том, как девочка, которую звали Софья, упростила отца позволить купить ей жёлтенькую, с зелёным хохолком певунью-канарейку; сначала Софья гордилась своей канарейкой и старательно ухаживала за ней, потом птичка ей надоела; увлечьшись игрушками и играми с подругами, Софья часто забывала покормить канарейку, и птичка погибла. Отец Софьи приказал сделать из мёртвой канарейки чучело и поставить его в комнату девочки, чтобы оно всегда напоминало ей о её легкомыслии.⁵

Современник и приятель Тургенева писатель Д.В. Григорович приводит в своих воспоминаниях историю, которую любила повторять его бабушка: «<...> когда Беркен опасно захворал и ждали его кончины, толпа молодых девушек, его воспитанниц, собралась под его окном; одна из них заиграла на арфе, другие запели хором одну из песен, сочинённых наставником, Беркен при этом залился слезами – и слёзы эти спасли ему жизнь». «История эта, - добавил Григорович, - не казалась мне тогда вовсе сентиментальной».⁶ По-видимому, и семилетнему Тургеневу, страстно любившему птиц, история о канарейке не казалась сентиментальной, но много лет спустя 7(19) июня 1847 года он писал П. Виардо о морализующем характере писаний Беркена: «<...> Беркен и Мармонтель, как и всякий другой автор нравственных и поучительных книг, были бы тронуты, я уверен, видя наше скромное и благопристойное поведение, нашу взаимную уступчивость».

Следующий журнал, на который мы хотели бы обратить внимание - это журнал воспитания «Патриот», издававшийся в 1804 году В.В. Измайловым, поэтом, прозаиком, переводчиком, журналистом. Значительная часть переводов и оригинальных текстов, помещённых в журнале, принадлежит самому издателю: литературно-критическая статья «Взгляд на повести или сказки» с обоснованием воспитательной роли повести как жанра; рецензии на сочинения М.М. Хераскова, Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина и многое другое. Журнал интересен тем, что его издатель обращался и к детям, и к их родителям, и к воспитателям. Издателя, кроме вопросов нравственного и умственного воспитания, волновали вопросы физического развития ребёнка; он обратил внимание и на обучение глухонемых детей. В «Патриоте» печатались уже известные нам авторы – Беркен, Жанлис, которая была не только писательницей, она считалась энергичным и оригинальным педагогом, учила, забавляя, посредством волшебного фонаря, домашнего театра, особое внимание уделяла гимнастике. В своём журнале Измайлов развивал педагогические идеи просветителей – Новикова, Руссо и других. Кстати, руссоистская метода воспитания применялась довольно широко в дворянских семьях той поры, о чём сам Тургенев говорил, вспоминая о своём детстве и о детстве известного славянофила Ю.Ф. Самарина. По его словам, эту воспитательную методу он довольно верно изобразил в романе «Дворянское гнездо», в главе, посвящённой детству Лаврецкого: «<...> Иван Петрович, не теряя времени, принялся применять к нему свою систему <...> начал с того, что одел сына по-шотландски: двенадцатилетний малый стал ходить с обнажёнными икрами и с петушьим пером на складном картузе; шведку заменил молодой швейцарец, изучивший гимнастику до совершенства; музыку, как занятие недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественные науки, международное право, математика, столярное ремесло, по совету Жан-Жака Руссо, и геральдика, для поддержания рыцарских чувств, - вот чем должен был заниматься будущий “человек”; его будили в четыре часа утра, тотчас окачивали холодной водой и заставляли бегать вокруг высокого столба на верёвке; ел он раз в день по одному блюду, ездил верхом, стрелял из арбалета; при всяком удобном случае упражнялся, по примеру родителя, в твёрдости воли, и каждый вечер вносил в особую книгу отчёт прошедшего дня и свои впечатления; <...> отец гордился им и называл его: сын натуры, произведение моё».⁷ К сожалению, ро-

дители в России механически копировали модную французскую систему воспитания, о которой с горечью вспоминал и современник Тургенева Д.В. Григорович: «Французы, - писал он, - несмотря на живость своего темперамента, ужасные педанты и рутинёры во всём, что касается воспитания и образования детей; раз приняты какие-то правила в учебниках и руководствах, боже упаси их нарушать, хотя бы они явно противоречили природным наклонностям ребёнка. Рутиня преследовала меня во всём, даже в пище. <...> Когда я от чего-нибудь упорно отказывался и начинал плакать, меня немедленно ставили в угол и для большего назидания надевали на голову колпак с большими ушами.⁸ Наряду с розгами, пребыванием в неподвижности в течение долгого времени в семье Тургеневых, видимо, бытовало и подобное наказание – таким образом в сознание ребёнка укоренялось убеждение, что за любым проступком должно следовать наказание. Возможно, этим объясняется следующий, на первый взгляд «странный», поступок Тургенева: «Тоска... напала однажды на меня в Париже – не знал я, что мне делать, куда мне деваться. Сижу я у себя дома да гляжу на сторы, а сторы были раскрашены, разные были на них фигуры, узорные, очень пёстрые. Вдруг пришла мне в голову мысль. Снял я стору, оторвал раскрашенную материю и сделал из неё длинный – аршина в полтора – колпак. Горничные помогли мне, - подложили каркас, подкладку, и, когда колпак был готов, я надел его себе на голову, стал носом в угол и стою... Тоска стала проходить, мало-помалу водворился какой-то покой, наконец мне стало весело».⁹ Что касается издателя «Патриота», открывшего в 1805 году на свои средства пансион для мальчиков «наподобие» Руссова «Эмиля», то он не во всём был согласен с подобной системой воспитания.

Наиболее интересным с точки зрения наличия автографов, помет, рисунков будущего писателя и его братьев является «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах и в прозе», а также «Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе», которые издавались Обществом любителей Отечественной словесности в 1821-1824 годах. В настоящей статье мы ограничимся кратким обзором тех произведений, которые отмечены в издании и которые, так или иначе, нашли отклик в письмах и произведениях Тургенева.

В «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» помещены сочинения М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина,

Е.Б. Княжнина, И.И. Дмитриева, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова. Напечатаны отрывки из поэмы И.Ф. Богдановича «Душенька», из «Россиады» М.М. Хераскова, стихи П.А. Плетнёва, М.В. Милонова, В.Л. Пушкина, одно из первых стихотворений А.С. Пушкина - «Наполеон на Эльбе», опубликованы отрывки из трагедий В.А. Озерова.

Издание служило братьям Тургеневым учебной книгой в начале 30-х годов. Из него будущий писатель получил первое представление об отечественной словесности. Многочисленные рисунки и надписи на форзацах являются своеобразным комментарием к письмам Тургенева 1831 года. Так, 31 марта, 1, 2 апреля (12, 13, 14 апреля) 1831 года Тургенев, готовясь по истории, «учил о франках». Возможно, в связи с этим на форзаце первой части «Собрания» появился рисунок – портрет французского короля Карла VI (1368-1422), носившего прозвище «Безумный». Рядом надпись: «Генрих VII» – по всей вероятности, речь идёт об английском короле Генрихе VII (1456-1509), основателе династии Тюдоров, доводившемся правнуком Карлу VI.

28 марта (9 апреля) Тургенев готовился к уроку по синтаксису, который вёл учитель латинского языка Е.Г. Щуровский, 30 марта (11 апреля) он перевёл по заданию учителя немецкого языка Фалантина «Рыцарский поединок», «сделал сочинение, выучил стихи». Не исключено, что именно это задание кратко обозначено на заднем форзаце первой части «Собрания»: «Стихи Глагол Сочинение Перевод Синтаксис».

В оглавлении первой части «Собрания» крестиками отмечены 9 стихотворений, очевидно, предназначенных для заучивания наизусть: «Подражание Иову» (М.В. Ломоносова), «Бог» (Г.Р. Державина), «Гимн Богу» (из Томсона пер. В.А. Жуковского), «На разрушение Вавилона» (А.Ф. Мерзлякова), «Добродетель» (М.М. Хераскова), «Ломоносов» (В.В. Капниста), «На разбитие египтян» (В.В. Капниста), «Песнь Моисеева по прохождении Черного моря» (А.Ф. Мерзлякова) и, наконец, «Водопад» Державина. Именно одну из трёх первых строф «Водопада», отчёркнутых в книге, Тургенев цитирует в письме к дяде в апреле 1831 года: «Стихи. Известные Державина:

*Алмаз сыплется гора
С высот четырьмя скалами;
Жемчугу бездна и сребра*

*Кипит внизу, бьёт вверх буграми и пр.
О красоте их я не смею судить:
но они мне кажутся превосходными».*

В 5-ой части «Собрания» помещены переводы, выполненные А.Ф. Воейковым, Н.И. Гнедичем, И.А. Крыловым, Ф.Ф. Кокошкиным, А.Ф. Мерзляковым. Возможно, именно по переводу, сделанному Ф.Ф. Кокошкиным, Тургенев впервые познакомился с мольеровским «Мизантропом», а по переводу, осуществлённому А.Ф. Мерзляковым, с «Энеидой» Вергилия, в частности, с известным эпизодом о встрече Дидоны и Энея в лесу, о котором он упомянет много лет спустя в повести «Вешние воды». Скорее всего, именно из публикаций «Собрания» Тургенев получил и первое представление о драматургии В.А. Озерова, которого он впоследствии неоднократно цитировал.¹⁰

Параллельно в свет вышло и «Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах». В нём помещены сочинения тех же авторов: К.Н. Батюшкова, И.А. Крылова, П.А. Вяземского, В.Л. Пушкина. Во 2-ой части издания напечатаны стихотворения А.С. Пушкина: «Погасло дневное светило», «Чёрная шаль», «Муза», отрывок из поэмы «Руслан и Людмила». В «Новом собрании» представлены переводы из Гомера, Софокла, Овидия, Горация, Расина, Вольтера, Шиллера. Издание также служило учебной книгой братьям Тургеневым в начале 30-х годов. На это указывают обнаруженные в книге инициалы Тургенева и характерная деталь: в текстах от руки исправлены опечатки. Знакомство с поэтическими произведениями из «Нового собрания» сразу находило отклик в письмах юного Тургенева. В письме к дяде Н.Н. Тургеневу, написанном в апреле 1831 года, будущий писатель, повествуя о ледоходе на Москва-реке, цитирует строки из баллады Шиллера «Водолаз» в переводе И. Покровского, помещённом в 1-ой части настоящего издания (с. 97-103):

Глотают друг друга в борении воя,

.....

Из моря рождается море другое.

Юный Тургенев перефразирует Шиллера-Покровского сообразно своим впечатлениям от ледохода:

Из льдин порождаются льдины другие.

Баллада Шиллера «Рыцарь Тоггенбург» в переводе Жуковского, видимо, предназначалась не только для обязательного чтения, но и для заучивания наизусть. На странице 11 части 2-ой «Нового собрания», где она напечатана, загнут уголок, две первые строфы отчеркнуты ногтем. Впоследствии Тургенев не однажды упомянет в своих письмах и сочинениях героя баллады, который, в конце концов, приобрёл под его пером значение символа.

В июле 1855 года писатель сообщал Н.А. Некрасову: «Видерт ждёт тебя в Берлине как Тоггенбург свою невесту». В 1856 году в сатирическом стихотворении «Когда монарх наш незабвенный...» Тургенев сравнил с Тоггенбургом К.С. Аксакова:

*Когда монарх наш незабвенный,
Великий воин и мудрец,
Весь край Европы просвещенный
На нас поднял с конца в конец, -
«Я не боюсь, - рекла Россия, -
Зане я (...) славна;
От Бонапарта, от Батыя
Меня спасала лишь она!
Напрасно сыпали удары
В неё и турки, и татары,
Французы, шведы, поляки, -
Она терпела мастерски!
И ныне вновь, прикрывшись (...),
Как адамантовым шитом,
Вступлю я в бой со всей Европой –
И враг покроется стыдом!»
Рекла – и стала в позитуру,
Но та, чью крепкую натуру
Ещё никто не мог пробрать, -
Увы и ах! – пустилась (...)!
Её прошибла пуля злая,
В неё проникнул камуфлет...
Заголосила Русь святая
И отступила за Серет.
Теперь мы в нём не ловим раков*

*А (...) не в чести у нас...
Один лишь Тоггенбург (Аксаков)
С её (...) не сводит глаз.¹¹*

В письме к И.С. Аксакову от 13 ноября 1859 года Тургенев привёл стихи из баллады как аргумент в споре со славянофилами. Образ рыцаря, посвятившего жизнь ожиданию,

*Чтоб у милой
Стукнуло окно,
Чтоб прекрасная явилась;
Чтоб от вышины,
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины,*

вызывает у него ироническую реакцию: «Русский Тоггенбург, сидящий перед волоковым окошком избы – также ничего не дожждётся, как и немецкий его собрат. Там, по крайней мере, прекрасная “склонялась” от вышины».

Тот же образ возникает в романе «Отцы и дети» (1862), где взгляды главного героя на любовь характеризуются следующим образом: «Базаров <...> не однажды выражал своё удивление: почему не посадили в жёлтый дом Тоггенбурга со всеми миннезингерами и трубадурами.»¹²

Трудно переоценить значение первых книг, которые читал будущий писатель, из них он получил первые нравственные уроки, по ним учился учиться, работать с книгой. Он приобрёл навык внимательного чтения, размышления над книгой, заучивания поэтических текстов наизусть, научился ориентироваться в необъятном книжном море, заложил основы своей беспримерной эрудиции.

Примечания

1. Детское чтение для сердца и разума. М., 1819. Ч. 3. С. 171.
2. Там же. Ч. 4. С. 147-155.
3. Там же. Ч. 5. С. 56-107.
4. Там же. Ч. 19. С. 6.
5. Там же. Ч. 3. С. 112-121.
6. Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М.: Худ. лит., 1987. С. 29.

7. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Изд. 2-е. Соч. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 40-41.

8. *Григорович Д.В.* Литературные воспоминания. М.: Худ. лит., 1987. С. 28.

9. *Островский А.Г.* Тургенев записях современников. Воспоминания. Письма. Дневники. М.: «Аграф», 1999. С. 85.

10. *Жидкова С.Л.* В.А. Озеров в восприятии И.С. Тургенева (по материалам мемориальной библиотеки писателя) // Тургеневский ежегодник 2004 года. Орёл, 2006. С. 135-139.

11. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Изд. 2-е. Соч. Т. 12. М.: Наука, 1986. С. 309.

12. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Изд. 2-е. Соч. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 81.

В.П. Волчихина

«ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ ШАГ В ДУШЕ РОЖДАЕТ ВОСПОМИНАНЬЯ ПРЕЖНИХ ЛЕТ...»

В усадебном доме И.С. Тургенева в Спасском-Лутовинове в комнате с названием «Девичья» висят два удивительных женских портрета. Они написаны на холсте масляными красками (размер которых 69х55). По имеющимся сведениям, это няня писателя и его кормилица. Однако эти сведения не имеют однозначного отклика со стороны исследователей.

Каждый раз, когда проходишь по дому, невольно останавливаешься и задаешь себе вопрос: кто они, эти живые свидетели далекой старины, давно ушедшей, но такой родной и близкой твоему сердцу? Почему сохранялись в доме писателя наряду с дорогими фамильными портретами? Кто и когда заказал и написал эти портреты? И, наконец, одна или две женщины изображены на полотне?

Скорее всего, мемуары В.Н. Житовой, воспитанницы матери И.С. Тургенева, навели на мысль когда-то Б.В. Богданова, много лет заведовавшего заповедником, о том, что портреты, о которых идет речь, – это портреты одной и той же женщины – Васильевны, той, которая сопровождала 16-летнюю Вареньку Лутовинову в ее бегстве «из дома вотчима» в Спасское, к дяде И.И. Лутовинову.¹

В воспоминаниях В.Н. Житовой отразились не только важные события в семье Тургеневых, как пожар усадебного дома 1839 года, но и не осталась без внимания няня Варвары Петровны: «<...> первым загорелся левый флигель дома, где жила весьма старая и безногая уже старуха, нянюшка Варвары Петровны, Наталья Васильевна, <...>. В тревоге пожара все забыли о бедной старухе, один Николай Сергеевич вспомнил и поспешил ей на помощь. Вот что представилось глазам нашим, когда Варвара Петровна, держа меня за руку, вышла из загоревшегося уже дома: флигель был весь в огне, а с крыльца Николай Сергеевич выносил несчастную Васильевну. <...> Старушка жила ещё несколько лет после, и любимым её рассказом всегда был рассказ о том, как «ангел - барин её, ни на что ненужную старуху, вынес на своих барских ручках из огня и не дал ей помереть мученической смертью без покаяния!»²

О ней же мы читаем в письмах Варвары Петровны к сыну Ивану, где она пишет со свойственной ей меткостью, точностью характеристик и особой заботливостью. В письме от 16/28 декабря 1838 года мать старается убедить сына, что необходимо довольствоваться доходами и не занимать, так как «долги - короста» и для убедительности приводит поговорку, которую она слышала от своей няни: «Нужно сесть прыщу, - все тело скоро покроет <...> - говорит Васильевна». Ровно через год, сообщая сыну Ивану домашние новости, она пишет: «Софья Дунаевская говорит все так же, навыворот, и катается из Орла и в Орел. Петровские старухи и Васильевна живы. И весь дворовый и придворный штат». А в письме от 19 июля 1844 г. явно звучит нравоучительный и даже наставительный тон: «Неужели у вас только нет никаких правил, неужели нет у вас долгу, обязанностей священных. - Старую маму кормилицу покоют, а мать должна быть при старости своей под покровом, под защитою детей. Я Васильевну свою по смерть ее покоила, а вы неужели меня оставите без отрады, - особенно ты, Иван».

Несомненно, у Варвары Петровны были все основания запечатлеть образ своей нянюшки на портрете. К тому же, художники у нее были, хотя и «доморощенные». Стоит лишь вспомнить Николая Федосеева (Градова), расписавшего ширмы.³

Няни в то патриархальное время играли большую роль в воспитании детей в дворянских семьях. «Русская няня, - писал религиозный философ Н.А. Бердяев, - была поразительным явлением старой России. Можно поражаться, как она могла вырасти на почве

крепостного права. <...> Она представляла собой классический тип русской няни. Горячая православная вера, необыкновенная доброта и заботливость, чувство достоинства, возвышавшее ее над положением прислуги и превращавшее ее в члена семьи.

Няни в России были совсем особым социальным слоем, выходящим из сложившихся социальных классов. Для многих русских барыня была единственной близкой связью с народом».⁴

Невозможно не вспомнить Арину Родионовну, няню А.С. Пушкина, которой поэт посвятил многие строки в своих лирических произведениях:

*Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя. (...)
Ты под окном своей светлицы
Горюешь будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.⁵*

Не был исключением и Тургенев. Мы часто находим в его творчестве отголоски детства, впечатлений, событий, людей, в той или иной степени повлиявших на него или оставивших в его душе след. В «Автобиографии», написанной для 6-го тома «Русской библиотеки» (1876), читаем: «Возвратившись в [деревню] Спасское, семья Тургеневых жила деревенской жизнью, той дворянской, медленной, просторной и мелкой жизнью, самая память о которой уже почти изгладилась в нынешнем поколении, - с обычной обстановкой гувернёров и учителей, швейцарцев и немцев, доморощенных дядек и крепостных нянек».⁶

Уже в раннем стихотворении «В.Н.Б.», опубликованном в 1844 году, Тургенев сравнивал «младенческие речи» главной героини с тем впечатлением, с которым когда-то он слушал нянюшкины сказки: благоговейно, с замиранием сердца:

*Гляжу на тонкий стан, на девственные плечи,
Любуюсь тишиной больших и светлых глаз –
И слушаю твои младенческие речи,
Как слушал некогда я нянюшкин рассказ.*

В повести «Фауст» Иван Сергеевич описывает собственные ощущения от возвращения в родной дом после многолетнего отсутствия:

«Я вдруг увидел, как я постарел и переменялся в последнее время. Впрочем, не я один постарел. <...> Добрая моя Васильевна, ключница (ты её, наверно, не забыл: она тебя таким славным вареньем потчевала), совсем высохла и сторбилась; увидав меня, она даже вскрикнуть не могла и не заплакала, а только заохала и раскашлялась, села в изнеможении на стул и замахала рукою».⁸

Незабываемые страницы романа «Дворянское гнездо» погружают нас в атмосферу семьи главной героини, Лизы Калитиной, которая так напоминала детство самого автора. Отец Лизы, переселившись с семьей в город, приставил к ней в качестве няни Агафью Власьевну. «Лизу сперва испугало серьезное и строгое лицо новой няни: но она скоро привыкла к ней и крепко полюбила». (...) «Странно было видеть их вдвоём. Бывало, Агафья, вся в чёрном, с тёмным платком на голове, с похудевшим, как воск прозрачным, но всё ещё прекрасным и выразительным лицом, сидит прямо и вяжет чулок», - пишет И.С. Тургенев.⁸

Агафья не только рассказывала Лизе сказки, «мерным и ровным голосом рассказывает она житие пречистой девы, житие отшельников, угодников божиих, святых мучениц; говорит она Лизе, как жили святые в пустынях, как спасались, голод терпели и нужду, - и царей не боялись, Христа исповедовали; <...>».¹⁰

А в романе «Новь», в главе XIX, посвященной переклиткам Фомушке и Фимушке, среди дворовых не только девка Пуфка, «из карлиц держалась для развлечения», но и старая няня Васильевна. Она «во время обеда входила с большим темным платком на голове и рассказывала шамкавшим голосом про всякие новости: про Наполеона, двенадцатый год, про антихриста и белых арапов; а не то, подперши рукою подбородок, словно горяя, сообщала, какой она видела сон и что он означал, и что у ней на картах вышло».¹¹

Вернемся к портретам, которые привлекли наше внимание. Известно, что они принадлежали И.С. Тургеневу. Портреты были на реставрации в Москве в мастерских им. Грабаря (ОГЛИМТ акт № 114 от 22 июня 1976 года). Няня изображена с ножницами в руках. Это пожилая женщина, с несколько напряженным лицом и печальным взглядом, в белом кружевном чепце, с темно-зеленой повязкой-бантом спереди. Большой белый платок покрывает плечи, из-под которого видны рукава платья. Женщина держит в правой руке ножницы, в левой - кусок белой ткани, приколотой к рабочей подушке вишневого цвета.

Другая пожилая женщина с цыпленком - это кормилица, с несколько жестким взглядом, в зеленом платке, завязанном косынкой

на бант спереди, и белом платке, из-под которого виден рукав бордовой кофточки с рюшей на запястье. Поверх платка лежит коричневая шаль с бахромой по краям. В правой руке она осторожно держит желтого цыпленка. На столе стоит низкая плетеная корзинка с торчачими из нее пятью головками цыплят.

Сегодня мы располагаем немногочисленными материалами. Самые ранние по времени упоминания о портретах находим в воспоминаниях И.Ф. Рынды «Забывтая усадьба»: «Голько в одной из них (комнат - примеч. В.В.), на комод, стоят несколько масляных портретов, из которых обращают на себя внимание: старушка, вяжущая чулок; старушка (видимо, бедная дворянка, приживалка) с цыплятами в руках».¹² Автор указывает на портрет старушки, вяжущей чулок, который сегодня отсутствует в доме-музее. По-видимому, это был еще один портрет с изображением кого-то из дворовых. Последний из указанных мемуаристом портретов значится как портрет кормилицы.

Весной 1897 года Спасское посетил журналист. Он не только подтвердил нашу догадку о существовании третьего портрета, но и указал на то, что изображенные женщины проживали в богадельне: «В одной из <...> комнат - прекрасная коллекция очевидно фамильных портретов Тургеневского и Лутовиновского рода. <...> Нам указали только на одного из них, молодого красавца в белом гвардейском мундире, отца Ивана Сергеевича, и двух старух <...> Тургеневской богадельни. Одна - с выводком цыплят в корзинке в руках, другая - с чулком и спицами. Этюды очень живо и характерно выписаны, очевидно, рукою мастера».¹³ Портреты действительно живо написаны, особенно выразительны лицо и руки, что говорит о незаурядности художника. По выражению одного из современников, «самые портреты казались как бы живыми существами, будто с того света вставшими для наблюдения за живыми».

Французский исследователь Ж. Мурье в книге «Иван Сергеевич Тургенев в Спасском» также упоминает об этих портретах: «Три-четыре <...> портрета интересны как генеалогические документы Лутовиновых. Среди этих персонажей, безвкусно разряженных, напудренных, о которых, за исключением своего отца и, может быть своего брата, Иван Сергеевич несомненно не слишком заботился, есть кое-что трогательное, что показывает одно из высоких качеств сердца великого писателя, это две головы крестьянок: одна держит ножницы, приготавливаясь резать кусок белой материи, это была его

няня; другая держит на руках малыша,¹⁴ это была его кормилица. Эти две женщины любили ребенка; и по отношению к ним вплоть до их смерти в богадельне Спасского, Иван Сергеевич испытывал большую привязанность, почему пожелал запечатлеть их черты».¹⁵

Опираясь на воспоминания современников писателя, его произведения, письма матери, мы можем сказать: несмотря на крепостническую атмосферу, в которой воспитывался и рос будущий писатель, в семье с большим уважением и благодарностью относились к тем дворовым и крепостным, людям «простого звания», которые верой и правдой служили своим господам. Это было заложено самой Варварой Петровной, матерью Ивана Сергеевича. «Осенний сезон у Тургеневых начинался с 15-го сентября, в день Св. мученика Никиты, храмового праздника села Спасского. Еще с вечера, накануне праздника, по длинным аллеям, ведущим к дому, тянулась вереница экипажей; гости собирались ко всенощной, которую служили в доме с большой торжественностью. На этот раз все и каждый из дворни имели доступ в барские хоромы. В одном углу залы стоял, опираясь на костыли, старый инвалид, проживающий «на деревне», в другом – слепая старуха, бывшая птичница, которая приотилась позади нарядных горничных, а поодаль и на самом видном заветном месте, как раз на виду у господ, стояла кормилица барских детей, чтобы по окончании службы получить барскую милость, в виде серебряного рубля».¹⁶

Примечания

1. *Богданов Б.В.* Путеводитель. Тула, 1977. С. 51.
2. *Житова В.Н.* Воспоминания о семье Тургенева. Тула, 1961. С. 34.
3. *Волчихина В.П.* Из истории тургеньевской мебели // Тургеньевский ежегодник 2001 года. Орёл, 2002. С. 89.
4. *Бердяев Н.А.* Самопознание. М.: «ДЭМ», 1990. С. 16.
5. *Пушкин А.С.* Стихотворения и поэмы. М., 1975. С. 198.
6. *Александрова Л.М.* Тургеньев в Орле. Орёл, 2008. С. 22-23.
7. *Тургеньев И.С.* ПСС и П в 30-ти томах (2-е изд. _ Соч. Т. I. С. 43.
8. Там же. Т. 5. С. 90.
9. Там же. Т. 6. С. 110-112.
10. Там же. Т. 6. С. 112.
11. Там же. Т. 9. С. 237.
12. *Рында И.Ф.* Забытая усадьба // Исторический вестник, 1895. С. 862.

13. Библиофил. Из Орла в Спасское // Орловский вестник, 1897, 30 марта.

14. В книге Ж. Мурье «Иван Сергеевич Тургенев в Спасском» переводчица с французского Н.Л. Соколова дала неверный перевод текста. Следует читать: «Другая - держит в руке маленького цыпленка». (Перевод - В.В.).

15. Мурье Ж. И.С. Тургенев в Спасском. СПб., 1899. С. 122.

16. Колонтаева В. Воспоминания о селе Спасском // Исторический вестник, 1885. Т.222. С. 45.

С.Л. Жидкова

«АРИСТОФАН НАШИХ СХОДОК»

В 1875 году в своей «Автобиографии» Тургенев писал: «Из прежних учителей своих И.С. с благодарностью вспоминает <...> об И.П. Ключникове, довольно известном тогдашнем литераторе, подписывающим свои стихи буквой «θ». Несколькими годами раньше в письме к М.Д. Хмырову от 8 / 20 октября 1868 года Тургенев назвал Ключникова в числе учителей, «влияние которых оставило наибольшие следы».

И в самом деле, личность Ивана Петровича Ключникова (1811-1895) столь своеобразна, что она заслуживает того, чтобы поговорить о ней подробнее.

В 1832 году Ключников закончил Московский университет со степенью кандидата словесных наук. В студенческие годы Ключников особенно увлекался историей. Один из друзей его молодости вспоминал: «Он обладал даром вызывать дух исторических эпох <...> В живой импровизации, исполненной юмора, но всегда основанной на серьёзных изучениях, он рассказывал о людях и делах отдалённого прошлого, будто самовидец, как бы о лично пережитом».¹ Позднее Ключниковым было сочинено сатирическое стихотворное «Обозрение всемирной истории». По окончании университета Ключников преподавал историю в Московской первой гимназии, затем в Московском дворянском институте, давал частные уроки. В доме Тургеневых И.П. Ключников появился, по-видимому, в 1833 году, когда будущий писатель готовился к поступлению в Москов-

ский университет. Тургенев надолго запомнил черты своего учителя истории. 16 /28 марта 1857 года, напоминая Ключникову о его «старом ученике», Тургенев писал, что тот так и остался в его памяти «молодым человеком, весёлым и приветливым, с пушистыми бакенбардами, в мундирном фраке и в картузе с длиннейшим козырьком».

В студенческие годы Ключников сблизился с поэтом и философом Н.В. Станкевичем и стал членом его кружка. Биограф Станкевича П.В. Анненков писал о Ключникове: «Он был Мефистофелем небольшого московского кружка, весьма зло и едко посмеиваясь над идеальными стремлениями своих приятелей <...> но жертвы его насмешливого расположения любили его и за весёлость, какую распространял он вокруг себя, и за то, что в его причудливых выходках видели не сухость сердца, а только живость ума, замечательного во многих других отношениях, и иногда истинный юмор».² Как и другие члены кружка, Ключников изучал философию Гегеля, вместе со Станкевичем штудировал Шеллинга и Канта, сопровождая чтение философских текстов такими комментариями, что Станкевич помирал от смеха. Ключников скептически относился к попытке «отыскать счастье в идее всеобщей жизни». Проницательный ум молодого историка не мог удовлетвориться абстракциями немецкой философии, которые были слишком далеки от российской действительности.

В 1837 году Ключников пережил душевный кризис. Год спустя он писал Станкевичу: «Ты часто пророчил мне передрагу; она случилась со мной... два или три месяца я был сумасшедшим, потом медленно (почти год) оправлялся».³ В 1839 году М.А. Бакунин сообщал Станкевичу о возобновившихся приступах «ужасной хандры» у Ключникова: «Месяц тому назад я был свидетелем возобновления его болезни, а теперь ... она усилилась до такой степени, что мысль о самоубийстве сделалась в нём постоянной мыслью».⁴ Слух о болезни и даже смерти Ключникова пришёл и в Берлин, где жил тогда Тургенев. Сообщая в июне 1840 года Т.Н. Грановскому о смерти Станкевича, Тургенев цитировал стихотворение Ключникова «На смерть девушки», положенное на музыку Л.Ф. Лангером: «Помните “Закрылись прекрасные очи” – хорал Ключникова? И он умер, и Станкевич умер».

Ключников начал писать стихи в 1838 году, решив таким образом «отметить свои страдания». В кружке Станкевича Ключ-

никова в шутку называли «феосом» - то есть богом. Первой буквой этого греческого слова (фитой) он и стал подписывать свои стихи, которые сразу обратили на себя внимание читателей. Белинский писал о них: «<...> они отличаются чувством скорбным, страдальческим, болезненным <...> Знакомые с состоянием духа, которое в них выражается, никогда не пройдут мимо их без душевного участия <...>»⁵

Болезненное состояние уже не оставляло Ключникову, он постоянно высказывал недовольство собой и друзьями. Весной 1843 года Ключников уехал из Петербурга в своё харьковское имение, где провёл оставшуюся жизнь, прервав отношения с друзьями молодости. На письмо от 28 марта 1857 года, в котором Тургенев писал Ключникову: «<...> я протягиваю Вам руку – и надеюсь, что Вы не откажете мне подать свою, что Вы отзовётесь на мой призыв», он не ответил.

Тем не менее, Тургенев не однажды вспомнил Ключникова – его образ запечатлелся в произведениях писателя 40-х – 50-х годов.

В стихотворении «Один, опять один я. Разошлась ...» (1844) Тургенев попытался передать трагический надлом, который произошёл в судьбе его учителя.

*То вижу я себя на лавке длинной,
Среди моих товарищей... Учитель –
Красноречивый, страстный, молодой –
Нам говорит о Боге ... молчаливо
Трепещут наши души... лёгким жаром
Пылают наши лица, гордой силой
Исполнен каждый юноша. Потом
Лет через пять в том городе далёком,
Наставника я встретил ... Поклонились
Друг другу мы неловко, торопливо
И тотчас разошлись. Но я заметить
Успел его смиренную походку,
И робкий взгляд и старческую бледность...»⁶*

Тургенев изобразил Ключникова в Щитове, персонаже повести «Андрей Колосов» (1844); мы находим его черты в герое рассказа «Гамлет Щигровского уезда» (1849), где писатель впервые представил образ «лишнего человека». Ключников упомянут в романе

Тургенева «Рудин» (1856) как «весёлый Щитов, Аристофан наших сходов». Возможно, что и в «гимназических страницах» истории Рудина нашли отражение черты биографии Ключникова. Не случайно поэт Я.П. Полонский, изобразивший Ключникова в поэме «Свежее преданье» под именем Камкова, писал:

..... Для меня
Камков действительно был гений,
Хоть он заметного следа
Среди общественных явлений
И не оставил, господа.
Увы! как Рудину, - тогда
Ему была одна дорога:
В дом богадельни иль острога.⁷

Надо думать, что жизнь И.П. Ключникова, в глазах Тургенева, воплотила в себе трагические судьбы поколений мыслящих людей России.

Примечания

1. Поэты кружка Н.В. Станкевича. М.-Л., 1964.
2. Анненков П.В. Н.В. Станкевич. Переписка его и биография. М., 1857. С. 132.
3. Поэты кружка Н.В. Станкевича. М.-Л., 1964.
4. То же.
5. То же.
6. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем (2). Соч. Т. 1. С. 51-52.
7. Полонский Я.П. Сочинения. Т.1. Стихотворения и поэмы. М., 1986. С. 304.

Е.В. Векуа

Внуки Тургенева

Почитатели И.С. Тургенева зачастую представляют его погружённым в стихию странствий, одиноким скитальцем, жизнь свою прожившим холостяком – отсюда представление о неуюте, домаш-

ней неустроенности быта писателя. Однако немногие знают, как дорожил Иван Сергеевич семейным теплом, задушевной близостью семейного круга. Об этом свидетельствуют его отношения с внуками – Жанной и Жоржем Брюэр. Эта сторона жизни Тургенева до сих пор не являлась предметом пристального изучения, а между тем всю свою нерастраченную отцовскую нежность, внимание и заботу он перенёс на своих внуков.

Иван Сергеевич ожидал появления на свет внуков с особым желанием и даже с некоторым нетерпением. Ещё за два года до рождения внучки он писал своей дочери 6(18) мая 1870 года: «Дорогая Полинетта, <...> будь здорова и подумай о том, чтобы сделать меня дедушкой».¹ Заветное желание осуществилось 6 (18) июня 1872 года – у Полины родилась дочь Жанна.

Весть о том, что Тургенев стал дедушкой, застала его в Сен-Валери, где он проходил лечение. В тот же день Иван Сергеевич спешил сообщить об этом важном в его жизни событии своим друзьям. По всей Европе разлетелись письма с радостной, доброй вестью: «Я стал дедушкой – наконец-то! <...> Моя дочь родила маленькую <...> совершенно здоровую дочурку», – сообщает Тургенев Людвигу Пичу (Письма, IX, 427). В письме к П.В.Анненкову он восклицает: «У меня семейная радость: дочь моя <...> родила благополучно дочку – так что я теперь дедушка» (Письма, IX, 296). И, не скрывая своей радости, он пишет Гюставу Флоберу: «Я стал дедом, у моей дочери родилась девочка, которую называли Жанной и которую я поеду крестить в конце августа (Письма, IX, 432).

Уже вскоре после известия о рождении внучки Тургенев стал готовиться к другому важному событию, по его словам, «великому событию – крещению Жаннетты» (Письма, X, 399). Он считал своим долгом стать крестным отцом внучки и выполнять обязанности крестного в течение всей жизни. Об этом событии Иван Сергеевич сообщил только самым близким людям. 2(14) сентября 1872 года он писал из Сен-Валери брату Н.С.Тургеневу: «6-го июля у моей дочери родилась дочка, а мне внучка, которой дали имя Jeanne. Я на днях еду крестить её» (Письма, IX, 320).

Однако писателя продолжали мучить приступы подагры, и его планы были нарушены. Крестины Жанны состоялись только летом 1873 года. Борис Зайцев в своём очерке «Потомство Тургенева» отмечал: «Дед почему-то хотел назвать её при крещении Ivan, но

французский священник справедливо воспротивился и назвал без всяких странностей Жанною».² Очевидно, что супруги Брюэр – Полина и её муж Гастон по обоюдному согласию дали имя девочке в честь её бабушки.

Навестить новорожденную внучку Ивану Сергеевичу представилась возможность лишь в октябре 1872 года. Конечно, эта поездка была для него знаменательной; о ней он с особой нежностью и искренностью писал своей парижской знакомой Валентине Делессер: «Я отправился в Ружмон к дочери и внучке. Они обе чувствуют себя чудесно, внучка <...> кричит так, что хоть святых вон выноси – а Полина сияет счастьем, хотя и очень плохо спит из-за криков и капризов этой барышни. Мне всегда казалось, что Полина будет превосходной матерью, и, действительно, так оно и есть. Мы делаем хорошо лишь то, что нас увлекает – а материнство, как будто, увлекает Полину больше всего» (Письма, X, 355).

Его слова, относящиеся к дочери, можно применить и к нему самому – его увлекало быть дедом и он это делал хорошо. Между прочим, в конце 1872 года Тургенев арендовал в окрестностях Ружмона охотничье угодье для того, чтобы чаще видеться с дочерью и внучкой. Теперь более частые приезды к «дорогим девочкам» он совмещал со своим любимым занятием – охотой.

Внимание и заботу Тургенева Полина и Жанна ощущали и на расстоянии, когда он находился в Париже или в других городах Европы. В письмах к дочери Тургенев интересовался состоянием здоровья Жанны и всегда радовался, получая известия о прекрасном самочувствии девочки. Он серьёзно тревожился и волновался, когда у Жанны был насморк, резались зубки. Он призывал Полину быть осторожнее в лечении и предостерегал от прогулок в плохую погоду. Иван Сергеевич был благодарен дочери, когда она выслала отцу фотографии маленькой Жанны: «Дорогая девочка, - писал Тургенев из Парижа 26 апреля (8 мая) 1873 года, – спасибо за твою фотографию – обычно у маленькой Жаннетты более весёлый вид – но всё-таки это мило! Я пошлю ей маленький подарок <...>» (Письма, X, 389).

Иван Сергеевич очень хотел, чтобы каждое важное событие в жизни его внучки было чем-то отмечено. Например, в первый Новый год Жанны – 1873-ий – дедушка Иван посылает ей шкурку барашка, а её родителям – медальоны. Возможно, из шкурки барашка предполагалось сшить шубку для малышки. Тургенев

не мог скрыть своего восторга, когда у Жаннетты прорезались первые зубки. Он писал об этом брату Н.С.Тургеневу 21 февраля (5 марта) 1873 года: «У моей внучки уже прорезались два зуба» (Письма, X, 77). В честь этого события Тургенев специально для неё заказывает серебряный столовый прибор с гравировкой. А к светлому дню Пасхи он готовит Жанне пасхальное яйцо с куклой внутри и стёкла для волшебного фонаря.

По мере того, как подрастала Жаннетта, Иван Сергеевич заботился и о всестороннем развитии ребёнка. Он сам подбирал ей книги для чтения, заказывая их у издателя и детского писателя Жюлья Этцеля, посылал для неё тетради по чистописанию на французском и немецком языках, бывало, что и сам при встрече давал ей уроки иностранных языков, сам учил её верховой езде. Специально для Жанны в Буживале, в конюшне у дедушки, имелась лошадь по прозвищу Жюльетта. Это была, по словам Тургенева, самая «спокойная лошадь во Франции», и Жанна блестяще правила ею. В такие моменты, когда внучка гостила у Тургенева, он был особенно счастлив и всегда с нетерпением ожидал её приезда: «Буду очень рад снова увидеться с <...> Жанной 25-го, - писал Иван Сергеевич дочери из Парижа 5(17) ноября 1875 года, - и постараюсь развлечь её, <...> она получит подарки» (Письма, XI, 385). Куклы, разнообразные игрушки, великолепные платья, сладости, конфеты и бесчисленное множество других подарков от дедушки Ивана украшали жизнь очаровательной Жаннетты.

Участие Тургенева в судьбе внучки не ограничивалось только его личным присутствием и подарками. Не следует забывать, что он стремился обеспечить и её финансовое благополучие. При рождении Жанны Иван Сергеевич оформил ценные бумаги на её имя, которые должны были обеспечить её будущее; высылал незначительные суммы денег по различным поводам для девочки, а когда материальное положение в семье дочери осложнилось, так как стекольная фабрика мужа требовала больших затрат, Тургенев принял решение сверх приданого выплачивать ей пенсию: «Я не могу допустить мысли, чтобы вы обе – ты и Жаннетта, нуждались», - подчёркивал он в письме к Полине от 1(13) января 1874 года (Письма, X, 422).

1875 год ознаменовался новым радостным событием для Тургенева и его близких – появлением на свет второго ребёнка Полины – сына Жоржа. Рождения этого малыша Иван Сергеевич ожидал

с тем же нетерпением и радостью, что и Жаннетту, и даже с некоторым чувством волнения: «Дорогая Полинетта, - писал Тургенев дочери 6(18) апреля 1875 года, - с некоторым беспокойством ожидаю я появления малютки № 2; надеюсь, что всё произойдет как нельзя лучше» (Письма, XI, 367). В ожидании этого события Иван Сергеевич каждую неделю писал Полине, интересуясь состоянием её здоровья, выражая своё нетерпение скорее увидеть малыша, сообщая обо всех приготовлениях, необходимых для рождения младенца. «Я видел <...> в Вербуа г-жу Тургеневу и мль Фанни. Я говорил с ними о твоей идее <...>, - сообщал Тургенев дочери из Парижа 15(27) мая 1875 года, - на Альберта как на крестного отца ты можешь рассчитывать; Фанни, вероятно, будет крёстной матерью только по доверенности. <...>³ Во всяком случае – крестины, вероятно, состоятся только осенью или в августе – после моего возвращения из Карлсбада. <...> Мы говорим об этом бедном младенце – а он ещё и на свет не появился. Когда ожидается событие? <...> Весьма настоятельно прошу Гастона послать мне телеграмму, как только это произойдёт. Я голосую за мальчика» (Письма, XI, 370-371).

Иван Сергеевич не ошибся, голосуя за мальчика. 9 августа 1875 года родился внук Жорж-Альберт Брюэр. Писатель спешил поздравить свою дочь со свершившимся событием: «Дорогая Полина, <...> я спешу тебя нежно поцеловать и повторить мои поздравления. <...> Прошу тебя беречь себя как можно больше. Будешь ли ты сама кормить своего младенца? <...> Целую Вас теперь уже всех четверых и остаюсь навсегда твой любящий отец И. Тургенев» (Письма, XI, 374).

Иван Сергеевич проявлял нежную заботу о своём новорожденном внуке. Он искренне был рад решению Полины самой кормить своего сына. Он взял на себя все заботы по организации крестин Жоржа, которые состоялись 1 сентября 1875 года. Восприимчиками мальчика, как и предполагалось, стали Альберт и Фанни Тургеневы. Иван Сергеевич приобрёл облигации для Жоржа, чтобы обеспечить будущее своего внука.

Он был по-настоящему счастлив, когда находился рядом с «резвухой Жанной и толстеньким философом Жоржем». И снова заботливый дедушка дарил игрушки, покупал конфеты, готовил новогодние подарки. Например, в канун 1878 года это были флаконы с туалетной Суэцкой водой, а в 1882 году – засахаренные каштаны

и книги. Накануне 1882 года Иван Сергеевич получил от Жанны письмо, вероятно, это было первое её письмо к любимому дедушке, которым он был очень тронут. Тургенев отвечал 16(28) декабря 1881 года: «Спасибо, дорогая моя девочка, за письмо, оно мне доставило большое удовольствие. Вижу, что ты умница, работаешь усердно и помогаешь маме. <...> Посылаю тебе свою фотографию, как ты просила. <...> Сердечно целую тебя. Твой старый дедушка И.Т.» (Письма, XIII, 365). Жанна получила фотографию деда с надписью: «à ma petite Jeanne» и хранила её, как дорогую память, до конца своих дней.⁴

Полина вместе с отцом радовалась за своих детей и в письмах к нему рассказывала обо всех новостях, происходивших в жизни Жанны и Жоржа. «Слава Богу, мои дети чувствуют себя неплохо, - сообщает она Тургеневу 9(21) июля 1881 года. – Жорж теперь уже не так боится шевелить своими пальчиками: почерк у него не блестящий, но уже начинает исправляться. Чтение у него идёт совсем неплохо и т.п.; но его механическая лошадка у него идёт лучше всего того, о чём я уже сказала: вот какой подарок ты ему сделал. Моя Жанна – это моя маленькая подруга, она становится весьма рассудительной и очень мила со мной; это совсем не лишнее, потому что у меня часто так много огорчений и иногда на сердце так тяжело».⁵

Действительно, радостные и приятные моменты омрачались давно приближавшимся разорением семьи Брюэр. В начале 1882 года стекольная фабрика мужа Полины обанкротилась, да и оставаться ей с детьми рядом с Гастоном стало невозможным. «Давно назревавшая катастрофа с моим зятем и дочерью совершилась, - сообщал Тургенев П.В. Анненкову 13(25) февраля 1882 года из Парижа, - он умудрился пустить на ветер даже те деньги, которые я полагал упрочить за моими внуками, стал пьянствовать, грозить то себя убить, то её – и теперь я ежедневно ожидаю, что она прибежит сюда со своими детьми – я должен буду её прятать и немедленно завести процесс de séparation de corps et de biens <...> - и, так как надо опять обзавестись деньгами, продал своего любимого Руссо,⁶ продаю лошадь, кареты и т.д.» (Письма, XIII, 200).

В трудную минуту Тургенев неизменно спешил на помощь дочери. В начале марта 1882 года Полина с детьми, при поддержке отца, тайно бежала от мужа в Париж, откуда Иван Сергеевич вынужден

был отправить их в Швейцарию. Полина с детьми поселилась в городе Солёре в гостинице «Корона». Тургенев в строжайшем секрете сохранял информацию о местонахождении дочери и внуков, так как они могли быть обнаружены Гастоном Брюэром, на стороне которого были закон и право.

Об этом Тургенев неоднократно напоминал Полине и предупреждал её: «Живи как можно тише, - писал он дочери 4(16) марта 1882 года вскоре после её отъезда в Швейцарию, - не показывайся слишком много на людях, говори мало, не заводи знакомств. Знай, что твой муж предпримет самые тщательные розыски – и, если он когда-либо обнаружит твоё убежище <...>, ничто не спасёт тебя от его когтей» (Письма, XIII, 372). «Ничто не помешает ему тогда силой забрать своих детей, и никто не сможет их отстоять», - подчёркивал Иван Сергеевич в другом своём письме к Полине (Письма, XIII, 246).

Беспокойство писателя оказалось ненапрасным. Гастон Брюэр, действительно, в начале 1883 года предпринял все меры, чтобы разыскать свою семью. Его рука простиралась вплоть до России. В Орловском областном архиве хранится документ:⁷

«Министерство иностранных дел

Департамент внутренних сношений отд. I, стол I.

7 мая 1883. № 3605. Господину начальнику Орловской губернии.

Пребывающее здесь французское посольство, по ходатайству французского гражданина Гастона Брюэра, обратилось в Министерство иностранных дел с просьбой о сообщении ему сведений о настоящем месте пребывания жены названного иностранца Пелагеи Ивановны Брюэр, урождённой Тургеневой.

По объяснению помянутого посольства Пелагея Брюэр в минувшем марте месяце покинула своего мужа, взяв с собой двух детей Жанну 10 лет и 9 мес и Георгия 8 1/8 лет, и по всей вероятности проживает в имении своего отца Ивана Тургенева в Орловской губернии. Впоследствии сего Департамент Внутренних сношений имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказывать в наведении справок о том не проживает ли Пелагея Брюэр в местности вверенной управлению Вашему и о последующем почтить оный уведомлением».⁸

14 мая 1883 года этот документ поступил в канцелярию Министерства внутренних дел Орловского губернатора, откуда был отправлен Мценскому уездному исправнику. Через месяц из Мценска последовал ответ:

«Мценского уездного исправника

Рапорт

Во исполнение предписания Вашего Превосходительства от 14 мая за № 1777 имею честь донести, что в имении землевладельца Ивана Тургенева, в селе Спасском-Лутовинове тож французженки Пелагеи Брюэр с её детьми Жанной и Георгием на жительстве не было и в настоящее время нет. № 494. 10 июня 1883. Исправник Герасимов».⁹

Возможности находиться рядом с дочерью и внуками у Тургенева не было, и он старался сделать всё возможное, чтобы Полина и дети чувствовали себя комфортно и ни в чём не нуждались, находясь вдали от дома. Он выплачивал постоянное содержание, сверх того высылал деньги на одежду, лечение, подарки внукам, часто писал им. Письма являлись тогда единственным связующим звеном между ними. Из них Иван Сергеевич узнавал в последние полтора года своей жизни о событиях, происходящих в судьбе родных людей. «Дорогая Жаннетта, - писал Тургенев внучке 26 июля (7 августа) 1882 года из Буживаля. – Продолжай рассказывать мне обо всём, что вы делаете, о ваших прогулках, ваших занятиях и т.д. Всё это мне очень интересно» (Письма, XIII, 390).

Письма внуков доставляли ему огромное удовольствие, и он спешил ответить им,¹⁰ несмотря на то, что уже был серьёзно болен и ограничен в движении. «Не могу много писать, - сообщал он дочери 22 июня (4 июля) 1882 года из Буживаля, - из-за того, что движение руки увеличивает невралгическую боль в груди. Вот всё же две записочки для Жанны и Жоржа» (Письма, XIII, 385). Иногда у него не было возможности написать ответ каждому из них, тогда в письмах к дочери Тургенев просил её передать внукам свои извинения и обещание вскоре ответить, или высылал для них некоторую сумму денег, чтобы поощрить их за милые, прелестные письма: «Моя дорогая Полинетта, - писал он из Буживаля 12(24) июня 1882 года. – Письмо маленького Жоржа очаровательно, скажи ему, что я его целую в обе щёчки и на днях напишу ему» (Письма, XIII, 384). В другом своём письме от 10(22) июля 1882 года он обращается к Полине с просьбой: «Передай прилагаемый листок Жанне, написавшей мне премилое письмо; мне хочется, я пишу это ей, чтобы ты сделала ей подарок <...>» (Письма, XIII, 387).

Как и прежде, дети получали подарки от бабушки Ивана, но из всего их множества главным подарком для внуков Тургенев считал книги. «Книги ваши, должно быть, прибыли, - писал он Жанне 7(19) августа 1882 года, - там есть книги и для тебя, и для толстяка Жоржа. На днях я вышлю вам каталог Розовой библиотеки – и ты попросишь маму выбрать книги, которые она хотела бы, чтобы я тебе выслал» (Письма, XIII, 392). Тургенев отбирал для внуков лучшие издания из книг, выходивших специальными тиражами в Париже в 70-е годы, часто посылал книги на других европейских языках. Порою Иван Сергеевич обращался к своему другу П.В. Анненкову выслать для Жанны и Жоржа карманные лексиконы и несколько английских и немецких книг. Анненков с большим участием относился к просьбам писателя. «К требуемым книгам, - сообщал он Тургеневу 2 (14) октября 1882 года, - я присоединил из богатой (излишне) детской библиотеки моих детей три апробированных английских рассказа и два немецких. Они отслужили хорошо у меня – то же, вероятно, сделают и там».¹¹

Действительно, эти книги стали для детей Полины хорошими помощниками в обучении иностранным языкам. А Иван Сергеевич искренне радовался успехам внуков в изучении английского и немецкого и писал ей об этом 7(19) августа 1882 года: «Моя дорогая маленькая Жанна, пишу тебе <...>, чтобы поблагодарить за твоё милое полуанглийское и полуфранцузское письмо. Всё о чём ты пишешь, очень меня позабавило и заинтересовало – и я нашёл очень мало ошибок в английском. Теперь ожидаю письмецо на немецком языке. В жизни очень важно знать иностранный язык! Это развивает ум и может оказаться весьма полезным» (Письма, XIII, 392). Прилежная Жанна внимала каждому слову любимого дедушки, прислушивалась к его советам, и, кстати сказать, письмо на немецком языке не заставило себя долго ждать. Уже 18(30) ноября 1882 года Иван Сергеевич в письме к Жанне восклицал: «Моя дорогая Жанна! Твоё немецкое письмо очень обрадовало меня. <...> Ты умная и милая девочка, трудишься с охотой и делаешь большие успехи. В твоём письме я нашёл очень мало ошибок: когда я вспоминаю, что ты начала заниматься немецким языком лишь несколько месяцев назад, то не могу не воскликнуть: «браво!» - и хочу сердечно расцеловать тебя» (Письма, XIII, 248).

Десятилетняя Жанна была добросовестной, рассудительной и последовательной во всём девочкой. Иван Сергеевич ценил в ней эти качества и подчёркивал: «Ты могла бы уже быть маленькой учительницей твоего славного бутуза-брата» (Письма, XIII₂, 240).

«Славный бутуз» Жорж также старательно писал дедушке Ивану. Иван Сергеевич с нежностью и умилением прочитывал короткие записочки маленького Жоржа. Однако его серьёзно тревожило состояние здоровья мальчика: простуда, корь, молочница – с небольшим интервалом времени сменяли друг друга. В такие моменты Тургенев спешил поддержать и успокоить своих детей: «Моя дорогая Жанна, - писал он внучке 15(27) июля 1882 года. – Сегодня хочу только сказать тебе и твоей маме, что не надо слишком беспокоиться: афтозный стоматит – детская болезнь, очень неприятная, но вовсе не опасная. Это не значит, что малыша Жоржа не следует пичкать лекарствами – и я уверен, что вы очень хорошо с этим справляетесь» (Письма, XIII₁, 387). После слов поддержки следовала материальная помощь. Иван Сергеевич тотчас высылал деньги на лекарства, врачей, разъезды в экипаже. Когда болела сама Полина, то главной её помощницей становилась Жанна. Тогда именно ей – рассудительной, умной девочке, Тургенев писал письма весьма серьёзного содержания: «Моя дорогая Жаннетта, - обращается он к ней 7(19) октября 1882 года. – Ты такая милая и такая умница, что я пишу тебе как взрослой. То, что ты говоришь о здоровье твоей мамы, очень меня огорчило <...>. Но не надо пугаться, а главное, не надо, чтобы она пугалась. Твоя мама легко поддаётся чувству страха. Не сомневаюсь в том, что, приняв необходимые меры, она очень быстро поправится <...>. Только, ради бога, пусть не слишком пичкается разными снадобьями! У неё всегда была эта скверная привычка. Движение, диета – вот что избавит её от приливов крови» (Письма, XIII₂, 240).

Пристальное внимание Тургенева было направлено не только на здоровье дочери и внуков, их занятия и развитие, он заботился и о нравственной стороне их воспитания. В своих письмах к дочери и внукам он всегда говорил об уважении и благодарности к окружающим людям, и своим близким. Например, в письме к Жанне от 7(19) августа 1882 года, радуясь успехам внучки в изучении иностранных языков, Тургенев отмечал: «Ты должна быть благодарна маме за всё то, что она делает в этом отношении»

(Письма, XIII, 392). Иван Сергеевич сам был человеком благодарным, любящим людей и учил этому своих близких: «Моя дорогая Жанна! – писал он 18(30) ноября 1882 года. – Передай мою сердечную благодарность твоей учительнице. Продолжай быть такой же – и твои родители будут радоваться, глядя на тебя. Поцелуй маму и брата и позволь твоему дедушке обнять тебя! Любящий тебя И.Т.» (Письма, XIII, 248). Это было последнее письмо Тургенева к внучке.

Его уроки не были напрасными. Жанна и Жорж всю жизнь были благодарны своему деду и свято чтили его память. Возможно, он был самым ярким воспоминанием в их жизни.

Об их дальнейшей судьбе известно совсем немного. После смерти Тургенева они жили на наследство, которое завещал им писатель – сто тысяч франков. Это наследство могло надёжно обеспечить Полину и её детей до их совершеннолетия. Известно, что он «перед смертью намеревался продать Спасское, капитал передать в руки Виардо, чтобы она, по мере надобности, удовлетворяла нуждам его внучат <...>, его желание не состоялось вследствие его скорой смерти».¹²

Когда Жанна подросла, она стала зарабатывать на жизнь сама, преподавая английский, французский, немецкий и музыку. Борис Зайцев, познакомившийся с Жанной Брюэр в Париже в 30-е годы XX века, вспоминал: «Знаю о ней мало. Знаю, что <...> находилась при матери и ухаживала за ней, когда та состарилась. Была музыкантшей и давала уроки. Поселилась в наших краях на avenue Mozart, жила бедно и одиноко. Наш Союз писателей иногда помогал ей – сколько мог! – жест скорее символический».¹³

В 1919 году от рака умерла мать – Полина Брюэр, а спустя пять лет после её кончины не стало и брата Жоржа. Он умер в Париже в возрасте 49 лет 23 июня 1924 года. Жорж был холост и не оставил потомства. Жанна тоже замужем не была. Она носила фамилию своего деда, не имея на это официального разрешения. Французский публицист Саккар в своём очерке «У внучки Тургенева» отмечал, что в лице Жанны было «какое-то неуловимое сходство со знакомым всем обликом, какая-то фамильная складка, зоркий взгляд тургеньевских глаз».¹⁴

В самом деле, Жанна была в семье единственной, в ком отозвалась любовь Тургенева к искусству. Она была прекрасной музыкантшей, сочиняла стихи – на её слова написаны десятки музы-

кальных произведений, романсов и мелодекламаций; она неплохо рисовала. Её друзьями были люди известные в музыкальном и артистическом мире.

Жанна Тургенева бережно хранила реликвии, связанные с памятью великого деда: фотография, подаренная им девятилетней Жанне, тетрадь с тёмно-зелёной обложкой, на которой по заказу Ивана Сергеевича было выгравировано её имя – подарок за хорошую учёбу, его бюст работы М.М. Антакольского (копия, подаренная Полине отцом), пианино, некогда полученное Полиной от Тургенева в приданое. Жанна хранила альбом семейных фотографий, но самой большой ценностью были для неё письма Тургенева к её матери и к ней самой, которые она долгое время берегла и отказывалась публиковать. Лишь в 1933 году она согласилась расстаться с письмами деда: Государственный литературный музей приобрёл у неё 320 писем. Ныне все они опубликованы в Академическом собрании сочинений и писем И.С. Тургенева.

Весной 1952 года в Париже на улице Мозар на пожилую француженку налетел грузовик и сбил её с ног – это была Жанна Брюэр-Тургенева. Через несколько дней (18 апреля 1952 года) она скончалась в парижском госпитале. Борис Зайцев, узнав эту печальную весть, писал: «Так нередко бывает, когда нельзя уже ничего вернуть, начинаешь раздумывать, даже и укорять себя: а если бы ближе подойти, больше помочь, больше и разузнать о Тургеневе – из семейных преданий. Может быть. Но вот уж так вышло, теперь не воротить... Она закончила собой нерадостную линию тургеньевского потомства, в самом корне которого лежало нечто неправильное и горькое».¹⁵

Примечания

1. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Изд. 1-е. М.-Л.: «Наука», 1960-1968. Письма. Т. VIII. М.-Л., 1964. С. 377. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте в скобках с указанием тома римскими и страницы арабскими цифрами, ссылка на письма даётся с пометой «Письма».

2. *Зайцев Б.К.* Собрание сочинений: Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М.: Русская книга, 2000. С. 314.

3. Тургеневы Альберт и Фанни – сын и дочь декабриста Н.И. Тургенева, который с 1824 года жил в Париже. На протяжении двадцати лет Тургенев поддерживал с Николаем Ивановичем и его семьёй постоянные дружеские отношения. Поэтому выбор Альберта и Фанни в качестве крёстных родителей будущего ребёнка был неслучаен.

4. Эта фотография опубликована французским исследователем жизни и творчества И.С. Тургенева Саккаром в его очерке «У внучки Тургенева», помещённом в парижском журнале «Иллюстрированная Россия», 1933, № 23.

5. *Бронь Т.И.* Тургенев и его дочь Полина Тургенева-Брюэр // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Т. II. М.-Л.: «Наука», 1966. С. 336.

6. Картина Теодора Руссо, изображающая чащу леса в жаркий полдень и в глубине уходящую фигуру женщины-крестьянки, была последней, оставшейся из ценной коллекции Тургенева произведений старой голландской и современной французской живописи. Картину купил С.М. Третьяков.

7. Автор приносит глубокую благодарность старшему научному сотруднику Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева С.Л. Жидковой за предоставленные архивные сведения.

8. Государственный архив Орловской области (ГАОО), ф. 580, ст. 2, д. 2319, л. 216. В публикации сохранены синтаксические особенности текста.

9. ГАОО. Там же, л.216.

10. Письма Жанны и Жоржа к Ивану Сергеевичу неизвестны. Известно шесть писем И.С. Тургенева к Жанне.

11. *Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 2. 1875-1883. С.-Петербург: «Наука», 2005. С. 165.

12. *Щепкина С.Г.* И.С. Тургенев в Спасском-Лутовинове // Красный архив, 1940, № 3. С. 228

13. *Зайцев Б.К.* Указ. соч. С. 314.

14. См.: *Бронь Т.И.* Тургенев и его дочь Полина Тургенева-Брюэр // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Т. II. М.-Л.: «Наука», 1966. С. 333.

15. *Зайцев Б.К.* Указ. соч. С. 314.

И.С. ТУРГЕНЕВ И МАША РАШЕТ (1854-1921)

«Великое сердце» И.С. Тургенева, «способное всё понять и всех пожалеть», очень ярко проявилось в отношении к детям. Писатель-гуманист, который, как и А.П. Чехов, мог сказать о себе: «В детстве у меня не было детства», всю жизнь был чрезвычайно внимателен и сердечно относился к детям: к своей внебрачной дочери Полине, к своим внукам, к детям родственников и друзей.

В начале 1860-х годов в Париже Тургенев устраивал у себя детские рождественские праздники, которые были у него, по-видимому, традиционными. Известно, что под новый 1860 год на таком празднике были у него младшие дочери Виардо Клоди и Марианна, младший сын Н.И. Тургенева Пётр, сын М.А. Маркович (М. Вовчок) Богдан, десятилетняя дочь А.И. Герцена Ольга. В письме к Герцену от 28 декабря (9 января) 1861 года Тургенев писал: «Ольга обедала у меня в воскресенье с другими детьми. Я представлял медведя и ходил на четвереньках». Писатель дарил детям подарки, ради этих праздников отменял встречи с друзьями-литераторами.

Под новый 1861 год на Рождественский праздник Тургенев пригласил Машу Рашет. Маня, как ласково называл её писатель, была одной из дочерей Натальи Николаевны Рашет, замечательной «тургеневской женщины», остановившей внимание Тургенева в 1860-е годы. Переводчица, близкий друг поэта К.К. Случевского, она была знакома с Н.А. Добролюбовым, И.А. Гончаровым, А.М. Жемчужниковым. Тургенев познакомился с ней в Париже в 1860 или в 1861 году, вероятно, через К.К. Случевского, и с тех пор в течение десятилетия их связывала самая сердечная дружба. Они постоянно переписывались, часто встречались, Тургенев читал ей свои новые произведения, принимал самое близкое участие в её семейных делах, очень тепло относился к её дочерям – Марии и Елене.

Писатель постоянно справлялся о здоровье и учёбе Мани, рекомендовал для неё врачей. В каждом письме к Н.Н. Рашет – «кланяйтесь Мане», «целую Маню», «я рад, что уроки Мани идут хорошо».

В 1866 году Тургенев подарил Маше Рашет «Волшебные сказки» Ш. Перро, в переводе которых на русский язык принимала участие её мать, Н.Н. Рашет. Перевод сказок на русский язык с предисловием Тургенева вышел из печати в Лейпциге в феврале 1866 года. В том же году «Сказки» были изданы и в России – «Волшебные сказки Перро» (Рис. Г. Дорэ. Изд. М.О. Вольфа. СПб., 1866). «Сказки» хранятся в библиотеке музея И.С. Тургенева в Орле.

12 (24) ноября 1869 года Тургенев писал Н.Н. Рашет из Баден-Бадена: «Надеюсь, что старания зубного врача увенчались успехом и ничего не испортит хорошенького лица Вашей дочери, которой – в ответ на её просьбу – прошу передать ответ Калонна: “Si c'est possible и т.д.”»

О какой просьбе Мани шла речь, к сожалению, неизвестно. Тургенев передаёт ей исторический анекдот, согласно которому генеральный контролёр финансов при дворе французского короля Людовика XVI Шарль Александр Калонн, прославившийся своей изворотливостью в поставлении средств расточительной королеве Марии Антуанетте, на одну из её просьб ответил: «*Madame, si c'est possible, c'est deja fait; si c'est impossible, cela se fera*» (Государыня, если это возможно, то уже исполнено; если невозможно, то будет исполнено). Так же ответил и писатель на просьбу пятнадцатилетней девочки.

В 1870 году Н.Н. Рашет с дочерьми проводила зиму в Виленской губернии, в своём родовом имении Соллы. 1 (13) марта 1870 года Тургенев писал ей из Веймара: «<...> боюсь только, что Вы соскучаетесь в деревне. Но, по Вашим словам, Маня веселится, стало быть, всё в порядке. Жалко мне только, что здоровье Леночки неудовлетворительно; но теперь уже зима на исходе. [Кстати, скажите Мане, что я желал бы быть моим Пэгазом (в 1871 году Тургенев написал об этой своей собаке очерк “Пэгаз” – Л.А.) – во-1-х, потому, что он мастер своего дела; во-2-х, потому, что он живёт как сыр в масле катается; в-3-х, потому, что он собака. Между прочим, мне пишут из Бадена, что у него открылась подагра: вот уж это не по-собачьи]. Судя по всему, писатель с удовольствием предавался в своих беседах с детьми разговорам о животных.

Н.Н. Рашет уделяла большое внимание воспитанию дочерей, которые получили блестящее образование. В орловском музее И.С. Тургенева хранится дневник Марии Рашет, который она вела с 1868 по 1921 год. Судя по дневнику, она интересовалась поэзией, по-ви-

димому, сама писала стихи, переводила поэтов с пяти языков: французского, немецкого, английского, итальянского и латинского. Ей было свойственно утончённое художественное чувство. Есть в дневнике выделенные слова: «Выше всего на земле ставить человеческое достоинство, своё и чужое». Стоит напомнить в этой связи, что её старый приятель И.С. Тургенев считал сохранение достоинства, быть может, главной целью человеческой жизни.

Мария Рашет оказалась достойной дочерью своей матери, её тоже можно причислить к сонму «тургеньевских женщин».

В 1872 году Маша Рашет выходит замуж. 29 июля (10 августа) 1872 года в последнем письме к её матери, Наталье Николаевне, Тургенев благодарит её за приглашение быть посажённым отцом на свадьбе Мани. Она становится М.В. Велиховой. Известно, что писатель был знаком с её мужем, но пока не удалось установить, кто такой А.Т. Велихов, по словам Тургенева, способный составить счастье М. Рашет. Последняя запись в дневнике М.В. Велиховой – времени гражданской войны: «Пальто и шубы проданы, брюки проданы, пиджак продан». Думается, что в это грозное, трагическое время М.В. Рашет-Велихова не раз с теплотой вспоминала свою дружбу, продолжавшуюся в течение десяти лет, с «добрым великаном» - И.С. Тургеневым.

II

И.С. Тургенев для детей.

Научные исследования и сообщения

Царица эльфов. Иллюстрация к сказке И. С. Тургенева «Последний колдун».
С акварели А. А. Шевченко 2-й половины 1990-х гг.

КОНЦЕПТ «ВОДА» В СКАЗКАХ И. С. ТУРГЕНЕВА И РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРОЗЕ

Иван Сергеевич Тургенев известен не только как гениальный прозаик, но и как автор и переводчик на русский язык волшебных сказок. В этой статье будут привлечены к анализу два его произведения - авторский перевод сказки Шарля Перро «Волшебница» и оригинальная литературная «Капля жизни».¹ В этих произведениях налицо несомненная осведомлённость писателя в области традиционной устной народной прозы, специфики её тематики и сюжетики, образной системы, лексического и стилистического выражения. Известно, что традиционные коллективные народные представления о мире и месте человека в нём способны получать выражение в языке. Однако всякий раз остаётся многое, что не может быть до конца вербально выражено. Такая недосказанность создаёт почву для развития воображения, фантазии, той или иной интерпретации различных дискурсов. Это свойство выражается в одном из основных конститутивных признаков фольклора – вариативности. Понятие концепт может быть определено как микромодель системы «культура». Они входят в так называемые «прецедентные» тексты, к которым, без сомнения, относятся фольклорные нарративы. Под концептами в науке понимаются «оперативные содержательные единицы памяти, ментального лексикона, отраженные в человеческой психике. Извлекая эти единицы из памяти, люди оперируют ими во «внутренней речи».²

Ментальные концепты тысячелетиями хранятся в народной памяти и могут вербально каждый раз выражаться по-разному. Одним из них может быть назван концепт «Вода». В народной культуре вода связана с древнейшими представлениями об её очистительной и животворной силе. В каждом регионе России и в наше время есть особо почитаемые водные источники: ключи, родники, озёра. Использование воды до сих пор связано с календарными или семейными обрядовыми практиками. Есть специальные дни, отмеченные особым почитанием воды: Крещение, Иван Купала, Ильин день. В некоторых местах России существуют представления о том, что на вторник после Троицы вода во всех источниках священна. В этот

день говорят: «сегодня Вода - именинница» и соблюдают табу не действия с водой. Например, в Сибири об этих днях рассказывают следующее: «Первый день – Троица. Второй день – Духов день, ухаживают за землёй, копать нельзя её, можно только поливать. Третий день – вода-именинница: нельзя стираться и поливать, пить можно, погано пользоваться нельзя».³

Интерес к этой теме исследователи народной культуры проявляли давно, свидетельством тому является обращение А.Н. Афанасьева в своём гениальном труде «Поэтические воззрения славян на природу» к исследованию образа одной из древнейших мировых стихий - воде. Обобщая различные её качества и функции в обрядовых практиках индоевропейских народов, опозитизированные в фольклоре, он различал источники небесные и земные: «Дожденосные облака издревле представлялись небесными колодцами и реками. <...> Отсюда, во-первых, явилось верование, что дождь, особенно весенний, дарует тем, кто им умывается, силы, здоровье, красоту и чадородие; больным дают пить дождевую воду, как лекарство, или советуют в ней купаться.<...> По древнему воззрению Перун, как бог, проливающий дожди и через то иссушающий тучи, пьёт из небесных ключей живительную влагу. В этой метафоре дождя славянские сказки различают два отдельных представления: они говорят о мёртвой и живой воде – различие, не встречаемое в преданиях других родственных народов». А.Н. Афанасьев писал о необыкновенной силе живой и мёртвой воды в народной поэзии: «Кто выпьет живой или богатырской воды, у того тотчас прибывает сила великая: только отведав такой чудодейственной воды, русский богатырь может поднять меч - кладенец (= молнию) и поразить змея, т.е. бог - громовник только тогда побеждает демона-тучу, когда упьётся дождём».⁴

И.С. Тургенев, вне всякого сомнения, был знаком с этим широко известным в то время в России исследованием А.Н.Афанасьева. В рассматриваемых в этой статье сказках присутствует образ живой воды, как земной, из колодца в сказке «Волшебница», так и небесной, падающей с высокого свода пещеры в «Капле жизни». Перевод И. С. Тургенева сказки Шарля Перро «Волшебница», сделанный в 1866 году, значительно приближен к оригиналу, но отличается, на наш взгляд, необычайной изысканностью языка и особой эмоциональностью.⁵ Несомненно, что такой удачный перевод обусловлен прекрасным знанием русской сказочной традиции и виртуозным владением народным языком.

Начало сказки традиционно дает представление об отношениях в семье. Мать-вдова безгранично любила старшую дочь и «чувствовала к младшей отвращение неодолимое. Она заставляла ее работать с утра до вечера и не позволяла ей обедать за столом, а отсылала на кухню. Два раза в день бедняжка должна была ходить по воду за три версты и приносить оттуда большой тяжелый кувшин, полный доверху». Однажды у колодца девушку испытывает волшебница в облике нищенки, где девушка показывает свои лучшие качества. За добрый нрав героиня получает от волшебницы подарок: «всякий раз, как ты промолвишь слово, у тебя изо рта выпадет либо цветок, либо драгоценный камень». Девушка возвращается домой и на брань матери вежливо отвечает: «Извини меня, матушка; я точно немного замешкалась, – отвечала она и тут же выронила изо рта две розы, два жемчуга и два больших алмаза». Скромности и доброте младшей дочери при встрече у источника с дамой, чрезвычайно богато одетой, противопоставлена грубость старшей, которая на просьбу волшебницы отвечает: «Уж не для тебя ли я принесла из дома этот серебряный графин? Вишь, какая барыня! Ты сама рукой зачерпни, коли так тебе пить хочется». За такие грубые речи волшебница называет ее невежей и тоже одаривает ее. Под стать дочери и мать, это мастерски показал И. С. Тургенев в их кратком диалоге при встрече: «Мать, как только издали завидела свою Грушу, тотчас ей закричала:

– Ну что, дочка?

– Ну что, matka? – отвечала та, и у нее изо рта выскочили две змеи и две жабы».⁶

Чудесные способности младшей дочери помогают ей удачно выйти замуж за царского сына, а старшая Груша «умерла одна в лесу с горя и от голода».

Волшебные сказки из сборника Шарля Перро широко известны в России, они переводились с французского языка на русский много раз. И. С. Тургенев в длинном ряду переводчиков не был ни первым, ни последним, но его вариант пересказа этой сказки, на наш взгляд, оказался самым удачно адаптированным к русской сказочной традиции.

В русской сказочной традиции есть сюжетный тип, во многом сходный с рассматриваемой нами сказкой Ш. Перро: СУС – 403А* Падчерица и родная дочь: первая за вежливость и доброту получает от старухи чудесную способность ронять изо рта розы и драгоценные камни; вторая за грубость наказывается тем, что у нее изо рта сыплются жабы, змеи, ящерицы.⁷ Этот сюжетный тип представлен

в указателе единственной записью сказки «Дочь и падчерица» из сборника Н. Д. Комовской.⁸ Начальный эпизод дает представление о составе семьи: мачеха с дочерью и падчерица. «Вот мачеха невзлюбила падчерицу, всячески над ней издевалась и заставляла стирать и готовить на всех». Падчерицу у колодца, как и в сказке Ш. Перро, испытывает «старая-престарая старушка». Падчерица успешно проходит испытание, дает ей напиться воды из кувшина, за что получает чудесную способность: «За такую доброту будут у тебя лететь изо рта с каждым словом розы и драгоценные камни». Родная дочь идет также за водой, но не проходит испытания, не дает воды старушке, за что та ее наказывает: «За такую злобу при каждом слове будут у тебя лететь изо рта жабы, змеи и ящерицы». Родная дочь приходит домой, «мать ее встречает радостно: – Что ты, доченька моя, так долго? А дочь ей отрезала: «Сколько надо, столько и стояла!» Как только сказала это – у нее сразу вылетела жаба изо рта. Рассердилась мать за такое дело и выгнала от себя падчерицу. И дочь выгнала».

Далее сюжет развивается не так, как в сказке «Волшебница». В этом сегменте текста речь идет о приключениях родной дочки. Сначала ее приютила старушка, что жила в лесной избушке: она не посмотрела на то, что «у нее гады изо рта вылетают». Но и та ее скоро прогнала за то, что «ничего не делает, ест за двоих, а все недовольна». Далее встречаются у нее на пути слуга царя, который испугался: «Что за диво такое? Человек говорит, а у него змеи изо рта летают!». Слуга рассказал царю про эту девушку, но тот не поверил, он взял ее во дворец и задумал на ней жениться. На свадебный пир явилась мать, дочь закричала: «Ты зачем здесь?» И тогда изо рта у дочери стали вылетать «жабы, змеи и гады». Царь понял, что слуга ему не лгал, но «делать нечего. Приходится ему на злой дочери жениться. Поженились они, пожили они год-два, и вскоре царь ее выгнал». В конце повествования, как и в переводе И.С. Тургенева, падчерица выходит замуж за сына царя.

В примечании к этой сказке Н. Д. Комовская указывает: «Записана в 1938 году от Александры Ивановны Одинцовой, 48 лет, в г. Муроме. Сказки Одинцовой – преимущественно поучительного характера. Они навеяны чтением книг, среди которых попадались и сборники сказок. У Одинцовой мы встречаем не совсем обычный, но выразительный по всей образности показ положительных качеств падчерицы и отрицательных – дочери. Варианты см.: Афанасьев 95, 96, 102, 103, Саратовский фольклор, 368».⁹

Нам удалось обнаружить ещё один вариант сюжетного типа. Он записан недалеко от г. Мурома и опубликован в сборнике М. П. Шустова.¹⁰ Он очень схож с вариантом из сборника Н.Д. Комовской. В начале сказки говорится, что у вдовы была дочь и падчерица. «Однажды послала она падчерицу за водой. У колодца ей встретилась старушка:

- Дай, девушка, воды мне немного напиться...

- Пожалуйста, бабушка, - ответила девушку и поднесла ей кружку.

Старушка выпила и сказала:

— За доброту твою будут сыпаться изо рта твоего при слове каждым цветы и драгоценные камни». Родная дочь мачехи не проходит испытание у колодца и за это изо рта у неё вылетают при каждом слове змеи, жабы и ящерицы.¹¹

Если предположить, что эти два варианта сюжетного типа «Падчерица и родная дочь» возникли под влиянием книжной традиции, то можно заметить определенное типологическое сходство в развитии эпизода испытания и получения чудесных способностей. Кроме того, подтверждением этой гипотезы может служить такая деталь, как кувшин. Известно, что в традиционном русском крестьянском быту воду приносили в ведрах, и обычно два ведра вешали на коромысло. Кувшинами воду не носили. Но, наряду со сходством наблюдаются и существенные различия трёх сказок уже в начальном эпизоде в системе персонажей. Это дает основание утверждать, что, возможно, произошла адаптация литературного сюжета к русской сказочной традиции: исконно русская сказочная оппозиция мачеха/падчерица заменила собой противопоставление старшей и младшей дочерей одной матери в сказке Шарля Перро. Однако дальнейшее развитие сюжета говорит не в пользу его заимствования: он развивается по оригинальной схеме. Как и в сказке Перро, мотив «Героиня получает чудесные способности» является в русской сказке сюжетообразующим. В сказке Шарля Перро мать не любит одну из дочерей. И есть объяснение, мотивировка такого отношения: она похожа на ее покойного мужа. Как и в русских вариантах, девочка обречена на тяжелую работу и бесправное положение. Но такого мотива, как в русских сказках о мачехе и падчерице, «Мачеха хочет погубить падчерицу», в сказке Ш. Перро нет.

Мог ли русский перевод сказки Шарля Перро повлиять на появление этого мотива в отечественной сказочной традиции? Если да, то когда это произошло? Следует уточнить, что изучение сюжетного

состава записей русских волшебных сказок XVI- XVIII веков (т. е. до появления первого русского перевода данной сказки) показало, что этот мотив не зафиксирован ни в одном тексте. Этот мотив не зафиксирован в русской сказочной традиции и после появления русских переводов сказки Шарля Перро: его нет ни в сборнике народных сказок А.Н. Афанасьева, ни в других классических собраниях XIX.¹²

В русской сказочной традиции есть единственный сюжетный тип, где за водой идёт не девушка, а юноша и чудесное испытание происходит у проруби на реке. Следует отметить, что в сказочной семье наблюдается традиционное разделение на мужские и женские работы. Мужскими считались занятия ратным делом, строительство жилья, рубка леса, заготовка топлива, уход за лошадьми, пахота, сев. Женские работы осуществлялись, в основном, в доме и заключались в умении топить печь, готовить пищу, стирать, изготавливать одежду, ухаживать за домашними животными, носить воду. В вариантах известной сказки «По щучьему веленью» героя Емелю невестки посылают за водой. Для мужчины, в недавнем прошлом, выполнение женской работы было самым большим унижением. Герой покорно сносит все обиды и выполняет приказания женщин, за что и получает награду. В сказке из сборника Марка Азадовского героя зовут Омелею. «Был Омеля Лелекоськой. А он всё на печи спал, каковы клал – такие копны навалил, как сennые, большие – только в серёдке спать, только и местечка. Снохи посылают его на Дунай, на реку за водой: «А в чём пойдёшь? Ни лаптей, ни онучь, ни чажелка, ничего, ни топора». Она взяла сноха клюшку, другая ожок, да давай через чело тыкать. Нашёл он онучёшка, нашёл отопчёшка, обул; ося, тяжолчошко оболоч, подпоясал онучёшко, наложил колпачёшко, заткнул [за пояс] тупичёшко. Берёт он с залавочка ведёрца, а с белых грядочек – коромысличэ».¹³

Приведённый выше фрагмент текста невозможно понять современным детям без подробного историко-этнографического и филологического комментария. Да и взрослые могут оказаться в затруднительном положении при толковании диалектизмов. Незнание традиции приводит к неверной интерпретации образа героя этого сюжетного типа: вместо покорности и трудолюбия в наше время видят лень и тунеядство. А Емеля изначально нездоров и физически, и психически. Тяжёлую мужскую работу он не в состоянии выполнять, поэтому помогает женщинам. Ещё некоторое время назад тот факт, что парень носит воду, воспринимался окружающими как что-то необычное.

Вода из проруби, в которой живёт чудесная рыба, играет важную роль не только в завязке, но и в развитии сюжета в целом.

Сказка И.С. Тургенева «Капля жизни», записанная в Спасском летом 1881 года, также повествует о великой силе воды. Она «была сочинена «к случаю», для того, чтобы пробудить стремление к учению у детей Я.П.Полонского, гостивших в Спасском. Она продолжала просветительские традиции Даля, Одоевского, Погорельского, чьи сказки были известны и вошли в антологию детского чтения». ¹⁴ К сожалению, следует отметить, что в настоящее время эта замечательная сказка почти не известна маленьким российским читателям, она не становилась ранее предметом научного анализа. ¹⁵

Герой сказки «Капля жизни» - маленький мальчик, он живёт с бедными и больными родителями. В русской сказочной традиции есть похожие герои, например, в сюжетном типе «Мальчик и ведьма». Они также ещё не достигли совершеннолетия и, следовательно, в таких сказках не присутствует брачная тематика. Они не отправляются на поиски невесты, не идут на битву со змеем. У этих героев есть страшный противник, которого они обязательно побеждают. В сказке И.С. Тургенева у героя нет реального противника. нет угрозы его жизни. Идти куда-то далеко из дома и искать страшную пещеру его побуждает чувство сострадания к больным родителям. Он очень хочет избавить их от тяжёлого недуга. «Однажды кто-то и говорит ему: «Есть одна пещера, и в этой пещере ежегодно в известный день на своде появляется капля чудодейственной живой воды и кто эту каплю проглотит, тот сможет исцелять не только недуги телесные, но и душевные немощи». ¹⁶ В этом небольшом фрагменте текста писатель выразил свои представления о чудесной силе живой воды, основанные на прекрасном знании русской народной фольклорной традиции. Несомненно, это связано с водой небесного происхождения, живой водой горного мира. Поэтому чудесная влага находится не в колодце, не в проруби, а где-то наверху, на своде глубокой каменной пещеры.

Героя - мальчика окружают множество гадов, страшных и отвратительных. Это неприятное соседство, однако, не означает, что они мальчику угрожают, что эти чудовища хотят его убить. Наоборот, они являются его соперниками, все в этой пещере имеют равные возможности получить чудесную влагу. Но повезёт только кому-то одному, кто терпеливо ждёт в нужное время и в нужном месте. «Наконец видит: на своде появилось что-то мокрое, что-то вроде блес-

тящей слизи, и вот понемногу стала навёртываться капля, чистая, как слеза, и прозрачная. Казалось, вот-вот она набухнет и упадёт».¹⁷ И.С. Тургенев очень верно, с удивительной хронологической точностью описывает процесс зарождения капли. Читатель почти физически ощущает, как из мерзкой слизи возникает чистейшая влага, живая вода, дающая жизнь. Мальчик отличается важнейшим, на взгляд писателя, качеством - терпением. И был щедро награждён за это. «Мальчик недаром проглотил эту каплю – он стал знать всё, что только доступно человеческому пониманию, он проник в тайны человеческого организма и не только излечил своих родителей, - стал могуществен, богат, и слава о нём пошла далеко по свету».¹⁸ Удивительное мастерство писателя проявилось в создании образа чудесной капли живительной влаги, где в малом объёме сконцентрировался материальный и духовный мир Вселенной. Сакральные знания, полученные маленьким героем, стали служить не только ему, а многим людям. Дидактическая направленность этой сказки очевидна, это отличает её от народных сказок.

Концепт «Вода» в творческом процессе создания сказок по-разному находит свою вербальную реализацию. И.С. Тургенев показал в своих сказках одну из возможных интерпретаций художественного воплощения представлений о воде. Она, несомненно, основана на знаниях народной культуры и близка фольклорному выражению.

Примечания

1. *Тургенев И.С.* Сказки. Стихи и сказки для детей (Составитель, автор послесловия и переводчик двух сказок И.С.Тургенева с французского языка Л.А. Балыкова). Орёл: ООО Издательский Дом «Орлик», издатель Александр Воробьёв, 2005. С. 89).

2. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Межкультурная коммуникация. Часть 1. Н.Новгород: Вектор, 2002. С. 20 -23.

3. Фольклор Кемеровской области. Хрестоматия / Сост., вступит. статья и прим. Е.И. Лутовиновой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 35.

4. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т. 1. М., 1994. С. 364- 431.

5. Сравнительно-сопоставительный анализ переводов сказки Ш. Перро представлен в статье: Лутовинова Е.И. Мотив «Героиня получает чудесные способности» в сказке «Волшебница» Ш. Перро в переводе И.С. Тургенева и в русских народных волшебных сказках

// И.С. Тургенев : вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 190-летию со дня рождения и 125-летию со дня смерти писателя. Вып. 3. Орёл, Издательство Орловского государственного университета. 2008. С. 212-219.

6. *Тургенев И.С.* Сказки... С. 89.

7. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка // Составители Л.Г. Бараг, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979. С. 130.

8. Предания и сказки Горьковской области / Запись и ред. текстов вступит. статья и примеч. Н. Д. Комовской. Горький, 1956. №81. С.125-127.

9. Там же. С.315

10. См.: *Шустов М.П.* Сказки, которые нам рассказывают / Учебное пособие / Сост. М.П. Шустов. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2003. С. 133-134, №31, «Дочь и падчерица» 403*, записана от Подгорловой Екатерины Ивановны, 1930 г.р., в с. Букалей Вадского р-на Нижегородской обл, записала Лазарева О.В.

11. Там же.

12. *Лутвинова Е.И.* Сюжетные типы волшебных сказок в опубликованных сборниках XVIII века // Клушинские чтения. 2007. Материалы научной конференции. 29-31 марта 2007 года. Орел, 2006. С.10-13.

13. Русская сказка. Избранные мастера. Т. I-II. Ред. и коммент. М. Азадовского.[Л.], Т. II, 1932. С. 101-111.

14. *Балькова Л.А.* За серебряной птицей. История одного замысла (Послесловие к книге с рисунками И.С.Тургенева) // Тургенев И.С. Сказки. Стихи и сказки для детей / Составитель, автор послесловия и переводчик двух сказок И.С. Тургенева с французского языка Л.А. Балькова. Орёл: ООО Издательский Дом «Орлик», издатель Александр Воробьёв, 2005. С. 86-93.

15. См., например: Сказка: научный подход к детскому жанру: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 24-25 апреля 2008г. В 2 ч. / Отв. ред. А.Н. Садриева; Нижнетагильская государственная социально- педагогическая академия. Нижний Тагил, 2008.

16. *Тургенев И.С.* Сказки... С.12.

17. Там же. С. 14.

18. Там же. С. 17.

ТУРГЕНЕВ И РАБЛЕ: ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ЖИВОЙ ВОДОЙ

**(к истории возникновения замысла
«Рассказов и сказок для детей Ивана Тургенева»)**

Известно, что во второй половине 1870-х годов Тургенев испытывал творческий кризис, не в последнюю очередь вызванный непониманием, которым был встречен роман «Новь».¹ В письмах этого времени он настойчиво повторял своё намерение оставить литературную деятельность.² Однако он всё это время пребывал в напряжённом поиске новых идей и форм.

Тургенев берётся за перевод двух повестей Флобера – двух легенд времён раннего христианства и эпохи средневековья. Работа увлекла его. Пройдёт несколько лет и писатель возьмётся за новую повесть; на сей раз это будет эпизод из «хроник» позднего Возрождения – «Песнь торжествующей любви». Впервые в своём творчестве он удаляется от современности на много веков назад и в пределы чужой страны. Тургенев любил эту эпоху: то была пора дерзких поисков, открытий, сильных страстей и характеров, когда в кружении жанров зарождалась новая европейская литература. Повесть Тургенева завершила своего рода триптих о трёх эпохах в истории христианской цивилизации (к этому триптиху причисляем работу над переводами легенд Флобера – «Иродиадой» и «Святым Юлианом Милостивым»).

Представляется неслучайным обращение русского писателя к сюжету из эпохи Возрождения. Его любимые авторы, те, кого он называл своими учителями, кто сопутствовал ему всю жизнь, – Шекспир, Сервантес, Рабле, Монтень – титаны великого времени питали мечту и мысль Тургенева, заражали его своим миро- и жизнеутверждением, побуждали вступать с ними в творческий диалог и соревнование.

Во второй половине 1870-х – начале 1880-х годов для Тургенева, как мы полагаем, было весьма актуальным имя Франсуа Рабле, автора, которого он знал и любил с юных лет. Примечательно, что в 1845 году, путешествуя по Франции, он не преминул в путевых заметках упомянуть о своих впечатлениях от родных мест Рабле – Турёны,

этого «сада Франции» (здесь писатель употребил выражение Рабле из его блистательной эпопеи).³ История об «ужасных и великих подвигах преславного Пантагрюэля» сохранилась в мемориальной библиотеке писателя.⁴ Скорее всего, он перечитывает её во второй половине 70-х годов. Имя Рабле присутствует в переписке с М.Е. Салтыковым-Щедриным в связи с полемикой о творчестве Э. Золя и братьев Гонкур; автор французского Возрождения ставится в пример современным писателям, неспособным достигнуть сотой доли силы и свежести старых мастеров.⁵

Тургенев, очевидно, ориентируется на Рабле в некоторых своих фантастических и сатирических набросках и замыслах (например, в сказках-шутках, адресованных детям и внукам П. Виардо,⁶ в замыслах рассказов о царе-юмористе, об аэролите и т.п.⁷) Писатель не чужд раблезианской манеры в нескромных баснях, написанных им по-французски и для печати не предназначавшихся.⁸

Представляется, что Тургенев не прошёл мимо великолепных описаний интерьеров в соответствующих главах эпопеи Рабле, они сказались, по-видимому, во время его работы над «обстановочностью» «Песни торжествующей любви». Имя французского гуманиста фигурирует в набросках к задуманной Тургеневым в последние годы жизни повести «Наталья Карповна (11, 249). В стихотворении в прозе «Нимфы» русский писатель по-своему пересказал эпизод, приведённый в 28-й главе 4-й книги о странствиях Пантагрюэля.⁹ В другой миниатюре – «Два брата» - Тургенев, как кажется, создаёт вариацию на сюжет из Рабле, реплику на новеллу о Мессире Гастере и его наместнице Нужде.¹⁰

Упомянем и о том, что в новогодней анкете 1880 года писатель полушутя назвал своим любимым литературным героем Гаргантюа (12, 371). В 1882 году Тургенев, отвечая на просьбу П.И. Вейнберга, составлявшего антологию переводов зарубежных авторов и предложившего перевести что-нибудь из Бальзака, заявил, что готов скорее взяться за перевод Рабле или Монтеня.¹¹ По справедливому замечанию Л. Гроссмана, писатель «брался за перевод самых близких, дорогих и глубоко пленивших его созданий ... только творения его духовных наставников побуждали его сочетать лингвистическую работу с художественной».¹²

Всё сказанное даёт основание говорить об особенном внимании Тургенева к творчеству Рабле в указанный период, побуждает прислушиваться к диалогу «Тургенев – Рабле». Русского писателя,

по-видимому, привлекала мысль «активизировать» сатирическую составляющую своего творческого дара, приняться за разработку гротескных, сатирических, фантастических сюжетов. Так появляются произведения, где слово и образ возводятся в аллегорию или символ, рождаются сказки, сказки-притчи, басни, стихотворения в прозе. Обращение к этим жанрам знаменует новый этап в творчестве Тургенева.

Около 1876 года, одновременно со «Стихотворениями в прозе» писатель задумывает книгу «Рассказов и сказок для детей». Первое свидетельство этого замысла – собственноручный рисунок Тургенева в его рукописи: сказочное существо Степовик в сопровождении двух собак.¹³ Судя по зачину этого цикла, в своё время опубликованному М.П. Алексеевым (12, 427), судя по рассказу «Перепёлка», по-видимому, предназначавшемуся для задуманной книжки, да ещё по французскому тексту обнаруженного А. Звигильским зачина сказочки «Степовик»,¹⁴ это должен был быть алмаз высшей пробы.

Сегодня можно только гадать о том, какой была задумана эта книга. Возможно, Тургенев желал передать детям «всё, что нашёл», что открыл существенного на своём пути, рассказать, не опускаясь до слащавой сентиментальности или прямолинейного морализаторства. Побудительные мотивы? Их, надо думать, несколько. Издатели уже давно включили его рассказы в антологии для детского чтения, а он собственно для детей ничего художественного пока не написал. Известные педагоги обращались к нему с просьбой писать для детского чтения.¹⁵ Л.Н. Толстой взялся же за детские рассказы... Прибавим к этому заботы Тургенева о школе в Спасском, где должны быть первоклассные книги, а также просьбы внуков П. Виардо и его собственных внуков, желавших сказок от дедушки Ивана.

За плечами писателя был уже некоторый опыт в этом роде: переводы двух сказок Ш. Перро,¹⁶ создание сказочных либретто для опер г-жи Виардо. К этому перечню можно прибавить несколько сказочек в письмах к внучке П. Виардо Жанне, да «послеобеденные сказки», рассказанные детям Я.П. Полонского, который и привёл их в своих воспоминаниях.¹⁷

Путешествие с целью открытия мира и испытания себя, этот стержневой сюжет эпопеи Рабле находит развитие в созданиях позднего Тургенева, среди прочего, в его «Стихотворениях в прозе» и в сказочных импровизациях. Подобно героям Рабле, совершившим путешествие на край земли и погрузившимся в её недра, в страну

Фонарию, герои Тургенева устремляются на писки таинственной пещеры – за сокровищами, за «каплей жизни» или словом истины. Это движение в подземные глубины имеет древнее происхождение, оно нашло выражение в мифах и сказках многих народов и знаменует собою смерть с целью нового рождения. «Подлинное богатство, по словам жрицы Божественной бутылки, скрыто внизу, под землёю, и самым мудрым <...> является время, ибо оно раскроет все скрытые сокровища и все тайны,¹⁸ - на данную сентенцию из 5-й книги эпопеи Рабле обратил внимание М.М. Бахтин, усмотревший в погружении вниз, в преисподнюю один из элементов эстетики «гротескного реализма».¹⁹

Приметы этой художественной системы как будто налицо в «Сказке о Самознайке» Тургенева, где самоуверенный маленький герой, путешествуя по свету, попадает впросак из-за своего невежества; очутившись однажды в подземной пещере, он опрометчиво принимает яблоко из рук «зелёной женщины» (надо думать, воплощение самой природы) и тут же превращается в ящерицу. В сказке ужасное переплетается с гротескным, смешным – недаром слушавший её Л.Н. Толстой не мог сдержать смеха. Скорее всего, в пересказе Полонского неповторимый тургеневский юмор дошёл до нас лишь отчасти.

В сказке-притче «Капля жизни» маленький герой также спускается в подземную пещеру. Она кишит всевозможными гадами, пугает отвратительными останками (мрачная изнанка жизни, образ преследующих человека фобий). Тургеневский герой должен проявить незаурядное мужество, преодолеть страх, ужас одиночества. Выпив, наконец, заветную «каплю жизни», он как бы рождается заново, обретает понимание человеческого организма, дар излечивать близких и многих людей. «... опускаясь вниз, окажешься на вершине, погружаясь в тьму, выйдешь к свету; проникая в узкое пространство, войдёшь в бесконечность»,²⁰ - эта формула К. Кедрова могла бы служить своеобразным комментарием к сказке Тургенева.

Дар, полученный маленьким героем, конечно, дар чудесный. Он, подобно «живой воде» русских сказок, способен победить болезнь и самую смерть. Тургенев, как и Рабле, устремляет своих героев в глубины земли, «где скрыты величайшие богатства и то новое, о чём ещё не было написано у древних философов».²¹ По Бахтину, здесь космическая вертикаль, иерархия земного и небесного меняются местами: «... небо уходит в землю, а не наоборот».²² В этом – обе-

щение грядущего возрождения и обновления. Кажется, Тургенев в стремительном движении через пространство и время («Стихотворения в прозе»), в земные недра («Самознайка», «Капля жизни») пытается обрести возрождение и обновление своего творческого дара. Одной из главных тем «Стихотворений в прозе», равно как и сказок Тургенева, становится тема взаимоотношений человека и природы. Русский писатель своеобразно подхватывает и развивает основную сюжетную линию эпоса Рабле.

Жёстко и трагически прозвучала эта тема в стихотворении в прозе «Природа», написанном в 1879 году и представленном как сон лирического героя. В этом сне он опускается в подземный храм – чертоги самой Природы, которая утомляет его беседой и открывает ему закон существования всего живого.

Тот же образ Природы – в облике таинственной женщины в волнистой зелёной одежде является и в «Сказке о Самозныке». Можно бы рассматривать эти путешествия тургеневских героев в подземелье в качестве своего рода реплики русского писателя на подземное путешествие героев книги писателя-гуманиста эпохи Возрождения Рабле.

Прежде чем попасть в страну Фонарию, в храм Волшебной бутылки герои Рабле прошли долгий и тяжкий путь; они шли, умирая от страха, спускаясь глубоко в подземелье по длиннейшей лестнице. Наконец, они добрались до огромной храмины, украшенной гигантскими мозаиками – сценами кровавых битв древних богов с индейцами; они обратили внимание на то, что воины – мужчины и женщины – были обвиты живыми змеями и драконами. Всё войско сражалось под началом Пана – чудовища с козлиными ногами. В руках он держал флейту, все его воины – сатиры, сельваны, фавны кричали призывное: «Эвоэ!»

Достигнув чертогов Волшебной бутылки, герои Рабле были удивлены: они освещались чудесной лампой, «которая по всему храму разливала свой свет, до того яркий, что, хотя храм был подземный, в нём было светло, как в полдень, когда землю освещает ясное, ничем не затуманенное солнце.²³

Подобно этому лирический герой Тургенева из стихотворения в прозе «Природа», попав в подземный храм зелёной волшебницы, поражён его освещением: всё помещение «наполнял какой-то также подземный, ровный свет» (10, 164).

Но дневной свет в храме Волшебной бутылки живителен, как свет солнца, у Тургенева храмину наполняет хотя и яркий, ровный,

но мертвящий свет. Похожие детали обстановки производят противоположный эффект. Истина, которую узнают в подземном храме герои Рабле и Тургенева также противоположного свойства.

Героям Рабле подземное открывается как целый мир чудес, мир, который они покидают окрылёнными, наполнив бурдюки волшебной влагой из фонтана. Напротив, у Тургенева герой выходит из подземной храмины, унося отчаяние в душе от откровений «равнодушной природы»: законы её безжалостны, для неё нет ни правых, ни виноватых и всё живое обречено на смерть. В финале тургеневской миниатюры сама земля «глухо застонала и дрогнула» от этих откровений. Там, где художник эпохи Возрождения исполнен доверия к природе, упоён перспективой всё новых открытий, писатель нового времени видит трагедию «природного нашего существования». Его взгляд как будто окрашен сомнением и горечью разочарований.

Тот же образ подземной волшебницы, хозяйки пещеры, предстаёт довольно зловеще в «Сказке о Самознайке». Последствия встречи с владычицей подземной пещеры также печальны: Самознайку, превращенного чародейкой в ящерицу, спасает лишь крестное знамение, которым он себя осеняет.

Мотив погружения в земные недра в сказке-притче «Капля жизни» используется писателем в его традиционном значении. Путешествие вглубь земли совершается с целью обретения сокровища (материального или духовного) или с целью вызволения близкого человека из плена каких-то злых сил. Так, королевич из пушкинской сказки о мёртвой царевне и семи богатырях находит свою невесту в гробу, в «глубокой норе», «во тьме печальной». Такое погружение даст герою последний шанс на пути к спасению.

Путешествие «за каплей жизни» имеет и ещё один, общий для Тургенева и Рабле смысл: дар волшебной пещеры – это прежде всего дар знания.

В финальной сцене эпопеи Рабле жрица Волшебной бутылки толкует слово оракула - «Drink» - в духе дидактических традиций своего времени: «Питьё, которое мы должны принимать в себя каждый день и каждый час, к которому мы должны неустанно стремиться и терпеливо добиваться, чтобы оно освежило наш ум и наше сердце, сделало нас сильными, могущественными, справедливыми и деятельными. Вы уже догадались, о каком питьё говорю вам. Я говорю об истинном знании вещей, которое существует в этом мире. Только такое знание выведет вас из бездны невежества, освободит вас от

предрассудков и суеверия, раскроет ваши глаза и возродит вас к новой, удивительной жизни. Подобно волшебной воде, которую пили вы из нашего фонтана, истинное знание сделает вас бодрыми и здоровыми; оно развеет усталость и скуку, прогонит болезни и научит вас управлять таинственными и непонятными силами природы.

Но не думайте, странники, что дорога к истинному знанию легка и безопасна, <...> много времени и труда придется положить вам, чтобы достигнуть берегов истинного знания».²⁴

Тургенев, уже не с таким доверием взирающий на человека и плоды его деятельности, тем не менее, не устаёт повторять вслед за Рабле: путь, достойный человека – путь познания.

Рабле противопоставляет знание истинное и знание ложное (сравните у Пушкина: «Так ложная мудрость мерцает и тлеет / Пред солнцем бессмертным ума»). Он уподобляет истинное знание холодному вину. Рабле полагает истинное благо не в том, чтобы брать и принимать, а в том, чтобы оделять и давать. В сказке Тургенева о капле жизни последнее условие становится определяющим: ведь обретенное знание позволило герою излечить родителей, многих других людей, лишь после этого он смог стать могущественным, богатым и «слава о нём далеко прошла по всему свету». Врачевание – в физическом и духовном смысле – вот задача; подарить каждому «каплю жизни» – вот цель, как её образно формулирует русский писатель конца XIX века.

Так продолжается диалог культур, не прерывается культурная традиция, поднимаются вновь старые вопросы, заново утверждаются гуманистические ценности. «Учение – не только свет, <...> оно также и свобода, – писал Тургенев в статье “По поводу “Отцов и детей”». – Ничто так не освобождает человека, как знание...» (11,95). Эта мысль, по всей вероятности, и должна была лечь в основу задуманной писателем книги для детей.

Примечания

1. 17(19) марта 1877 г. Тургенев писал М.М. Стасюлевичу о единомышленном осуждении «Нови» «всеми органами печати».

2. См., например, письма Тургенева к брату Н.С. Тургеневу, в которых он сообщал, что его литературная карьера окончена навсегда. (Письмо от 7 (19 марта) 1877 г.

3. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Изд. 2-е. Соч. Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 413. В дальнейшем ссылки на это издание при-

водятся в тексте в скобках с указанием тома и страницы арабскими цифрами; ссылка на письма даётся с пометой: «Письма».

4. *Rabelais F. Oeuvres choisies de M. François Rabelais, docteur en médecine de la faculté de Montpellier chanoine de Saint-Maur des-Fossés, Curé de Meudon. Genève, 1752; Rabelais, F. Oeuvres de F. Rabelais. Paris, 1837.*

5. *Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма. Т. XI. М.-Л: Наука, 1966. С. 164, 537.*

6. См. *Tourguéniev I. Nouvelle correspondance inédite. Т.1. Paris, 1971. Р. 278-200, 282-286, 288-289.*

7. *Островская Н.А. Из воспоминаний о Тургеневе // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Худож. лит-ра, 1983. С. 83-86.*

8. *Tourguéniev I. Nouvelle correspondance inédite. Т.1. Paris, 1971. Р. 364-375.*

9. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. с франц. Н. Любимова. М.: Наука, 1981. С. 266-267.

10. Там же. С. 408-411.

11. *Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28 т. Письма. Т. XIII₂. М.-Л: Наука, 1968. С. 76.*

12. *Гроссман Л. Портрет Манон Леско. Одесса: Омфалос, 1919. С. 8.*

13. Рисунок Тургенева с изображением фигурки сказочного существа – Степовика в сопровождении двух собак находится в тетради с кратким планом «Новой повести». В комментарии рисунок ошибочно назван рисунком-карикатурой, иллюстрирующим замысел произведения о «муже, убившем свою жену» (11, 494). Рисунок детально воспроизводит черты «Степовика» - сказочного человечка, описанного Тургеневым в незаконченной сказке под тем же названием (12, 559, 715).

14. *Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran, № 2. Paris, 1978. Р. 16-17.*

15. См. *Громов В.А. Добрый великан. И.С. Тургенев и литература для детей. Тула: Приокс. книжн. изд-во, 1974. С. 39.*

16. *Перро Ш. Волшебные сказки Перро / Пер. с франц. Ивана Тургенева. Рис. Густава Дорэ. СПб.-М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1866. В действительности Тургенев перевёл две последние сказки для книги – «Волшебница» и «Синяя борода».*

17. *Полонский Я.П. И.С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину. (Из воспоминаний) // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Худож. лит-ра, 1983. С. 377-385.*

18. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит.-ра, 1990. С. 411.
19. Там же. С. 27-28.
20. *Кедров К.* Параллельные миры. М.: МИФ Принт, 2007. С. 283.
21. *Бахтин М.М.* Указ соч. С. 412.
22. *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 411.
23. *Рабле Ф.* Указ. соч. С. 498.
24. *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль / Обработка для детей Н. Заболоцкий. М.: Книжный сад, 1990. С. 230.

Л.В. Миндыбаева

ОБЗОР АНГЛИЙСКОЙ ЧАСТИ РОДОВОЙ БИБЛИОТЕКИ И.С. ТУРГЕНЕВА

Английская часть родовой библиотеки Тургенева, хранящаяся в Орловском объединённом государственном литературном музее И.С. Тургенева, включает не только книги на английском языке, но и сочинения английских авторов во французском, немецком и русском переводах. Первоначальное знакомство Тургенева с английской литературой осуществлялось в основном в подлиннике, но иногда в переводе на другие языки.

Значительное место в родовой библиотеке писателя занимают сочинения Шекспира (Shakespeare William). Многочисленные цитаты и реминисценции из них встречаются в произведениях Тургенева, начиная с ранних литературных опытов, заканчивая «Стихотворениями в прозе». Наиболее часто упоминается том сочинений Шекспира, подаренный Тургеневу Т.Н. Грановским в 1838 году (Shakespeare W. The plays and poems. Leipzig, pub. by E. Fleischer. 1833). Но это не единственная книга английского драматурга в мемориальной библиотеке. В ней находятся также два тома из собрания сочинений Шекспира на французском языке, изданные в 1821 и 1822 годах, и две книги на немецком языке, вышедшие в свет в 1825 и 1830 годах:

- 1) Oeuvres de Shakespeare... A Paris, chez Ladvocat, libraire. 1821. Т. 1.
- 2) Oeuvres de Shakespeare... Paris, A la librairie de Brissot-Thivars. 1822. Т. 9.
- 3) Shakespeare. Dramatic Werke... Berlin und Stettin, 1830.

4) Shakespeare. Dramatische Werke. Berlin, 1825.

Блестящее знание Тургеневым произведений Шекспира, умение цитировать их по памяти во многом объясняется присутствием в мемориальной библиотеке двух книг, которые представляют собой пояснения к текстам великого драматурга. Это пояснения и толкования в самом широком смысле: слов, отдельных фраз, поговорок, образов, созданных Шекспиром, и даже имён персонажей. Одна из книг, автором которой является Роберт Нейрес (Nares Robert), была издана в Англии в 1825 году (*A Glossary, or collection of words, phrases, names, and allusions to customs, proverbs...* By Robert Nares. Stralsund: printed for Charles Loeffler. 1825). На ней рукой Тургенева написано: «Берлин. 1838. Тургенев». Автор второй книги – Френсис Доус (Douce Francis). Она вышла в свет в Лондоне в 1839 году (*Illustrations of Shakespeare, and of ancient manners...* By Francis Douce. London, 1839). На титульном листе также встречаем надпись: «Тургенев». Судя по надписям на книгах, берлинский период был временем наиболее интенсивного освоения Тургеневым Шекспира.

Хорошо знакомо Тургеневу было творчество английских драматургов – современников Шекспира. Уильям Рольстон, посетивший Тургенева в Спасском-Лутовиново летом 1870 года, вспоминал: «Он основательно знал английскую литературу и глубоко изучил многих старых английских авторов. В его деревенском доме, в Спасском, он показывал мне томы сочинений наших старых драматургов: Бена Джонсона, Бомонта и Флетчера, Мэссинджера и других» (Рольстон У. Из «Воспоминаний» // Тургенев в восп. совр. (2). Т. 2. С. 307). Книги, которые Тургенев показывал Рольстону, находятся и поныне в его родовой библиотеке. Только это не отдельные издания каждого из перечисленных Рольстоном драматургов, а 12-томное собрание старых английских пьес Додсли (Dodsley), вышедшее в свет в Лондоне в 1825-1827 годах (*A selected collection of old plays. In twelve volumes. London, 1825-1827*). Кроме сочинений Бена Джонсона, Бомонта, Флетчера и Мэссинджера в собрании Додсли помещены пьесы Роберта Грина, Томаса Наша и Джорджа Пиля, упомянутые Тургеневым в романе «Дым», а также Кристофера Марло и многих других английских драматургов. Сведения о них Тургенев мог черпать в трёхтомной «Истории английской драматической поэзии» Джона Пейна Кольера (Collier John Payne), также хранящейся в его родовой библиотеке (*The history of English dramatic poetry to the time of Shakespeare: and Annals of the Stage to the restoration. London. J. Murray, 1831*).

Тургенев был хорошо знаком с английской литературой XVIII века. В своих произведениях и письмах он часто упоминал английских авторов, сочинения которых представлены в его родовой библиотеке.

Вероятно, ещё Лутовиновыми были приобретены для библиотеки два собрания сочинений Александра Попа (Pope Alexander), сформулировавшего критерии английского просветительского классицизма: 1) Собрание сочинений в 7-и томах во французском переводе. Напечатано в Амстердаме и Лейпциге в 1763 году (Oeuvres diverses de Pope. A Amsterdam et A Leipzig, 1763). 2) Собрание сочинений в 8-и томах во французском переводе, напечатанное в Париже в 1779 году (Oeuvres complètes d'Alexandre Pope. A Paris, 1779).

Тургенев высоко ценил творчество Даниэля Дефо (Defoe Daniel) и не раз обращался к его первому и лучшему роману «Робинзон Крузо». Этот роман во французском переводе, изданный в Париже в 1809 году, находится в фамильной библиотеке (La vie et les aventures surprenantes de Robinson Crusoe. A Paris, 1809). С ним Тургенев мог познакомиться ещё в раннем детстве. Цитаты и реминисценции из «Робинзона Крузо», довольно часто встречающиеся на страницах произведений и писем Тургенева, свидетельствуют о хорошем знании им текста этого произведения. Так, в рассказе «Контора» из «Записок охотника» читаем: «Я подошёл к шалашу, заглянул под соломенный намёт и увидел старика до того дряхлого, что мне тотчас же вспомнился тот умирающий козёл, которого Робинзон нашёл в одной из пещер своего острова» (ПССиП (2). Соч. Т. 3. С. 138).

На титульном листе романа Сэмюэля Ричардсона (Richardson Samuel) «Кларисса Гарлоу» во французском переводе (Clarisse Harlowe. Traduction Nouvelle et seule complète. Par M. le Tourneur. Faite sur l'Édition originale revue par Richardson... A Genève, 1785-1786) есть надпись: «Eudoxie de Logrivoëff» (Авдотья Лагривая). Можно предположить, что роман «Кларисса Гарлоу» входил в круг чтения Варвары Петровны Лутовиновой и её подруги Авдотьи Ивановны Лагривой. Этот роман, так же как и сочинения А. Радклиф, С.Ф. Жанлис, был излюбленным чтением молодых русских дворянок начала XIX века. В романе «Евгений Онегин» Пушкин писал о своей героине:

*Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.*

Сочинения Ричардсона были, несомненно, хорошо знакомы и самому Тургеневу. Он упомянул имя Ловласа, героя романа «Клариса Гарлоу», в романе «Рудин», в повести «Несчастливая», в рассказе «Отчаянный». Причём во всех случаях имя Ловласа упомянуто в нарицательном значении.

Среди английских авторов, к произведениям которых Тургенев обращался, особое место занимал Генри Филдинг (Fielding Hen-гу) и его знаменитый роман «История Тома Джонса, найдёныша». Этот роман Тургенев рекомендовал П. Виардо: «Обещаю писать вам часто – хотя бы раз в неделю. Читали ли вы «Героев» Карлейля, «Очерки» Маколея, «Тома Джонса» Филдинга?» (ПССиП (2). П. Т. 5. С. 73, 327, 442). Роман Филдинга «История Тома Джонса, найдёныша», изданный в Париже в 1831 году на английском языке с биографией автора, написанной В. Скоттом, находится в мемориальной библиотеке Тургенева (The history of Tom Jones, a foundling. By Henry Fielding, Esq. With a life of the author, by Sir Walter Scott. Paris. Baudry's foreign library, 1831). На корешке – тиснение «I.T.» (Иван Тургенев).

Несмотря на то, что в своих сочинениях и известных нам к настоящему времени письмах Тургенев не упомянул об Оливере Гольдсмите (Goldsmith Oliver), творчество английского писателя было наверняка хорошо знакомо ему. В родовой библиотеке Тургенева хранится собрание сочинений Гольдсмита в 4-х томах, вышедшее в свет в Эдинбурге в 1804-1805 годах. Оно включает поэмы «Путешественник» (The Traveller), «Покинутая деревня» (The Deserted Village), цикл стихотворных очерков «Гражданин мира» (Citizen of the World), роман «Вэкфильдский священник» (Vicar of Wakefield) и другие произведения. Об интересе Тургенева к творчеству Гольдсмита свидетельствует также наличие в его родовой библиотеке книги американского писателя Вашингтона Ирвинга (Irving Washington) «Оливер Гольдсмит: биография» (Oliver Goldsmith: a biography. Leipzig, Jun. 1850). Незадолго до её выхода в свет Тургенев с увлечением читал в Куртавнеле другие произведения Ирвинга. Направляясь в Россию летом 1850 года, он мог по пути купить книгу Ирвинга о Гольдсмите и привезти её с собою в Спасское.

Тургенев не только хорошо знал произведения Лоренса Стерна (Sterne Laurence), но и обращался к ним в собственном творчестве. В то же время он высказывал резкие суждения о подражателях Стерну: «Особенное отвращение внушают мне подражатели Стер-

на,- эгоисты, полные чувствительности, которые нежатся, облизываются, любят себя, стараясь в то же время казаться простыми и добродушными» (письмо к П. Виардо от 18 (30) апреля 1848 года). В родовой библиотеке имеется роман Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» во французском переводе, напечатанный в Лондоне в 1785 году (*Suite et fin de la vie et des opinions de Tristram Shandy. Traduits de l'Anglois de Stern. A Londres, 1785*).

Вероятно, в годы учёбы в Берлинском университете была приобретена Тургеневым книга стихов Роберта Бернса (*Burns Robert*) в немецком переводе (*Gedichte von Robert Burns. Stuttgart und Tübingen, 1839*). Ныне она находится в родовой библиотеке писателя. Впоследствии Тургенев, несомненно, читал Бернса в оригинале и знал многие стихотворения наизусть. В его письмах упоминаются стихотворения «К полевой маргаритке...» (ПССиП (2). П. Т. 3. № 419. Т. 4. № 755), «В горах моё сердце» (Там же. Т. 4. № 842. Т. 6. № 1663) и некоторые другие. Строку баллады Бернса «В горах моё сердце» (*My heart is in the Highlands*) Тургенев не раз использовал, чтобы выразить постоянство своих чувств к П. Виардо. В письме Тургенева к ней от 20 сентября (2 октября) 1859 года из Спасского читаем: «Не проходит и часа, чтобы я не мечтал о Куртавнеле и обо всём, что с ним связано. «*My heart is in the Highlands*», как поётся в песне». 11 (23) ноября 1864 года, во время гастрольной поездки П. Виардо в Карлсруэ, Тургенев писал ей: «Сегодня вы должны петь в Карлсруэ, если только болезнь принцессы Вильгельмины не помешает этому. Мне не нужно говорить вам, что «*my heart is in the Highlands*» - и что вы будете очень добры, если напишете мне два слова».

К творчеству шотландского поэта Тургенев обращался неоднократно. Находясь в Спасском-Лутовиново летом 1855 года, он рекомендовал Н.А. Некрасову заняться переводами из Бернса, потому что «Бернс – это чистый родник поэзии» (письмо Тургенева к Некрасову от 10 (22) июля 1855 года). В 1860 году Тургенев собирался написать статью «Кольцов и Бернс».

Глубокое знание Тургеневым английской литературы позволяет с уверенностью предполагать, что он не мог оставить без внимания творчество английских поэтов, представителей «озёрной школы». К тому же, посещая английские университеты, Тургенев наверняка слышал, что Вортсворт, Кольридж и Саути были их питомцами: Вортсворт окончил Кембриджский университет, Кольридж обучался в Кембриджском, но не окончил его, Саути был воспитанником Баллиол-колледжа Окс-

фордского университета. В то же время в известных нам источниках Тургеневым почти не упоминаются имена поэтов-лейкистов. В связи с этим на первый план выдвигаются данные тургеневской родовой библиотеки, в состав которой входят их сочинения.

Прежде всего, это состоящая из 3-х частей книга поэтических сочинений Кольриджа (Coleridge Samuel Taylor), Шелли (Shelley Percy Bysshe) и Китса (Keats John), изданная в Париже в 1829 году (Coleridge, Shelley, and Keats. The poetical works complete in one volume. Paris, published by A. and W. Galignani, 1829). В ней имеются многочисленные пометы, сделанные рукой Тургенева. Среди сочинений Кольриджа надписями на полях отмечен поэтический фрагмент «Кубла Хан» (Kubla Khan). Пометы Тургенева встречаются также в двух других частях книги, отведённых сочинениям Шелли и Китса. Эти поэты, не принадлежавшие, в отличие от Кольриджа, к «озёрной школе», пользовались неизменным вниманием со стороны Тургенева. Он был настолько хорошо знаком с поэзией Китса, например, что мог по памяти цитировать строки из его стихотворений (ПССиП (2). П. Т. 2. С. 164, 401, 485).

Кроме сочинений Кольриджа, в родовой библиотеке Тургенева находится объёмный том сочинений другого поэта-лейкиста - Роберта Саути (Southey Robert). Эта книга была издана во Франции на английском языке (The poetical works of Robert Southy. Complete in one volume. Paris, published by A. and W. Galignani. 1829). В ней собраны самые известные поэтические сочинения Саути, среди которых: «Жанна д'Арк» (Joan of Arc), «Талаба-разрушитель» (Thalaba the Destroyer), «Мэдок» (Mados), «Проклятие Кекамы» (The Curse of Kehama), «Родерик, последний из готов» (Roderick, the last of the Goths) и другие. Наличие этой книги в родовой библиотеке позволяет с большой долей уверенности предположить, что творчество Саути было хорошо известно Тургеневу.

Знакомство Тургенева с творчеством английского поэта Томаса Мура (Moore Thomas), ирландца по происхождению, подтверждает наличие в мемориальной библиотеке объёмного тома сочинений Мура, изданного в Лейпциге в 1833 году (The works of Thomas Moore, esq. Leipzig, 1833). Подчёркивание отдельных слов и фраз в тексте, а также надписи на полях свидетельствуют о внимательном чтении Тургеневым сочинений Томаса Мура.

В 1830-е – 40-е годы Тургенев проявлял большой интерес к поэзии английских романтиков и особенно увлекался Байроном (Вугон

George Gordon). Упоминания о Байроне и реминисценции из него, рассыпанные в произведениях и письмах Тургенева, настолько многочисленны и разнообразны, что составляют особую область изучения. Они свидетельствуют об основательном знакомстве Тургенева с творчеством английского поэта. Это знакомство не могло осуществиться без книг Байрона, хранящихся в родовой библиотеке. Прежде всего это две книги Байрона на английском языке:

1) Собрание сочинений Байрона с примечаниями В. Скотта, Т. Мура и других известных писателей и критиков, вышедшее в Париже в 1835 году (*The complete works of Lord Byron. Paris. Baudry's European library, 1835*). На титульном листе рукой Тургенева написано: «И.С. Тургенев. 1841». Очевидно, Тургенев выставил на книге дату её приобретения. В 1841 году он заканчивал курс в Берлинском университете.

2) Собрание сочинений Байрона, также снабжённое примечаниями В. Скотта, Т. Мура и др., вышедшее в Лейпциге в 1837 году (*The works of Lord Byron. Leipzig. Black and Armstrong, 1837*).

Помимо этих книг в библиотеке Тургенева находится также поэма Байрона «Манфред», переведённая на русский язык М. Вронченко. Она попала к Тургеневу вместе с библиотекой В.Г. Белинского (Манфред, драматическая поэма в трёх действиях. Сочинение лорда Байрона. Перевёл с англ. М.В. В[ронченко]. СПб. Тип. мед. департамента м-ва внутренних дел. 1828).

Среди книг английских романистов в родовой библиотеке Тургенева преобладают сочинения Вальтера Скотта (Scott Walter), вышедшие в свет в Париже в 1831-1838 годах в серии «Собрание старых и современных английских авторов» (*Collection of ancient and modern British authors. Paris. Baudry's European library*). Это двадцать четыре тома на английском языке, включающие многие известные романы: «Уэверли, или Шестьдесят лет назад» (*Waverley, or 'Tis sixty years since*), «Гай Маннеринг» (*Guy Mannering*), «Роб Рой» (*Rob Roy*), «Айвенго» (*Ivanhoe*), «Монастырь» (*The Monastery*), «Аббат» (*The Abbot*), «Вудсток» (*Woodstock; or, The Cavalier*), «Квентин Дорвард» (*Quentin Durward*) и другие.

Сочинения Скотта входили в круг чтения многих тургеневских героев. Так, в романе «Дворянское гнездо» Лаврецкий по просьбе Лизы Калитиной приносит ей роман Вальтера Скотта. Героиня повести «Несчастливая» Сусанна также читает английского романиста: «Я принималась за книгу – романы Вальтер Скотта были тогда в

славе – особенно мне осталось памятным чтение «Айвенго»... Как голос мой невольно звенел и трепетал, когда я передавала речи Ревекки!» (ПССиП (2). Соч. Т. 8. С. 109). Романы В. Скотта стоят на книжных полках в доме героя повести «Клара Милич» Якова Аратова: «Незадолго перед тем он прочёл роман Вальтера Скотта: «Сен-Ронанские воды» (полное собрание сочинений Вальтера Скотта находилось в библиотеке его отца, который уважал в английском романисте серьёзного, чуть не научного писателя)» (ПССиП (2). Соч. Т. 10. С. 79).

28 июля (9 августа) 1871 года Тургенев присутствовал на праздновании столетия В. Скотта в Эдинбурге. В своей короткой и в то же время ёмкой речи, произнесённой во время торжеств, Тургенев определил значение творчества В. Скотта для русской культуры: «Не только наши писатели, но и учёные, и государственные деятели почувствовали на себе силу Скотта, а через них весь наш народ подвергся воздействию его здорового и живительного влияния на свои представления относительно силы подлинного исторического чутья и истинно национального чувства» (ПССиП (2). Соч. Т. 12. С. 331).

Ярким и значительным явлением в английской литературе было творчество Шарлоты Бронте и её сестёр Эмили и Анны. Расцвет его пришёлся на конец 1840-х – начало 1850-х годов, когда Тургенев создавал свои «Записки охотника».

П. Уоддингтон в книге «Тургенев и Англия» (Waddington P. Turgenev and England. London, 1980) пишет, что брат писателя Николай должен был знать роман Ш. Бронте «Джейн Эйр», поскольку имел прозвище «Рочестер». Сам Иван Тургенев вряд ли отказался бы от попытки установить связь между прозвищем брата и литературным источником. В то же время, по мнению П. Уоддингтона, нет прямых доказательств того, что Тургенев когда-либо читал Бронте. Такое утверждение учёный мог сделать только потому, что ему не были известны данные родовой библиотеки Тургенева.

В ней находятся два романа Ш. Бронте (Brontë Charlotte), изданные в серии «Собрание английских авторов» (Collection of British authors), – «Шерли» (Shirley) и «Вильетт» (Villette). Они были напечатаны в Лейпциге в 1849 и 1853 годах. Правда, имя романистки на книгах не указано, а стоит псевдоним – «Каррер Белл» (Currer Bell). Под этим мужским псевдонимом часто выходили в свет книги Ш. Бронте. На корешке стоит тиснение «I. T.», не оставляющее сомнений в том, что эти книги принадлежали Тургеневу и были им прочитаны.

В мемориальной библиотеке хранятся также произведения известного английского писателя Эдварда Джорджа Бульвер-Литтона (Bulwer-Lytton Edward George): роман «Кэксстоны» (The Caxtons: A family Picture. By Sir Edward Bulwer Litton. London, New York. 1855), роман «Пэлэм» во французском переводе (Pelham, ou les aventures d'un gentilhomme anglais. Bruxelles, 1837), а также пьеса «Деньги» (Money: A Comedy. Paris, Baudry's European library. 1841). До нас не дошли сведения о том, что Тургенев был знаком с Э.Дж. Бульвер-Литтоном. Зато известно, что с его сыном Эдвардом Робертом, выступившим с поэтическими сборниками под псевдонимом Оуэн Мередис, Тургенев встречался в мае 1858 года.

На титульном листе одной из книг родовой библиотеки Тургенева стоит имя её автора – Уида (Ouida). Это псевдоним английской романистки Марии-Луизы Рамме (Rame (Rammée) Maria Louise), чьи книги были необычайно популярны в прошлом веке. В библиотеке Тургенева хранится роман М.Л. Раме «Стрэтмор», изданный в Лейпциге (Strathmore. A Romance by Ouida. Leipzig, 1871).

Во время поездок в Англию и пребывания в этой стране укреплялись и расширялись связи Тургенева с английской литературой. С двумя выдающимися английскими писателями – Диккенсом и Теккереем – Тургенев был знаком лично. История их взаимоотношений является темой целого ряда работ, но при этом данные тургеневской родовой библиотеки либо совсем не использовались, либо использовались далеко не полно.

Тургенев высоко ценил талант Чарльза Диккенса (Dickens Charles John Huffam), писал о нём в статье «Обед в обществе английского литературного фонда (1858), в «Литературных и житейских воспоминаниях» (1869), упомянул в многочисленных письмах к друзьям и знакомым. Он пристально следил за выходом в свет романов Ч. Диккенса и читал их на английском языке, а также в русском и французском переводах. Все книги Ч. Диккенса в мемориальной библиотеке отмечены тиснением «I.T.». Большинство из них были приобретены в годы учёбы в Берлинском университете. Многочисленные пометы, которыми испещрены романы Ч. Диккенса, свидетельствуют об упорном изучении Тургеневым английского языка в этот период. В библиотеке Тургенева сохранились следующие книги Диккенса: «Посмертные записки Пиквикского клуба» (The Posthumous papers of the Pickwick club. Paris, pub. by A. and W. Galignani. 1838), «Приключения Оливера Твиста» (Oliver Twist; or the Parish boy's progress.

Paris, Baudry's European library. 1839), «Жизнь и приключения Николаса Никлби» (The life and adventures of Nicholas Nickleby. Paris, pub. by A. and W. Galignani. 1839), «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» (The life and adventures of Martin Chuzzlewit. Paris, pub. by A. and W. Galignani. 1844), «Холодный дом» (Bleak house. Leipzig, Bernhard Tauchnitz. 1852). В текстах романов Диккенса Тургеневым подчёркнуты отдельные слова и обороты, на полях написаны переводы или пояснения подчёркнутых мест на русском, немецком и английском языках. Увлечение Тургенева слогом Диккенса было так велико, что на одной из страниц романа «Приключения Оливера Твиста» он написал по-немецки: «Диккенс, дозвожь тебя расцеловать» (Dickens less dich küssen).

Тургенев не раз встречался с Уильямом Теккереем (Thackeray William Makepeace), посещал его дом на Онслоу сквер (Onslow square) в Лондоне. Эпизоды общения Тургенева с английским романистом воспроизведены в воспоминаниях дочери Теккерее Э.И. Ричи, Е.Я. Колбасина, Л.Ф. Нелидовой, Я.П. Полонского. Произведения Теккерее всегда находились в центре внимания Тургенева. Вместе с П. Виардо он читал «Ярмарку тщеславия», и в письме к Генри Чорли от 25 октября (6 ноября) 1849 года отмечал сильные и слабые стороны этого романа. Одного из своих английских знакомых Тургенев так охарактеризовал в письме к П. Виардо от 29 мая (10 июня) 1857 года: «... полковник Кьюа – Родон Кроули из «Ярмарки тщеславия». В родовой библиотеке Тургенева, в серии «Собрание английских авторов» сохранился другой роман Теккерее – «История Пенденниса» (Pendennis by W.M. Thackeray. In three volumes. Leipzig, 1849).

Тургенев проявлял интерес не только к английской литературе, но и к истории, науке, обычаям этой страны. В его фамильной библиотеке находятся капитальные труды английских историков.

Интерес к сочинениям Эдварда Гиббона (Gibbon Edward), возникший у Тургенева ещё в юности, сохранился и в более поздние годы. Немецкому историку и критику Л.Г. Фридендеру он признавался, что «... желал бы сделаться писателем вроде Гиббона» (В.Е. 1906. кн. X. С. 830). Тургенева привлекали в трудах Гиббона широта охвата материала в сочетании с точностью и ясностью изложения. Его суждения о Гиббоне свидетельствуют о том, что он высоко ценил не только научные, но и художественные достоинства сочинений английского историка. В мемориальной библиотеке Тургенева хранятся книги Гиббона, изданные в Англии и в России:

1) Gibbon E. The history of the decline and fall of the Roman Empire. London, Liverpool. 1830.

2) Гиббон [Э.] История упадка и разрушения римской империи. Сочинение Гиббона. Перевод с французского с примечаниями русского переводчика [П. Черевина]. Сокращённое Г. Адамом. М. Тип. Решетникова. 1824. Эта книга попала в состав тургеневской библиотеки вместе с книгами Белинского, поскольку на титульном листе имеется автограф «В. Белинский», а на корешке тиснены инициалы «В.Б.».

Мастерство слога сделало Дэвида Юма (Hume David) также одним из любимых авторов Тургенева. Подтверждение этому находим в письме к Тургеневу Е.М. Феоктистова, назвавшего Юма «любимцем» Тургенева (ИРЛИ, ф. 166, ед. хр. 1539, л. 52). Сам Тургенев писал Е.М. Феоктисову 27 декабря 1852 (8 января 1853 года): «Хваля Юма, я никогда не имел в виду ничего, кроме его слога, его простого, ясного и объективного изложения». В родовой библиотеке имеется капитальный труд Д. Юма «История Англии» и ряд других работ на английском языке, а также во французском и русском переводах:

1) The history of England from the invasion of Julius Caesar to the révolution in 1688; by David Hume, esq. Paris, Baudry's European library. 1837.

2) Histoire d'Angleterre, depuis l'invasion de Jules César jusqu'à la révolution de 1688, par David Hume... Paris, 1830.

3) Histoire de la maison de Stuart sur le trône d'Angleterre par M. Hume. A Londres, 1766.

4) Histoire de la maison de Tudor, sur le trône d'Angleterre par M. David Hume. Amsterdam, 1766.

5) Histoire de la maison de Plantagenet sur le trône d'Angleterre, depuis l'invasion de Jules César, jusqu'à l'avènement de Henry. Amsterdam, 1765.

6) Юм [Д]. О населённости древних народов, каковою она является из писаний историков, мудрецов и стихотворцев тех времён г. Гюма. Переложил с английского, с некоторыми примечаниями Николай Муравьев <...> СПб. Тип. Дрехслера. 1806.

С английским историком Джорджем Гротом и его женою Гарриет Грот Тургенев встретился в Лондоне в июне 1857 года. К этому времени он был уже хорошо знаком с работами Дж. Грота. Его капитальный труд «История Греции» (History of Greece) вышел в свет в Англии в 12-и томах между 1845 и 1855 годами. Тогда же начали появляться его переводы на другие языки. В мемориальной биб-

лиотеке Тургенева хранится немецкий перевод «Истории Греции» (Geschichte Griechenlands. Leipzig, 1855). Именно этот перевод мог читать Тургенев в Спасском-Лутовиново в мае 1856 года в ожидании заграничного паспорта, о чём писал В.П. Боткину 17 (29) мая 1856 года: «... читаю историю Греции Грота» и С.Т. Аксакову 25 мая (6 июня) 1856 года: «Делать ничего не могу, читаю, однако, с большим удовольствием «Историю Греции» Грота – и люблюсь моими милыми и счастливыми афинянами».

Мемориальная библиотека, кроме сочинений известных английских писателей, историков, включает английские шахматные журналы (Лондон, 1853), журналы «Атенеум» (Athenaeum), «Панч» (Punch) и некоторые другие издания.

Литература американского континента представлена в родовой библиотеке Тургенева несколькими авторами, среди которых:

- Джеймс Фенимор Купер (Cooper James Fenimore). Роман «Следопыт, или Озеро-море», изданный в Париже в 1840 году (The Pathfinder, or the Inland sea. Paris, Baudry's European library. 1840). На корешке книги – тиснение «I.T.».

- Натаниел Готорн (Hawthorne Nathaniel). Роман «Алая буква», изданный в Лондоне в 1852 году (The Scarlet Letter. London, 1852).

- Томас Халибертон (Haliburton Thomas), канадский писатель, автор известных романов о Сэме Слике. Роман «Старый судья или жизнь в колонии» (The old judge or life in a colony. Paris, Baudry's European library. A. and W. Galignani. 1849). Издан в серии «Собрание старых и современных английских авторов».

Английская часть тургеньевской родовой библиотеки, стоящая после французской и немецкой по количеству книг, даёт достаточно широкое представление об английской литературе. При этом она включает далеко не всех английских авторов, с творчеством которых Тургенев был знаком и чьи книги мог иметь. Если наличие одних книг в родовой библиотеке подкрепляет наши сведения о творческих взаимосвязях Тургенева с тем или иным английским писателем, то присутствие в ней других является единственным свидетельством того, что Тургенев был знаком с творчеством их авторов. Вот почему при изучении связей Тургенева с французской, немецкой, английской и иными литературами совершенно необходимо учитывать данные его родовой библиотеки.

С.Е. Раич – Дон-Кихот из Рай-Высокого

*Истина, добро, красота – вот триада, которая может
до краёв переполнить существование человека.*
Салтыков-Щедрин «Пошехонская старина»

О роли Раича в истории российской литературы XIX столетия написано немного. Встречаются отрывочные биографические сведения, упоминания о его воспитательной, преподавательской и издательской деятельности, сообщения о гранях творчества – поэтического и переводческого, отношений с Пушкиным. В настоящей статье сделана попытка обзора творчества и изложения краткой биографии этого, без сомнения, интересного человека, безоглядно вступившего на неизведанный путь литературной нивы.

Семён Егорович Раич родился 15 сентября 1792 года в небольшом селе Рай-Высокое Кромского уезда (ныне Троснянского района) Орловской губернии в многодетной семье о. Егора Амфитеатрова, приходского священника местной Покровской церкви. Амфитеатровы дали многих известных священнослужителей и православных писателей, внесших большой вклад в укрепление духовности России.

Первые годы жизни его воспитанием занималась мать: *«Начатками учения, – отмечал впоследствии Семён Егорович, – обязан я матери моей, женщине необыкновенно кроткой и образованной, по тогдашнему времени, выше своего состояния: ей знакома была грамота»*.¹ Природа одарила её талантами, которым суждено будет раскрыться в сыне и его детях. Будущий литератор наследовал внешнее сходство с матерью и многие черты её характера: мягкость, доброту, трудолюбие, настойчивость. Уже в раннем детстве в нём проявлялись задатки одарённости.

В семь лет Семён остался сиротой, в 1802 году десятилетний мальчик был определён на учёбу в севскую духовную семинарию, где преподавал старший брат Феодор (1779-1857). Четырьмя годами ранее, в ноябре 1798 года, Феодор принял монашеский постриг под именем Филарета.

Жил Семён у Феодора, который приложил усилия, чтобы его способный младший брат пошел по его стопам. Семинария располагалась в болотистой местности, и у Семёна случались приступы лихорадки, доводившие подростка часто до изнеможения. По этой причине брат запретил ему заниматься стихотворством. Старший брат был примером для младших Амфитеатровых, и семья надеялась, что способный Семён пойдёт по его стопам, но обстоятельства жизни распорядились иначе. В 1802 году, уже в сане игумена, Филарет был назначен ректором семинарии. Он начал хлопоты о переводе семинарии в Орел, куда она со временем переехала. В 1804 году Филарет (Феодор) был возведён в сан архимандрита² и переведён из Орловской епархии в отдалённую Уфу. Мальчик остался совсем один без надёжной опоры близкого человека.

Большую роль в пробуждении любви к литературе и в развитии у молодого семинариста *чувства эстетического* сыграли педагоги Сильвестров и Фавицкий. Под их благотворным влиянием юноша увлёкся поэзией и античной культурой. Перед ним открылся мир прекрасного, мир слова. Семён читал «Буколики» Вергилия (около 42-39 гг., пер. С. Шервинского) (экл. IV, ст. 62-64):

*Маленький мальчик, начни улыбаться, мать узнавая,
Много страдала она, нося тебя долго под сердцем. <...>
Так улыбнись ей скорей! Кто не знал родителей смеха,
Пиром бог того не почитит, ни ложем богиня.*

Впечатлительного мальчика душили слёзы. Образ матери глубоко запал в его сердце. Ему, страдающему сироте, так недоставало её ласки. Страдания очищали душу, возвышали и укрепляли дух. Тема страданий красной нитью пройдёт через творчество будущего поэта.

В другом месте персонаж Вергилия, Дамет, восклицает: «Все побеждает любовь, и мы любви покоримся» (экл. X, ст. 69).

Такие слова подросток часто слышал от матери. Вергилия она не читала... Семёна влекла магия слова. Он чувствовал его живую душу. Мальчик начал писать стихи. Советы и похвала учителей воодушевляли Семёна. Они поощряли его первые поэтические опыты. Это были чаще всего стихотворные подражания классицистам Ив.Ив. Дмитриеву³ и др. Первые сочинения юный Семён подписывал псевдонимом *Рауч*, т.е. житель села Рай-Высокое. Под таким вымышленным именем, которое со временем станет настоящей фамилией, он войдёт в историю русской литературы.

Всё свободное время Семён отдавал стихотворчеству, к которому почувствовал неистребимую тягу. Любовь к поэтическому слову стала его судьбой. Он поставил себе целью понять современный мир и античную эпоху через образность, выраженную вербально, стремился стать активным участником живого литературного процесса. Вскоре Раич понял, что оказался перед серьёзной альтернативой: либо после окончания семинарии он должен продолжить династию духовных пастырей, как на это надеялись его родные, либо дерзнуть и отдаться во власть страстного желания, захватившего всё его существо. У него сложилась внутренняя убеждённость, что его дорогой жизни должен быть путь в литературе. Молодой семинарист из затерянного в орловской глубинке села твёрдо решил не расставаться с поэтическим творчеством и связать своё будущее не со священнической стезёй, а с получением словесного образования.

В осуществлении чудной мечты юноша проявил удивительную целеустремлённость. У него были смутные представления, как претворить мечтания в действительность. Все поступки он совершал, не получая советов от старшего брата. У Семёна, вероятно, были некоторые основания предполагать, что принадлежность к духовному сословию может стать помехой для претворения его амбициозных планов. Семинарский диплом, как и гимназический, разрешал поступление в высшее учебное заведение. Формально в университет могли поступать лица из любых групп населения (за исключением крепостных крестьян).⁴ Правда, для выходцев из духовного сословия существовала специальная система высшего обучения. В начале XIX века духовные лица чрезвычайно редко стремились к высшему светскому образованию.

В сознании многих людей не укладывалось желание сына священника, одного из лучших выпускников семинарии, покинуть духовное сословие. *«Какой бы Вы были со временем архиерей! Какие бы Вы писали проповеди»*, – сокрушенно говорил ему новый ректор семинарии. Ректор предрекал Семёну большое будущее: архиерей лицо, имеющее третью, высшую степень священства. Но молодой поэт уже ощущал себя *в светлой вышине*. Он отверг сословную традицию и взлетел, подобно Икару, бросившему вызов земному притяжению. В 1828 году он напишет стихотворение «Поэту»: *«...ты, полный Феба, //Летаешь в светлой вышине...»*. Юноша испытывал подъём душевных сил, которые поднимали его над повседневностью и выводили в новый мир. Искра высокой поэзии воспламеняла

душу семинариста, творила подлинное чудо. Мечта об изменении судьбы и получении литературного образования стала его *Idée fixe*.

Чтобы оставить духовное сословие и перейти в сословие низшее, мещанское, требовался весомый довод, и семинарист назвал главной причиной своего необычного желания частые болезненные страдания от лихорадки. Ему предписывалось пройти медицинское освидетельствование в Орловской врачебной управе. Штаб-лекарь Суходольский, прежде преподававший в семинарии медицину, счёл просьбу худощавого маленького человека некрепкой стати уважительной и после осмотра и выслушивания объявил Семёна, не погрешив против совести, *«неспособным по болезни к духовному званию»*.

Переход в мещанство по собственной охоте было для Семёна Егоровича самым главным, самым ответственным решением, изменившим кардинально его участь и определившим стратегию всей его будущей жизни. В накатанной колее нормального течения его бытия им вдруг был сделан резкий поворот в сторону ухабистого просёлка в угоду *«непреодолимого желания удовлетворить требованиям духа вопреки всем препятствиям»*. У Раича будут трудные минуты и будут сомнения: *«Благоразумно ли, или не благоразумно поступил я, не знаю»*, – писал он в «Автобиографии», но обратного хода сделано им не будет, и о своём отчаянном поступке он никогда не пожалеет. Он ещё не знал, как долго и тяжело ему предстоит сражаться за претворение своих грёз.

Раич вступил в жизнь, которую не знал совершенно. Ради миража он лишился постоянного материального содержания и обрёл себя на скудное существование. В новом сословии он получил право на низший гражданский чин – *коллежский регистратор*.

Чётких соображений по осуществлению поставленной цели у него не было. Надежда была на эфемерный счастливый случай. Он жил впроголодь, замерзал, но продолжал писать стихи и мечтать о Московском университете. Первым трудовым занятием Раича было служение канцеляристом в Ружском земском суде.

Бывший семинарист, ведя аскетический образ жизни, излагал нравственные принципы своего самовоспитания: *«...никакие обольстительные виды – ни корысть, ни служба с чинами, почестями и надеждой на обеспечение состояния не могли отвлечь меня от Поэзии. ...знаю только, что Поэзия, вместе с любовью к наукам, спасла меня от многих преткновений и на жизненном пути много, много отрадного навела на мою душу»*.

Приемлемый выход из своего бедственного положения Раичу представлялся в обучении детей из семей состоятельных родителей. Дальнейшие события показали, что этот план, как идея выживания, оправдался полностью. Ограждая подростков от вредных влияний за стенами дома, родители отодвигали время вступления родных чад во взрослое бытие, нередко, тем самым, задерживая становление волевых черт характера юношей. (Названное обстоятельство окажет влияние и на личность Ф.И. Тютчева.) Приглашали учителей по рекомендации родственников или знакомых, иногда – из-за границы. Кроме поэзии и античной истории Раича увлекал сам процесс передачи знаний другим людям. Он чувствовал глубокое удовлетворение, ощущая перетекание знаний, уподобленных некоему теплоруду, от него к воспитанникам. В семинарии учили основам педагогики, рассказывали об идеях Яна Каменского, К. Гельвеция, И. Песталоцци. В обучении он видел свою просветительскую миссию. Ещё в Рай-Высоком, до поступления в семинарию, ему довелось безвозмездно выучить грамоте одного ровесника, и он очень тогда гордился своим первым учебно-воспитательным успехом. Теперь положительным примером педагогической деятельности были его семинарские преподаватели.

Вскоре произошёл тот ожидаемый случай, на который надеялся Семён Егорович: его, новоиспечённого чиновника XIV класса, приняла орловская помещица А.Н. Надоржинская,⁵ кстати, родственница Тютчевых, в качестве домашнего учителя к своему сыну. Усердие молодого воспитателя, его педагогические приёмы, багаж знаний, усвоенный её сыном, произвели хорошее впечатление на Анастасию Николаевну. Она осталась довольна Раичем и через полгода рекомендовала Семёна Егоровича своей сестре Н.Н. Шереметевой, также родственнице Тютчевых. С сыном Шереметевой Алексеем⁶ Раич будет заниматься три года и тоже с самым благоприятным отзывом. (Во время войны 1812 года учитель попытается вступить в ополчение, но благородный порыв немощного патриота был отвергнут, и он вместе с Шереметевыми выехал из города.)

В конце 1813 года Раича (ему 21), уже заслужившего престиж опытного учителя, пригласили в семью Тютчевых. На него возлагалась подготовка к поступлению в университет младшего сына Фёдора. Данное приглашение станет той большой удачей, ради которой он затеял свои незрелые, возможно, даже опрометчивые действия. В этом доме Раич пробудет воспитателем семь лет. (Позже объектом

обучения Раича станет третий московский родственник Тютчевых, Андрей Муравьев.⁷⁾

Не имея *ни кола, ни двора*, Раич жил в семьях своих воспитанников. Он горестно называл себя *перекати-поле* («Перекати-поле», не позднее 1825):

*Тяжело быть сиротой!
Горько жить в чужбине!
Ах, что станется с тобой,
Перекати-поле?*

В «Автобиографии» читаем проникнутые ностальгией строки о времени обучения Раичем юного Тютчева: *«Это время было одной из лучших эпох в моей жизни. С каким удовольствием вспоминаю я о тех сладостных часах, когда, бывало, весной и летом, живя в Подмосковье, мы вдвоём с Федором Ивановичем выходили из дома, запасались Горацием, Вергилием или кем-нибудь из отечественных писателей и, усевшись в роще, на холмике, углублялись в чтение и утопали в чистых наслаждениях красотами гениальных произведений Поэзии!»*. Увлечённость Раича поэзией заражала юную душу благодарного ученика.

Воспитатель и его *милый воспитанник*, несмотря на различия их социального положения и условий предшествующей жизни, были во многом людьми близких психологических типов. Восприимчивость Фёдора радовала Семёна Егоровича, мальчика приятно было учить: он любил учиться. Такие отношения всегда радуют воспитателя.

Раичу импонировал одарённый питомец: *«...Провидению угодно было верить моему руководству Ф.И. Тютчева, вступившего в десятый год жизни. Необыкновенные дарования и страсть к просвещению милого воспитанника изумляли и утешали меня; года через три он уже был не учеником, а товарищем моим, — так быстро развивался его лобознательный и восприимчивый ум!»*.

Раич со своей обязанностью справился блестяще, он стал для Тютчева и воспитателем, и старшим товарищем, и кладезем знаний, формировавших мировоззрение юноши. Он рассказывал лобознательному подростку об основах духовности древних греков и римлян, античной философии, литературе, мифологии. Учитель объяснял, как через миф отображалось религиозное и мистическое сознание древнего общества. В мифах постулировалось сочетание бытия и небытия, порядка и хаоса. Характеры персонажей мифологических сюжетов были вполне человечны: боги любили, ревновали,

изменяли. Философия «жизни» богов была естественна, соответствовала земному пониманию.

Воспитатель развивал воображение подростка, учил его общению с природой, познанию её мудрости, осмыслению прекрасного. Отменный знаток русской, итальянской и античной словесности, Раич познакомил ученика с лучшими её образцами, преподал общие сведения о поэтике, теории стихосложения, истории литературы. Учитель приучал Фёдора к углублённому пониманию чтения, к художественным переводам первоисточников, рассказывал о той поре в истории человеческой цивилизации, когда формировались основополагающие знания об окружающем мире. Значительное внимание в беседах учителя с учеником уделялось изучению литературных приёмов, применяемых в античной литературе и Библии. Обращалось внимание на представление античных философов о движении, времени, вечности. По рекомендации Раича Тютчев читал в оригинале «Федру» Платона, «Физику» Аристотеля, «О государстве» Цицерона.

Учитель, как свидетельствовал И.С. Аксаков, *«был человек в высшей степени оригинальный, бескорыстный, чистый, вечно пребывавший в мире идиллических мечтаний... соединявший солидность ученого с каким-то девственным поэтическим пылом и младенческим незлобием»*.⁸

Через некоторое время Раич, наконец, приблизился к претворению грёз об университетском образовании: с согласия Тютчевых он с осени 1815 года временно, на полгода, приостановил занятия с Фёдором и поступил слушателем в университет. Мечта из категории несбыточности становилась реальностью.

Весной 1816 года Раич писал: *«Я держал и выдержал экзамен на степень кандидата по Юридическому факультету»*.

В пору прерванных занятий с Семёном Егоровичем Фёдор брал уроки французского языка у известного переводчика П. Динокура. Французский станет его вторым языком общения, а за границей – даже первым. Он будет рабочим языком на дипломатической службе и языком бесед в дворянских гостиных, на французском будет вестись переписка с родными, друзьями, сослуживцами, любимыми женщинами... Острые публицистические статьи и полтора десятка стихотворений Тютчев напишет на французском языке.

Как-то Динокур, который был также и знатоком латыни, в присутствии Раича и Тютчева пренебрежительно высказался о русском

языке. Дескать, недостаточно в нём дидактических форм для перевода поэмы Вергилия и Горация. Только, мол, французский язык более всего подходит для переводов с латинского. Раич возмутился: *«Я заступился за честь родины и её слова и, вместо бесплодного словопрения, принялся за дело, за перевод Вергилиевых „Георгик“... Около года никому не показывал я опытов моих в переводах, кроме Ф.И. Тютчева, вкусу которого я вполне доверял».*

Раич признавал, что воспитанник овладел латынью и древнегреческим настолько, что он, Раич, мог вполне полагаться на его советы. Со своей стороны Тютчев считал Раича лучшим знатоком латинской поэзии. В 1822 году Погодин⁹ записывал в дневнике: *«Тютчев <...> говорит, что Раич переведет лучше Мерзлякова Вергилиевы эклоги».*

Воспитательная миссия Раича приблизилась к завершению. 29 сентября 1819 года Фёдор Тютчев (через два месяца он отметит своё 16-летие) написал следующее заявление в Московский университет: *«Родом я из дворян, сын надворного советника Ивана Тютчева, отроду себе имею 15-ть лет, воспитывался и обучался в доме родителей российскому, латинскому, немецкому и французскому языкам, истории, географии и арифметике, потом в течение двух лет слушал в сем Университете профессорские лекции, ныне же желаю продолжить учение мое в сем же Университете в звании студента, почему Правление Императорского Московского Университета покорнейше прошу, сделав мне в знаниях моих надлежащее испытание, допустить к слушанию профессорских лекций и включить в число своекоштных университетских студентов Словесного отделения».*

Заявление было принято, и через месяц, 30 октября, профессора А.Ф. Мерзляков и Т.И. Перелогов известили Правление Московского университета: *«...мы испытывали дворянина Федора Тютчева в российском, латинском, немецком и французском языках, в истории, географии и арифметике и нашли его способным к слушанию профессорских в университете лекций <...>».*¹⁰

4 ноября Тютчев приступил к слушанию лекций по классу проф. М.Т. Каченовского: «Теория изящных искусств и археология». Вместе с ним начал слушать эти лекции кандидат С.Е. Раич.

По прошествии трёх лет, 8 октября 1821 года Тютчев, уже бывший ученик Раича, получил университетский диплом, в котором засвидетельствовано, что он, *«...доказавший свои знания и на обыкновенном трехгодичном экзамене, и сверх того отличившийся своими упражнениями в сочинении, примерным поведением и успехами в науках, за*

что награжден был похвальным листом, оказался теперь достойным степени Кандидата». ¹¹ Кандидат — низшая ученая степень, которую получали лучшие выпускники университета. Обладатели данной степени имели право продолжать образование, готовясь к защите магистерской диссертации. При поступлении на государственную службу кандидат получал гражданский чин «губернский секретарь» (XII класс). Указанный чин был пожалован Ф.И. Тютчеву 21 февраля 1822 года с уставным обращением: «*Ваше благородие*».

В марте того же 1822 года почти одновременно ¹² в Москве (18 марта) и Петербурге (20 марта), проходили заседания литературных обществ, на которых обсуждался тютчевский перевод с французского языка стихотворения Ламартина «Одиночество» («*Как часто, бросив взор с утесистой вершины...*»).

Благодаря Раичу переводческая увлечённость Тютчева получила мощный импульс, прослеживаемый на протяжении всей творческой жизни поэта. 11 июня 1822 года Тютчев уезжал в Мюнхен, ученик и учитель надолго расставались. Семён Егорович получил на память стихотворение: «*На камень жизни роковой...*», в котором кратко поэтически изложена его творческая биография: «*И в мире сем — как в царстве снов // Поэт живет, мечтая — <...> // Ум скор и сметлив, верен глаз, // Воображенье — быстро...*».

Впрочем, их связи не прерывались. Фёдор Иванович не воспользовался правом на продолжение учёбы в университете, тридцатилетний учитель от него не отказался. И вот, наконец, долготерпение Раича было вознаграждено. Вопреки неверию родственников и друзей в его силы, бывший семинарист воплотил в действительность свою мечту, к осуществлению которой он с таким необыкновенным упорством стремился: 24 октября 1822 года Семён Егорович успешно защитил магистерскую диссертацию. Тема научной работы: «*Рассуждение о дидактической поэзии*», — своеобразный ответ Динокуру. В печати «*Рассуждение*» появилось годом ранее в качестве предисловия к его переводу поэмы Вергилия «*Георгики*».

Сын сельского священника из Рай-Высокого, стал магистром словесности. «*Я с содроганием вспоминаю о тех мытарствах, через которые суждено было мне пройти от Севска до Рузы, где был я... канцеляристом Земского суда, — от Рузы до Москвы и до университета, до кандидатства!*», — вспоминал Семён Егорович свою суровую молодость.

Перевод из Вергилия вызвал интерес среди московских литерато-

ров. Семён Егорович был польщён лестным вниманием, проявленным к его труду известным поэтом Ив.Ив. Дмитриевым, который отныне стал литературным наставником Раича. Вяземский полусуштя называл Раича *крестником* Дмитриева.¹³ Дмитриев обратился к Президенту академии А.С. Шишкову¹⁴ с просьбой о присуждении автору перевода «Георгик» академической награды. Ходатайство было удовлетворено: Семён Егорович был награждён серебряной медалью. Это был его триумф. Будущий декабрист, писатель А.А. Бестужев, характеризовал переводы Раича: «*Вергилиевые „Георгики“ достойны венка хвалы за близость к оригиналу и за верный звонкий язык...*». Один из выводов раичевой диссертации о полезном назначении поэзии прозвучал в стихотворении Тютчева «К оде Пушкина на вольность»:

*Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!*

Раич, тонко чувствующий латинский язык, ратовал за использование некоторых особенностей его синтаксиса в русской поэзии. Вспоминая об учителе, Андрей Муравьев писал о его стремлении усовершенствовать слог своих воспитанников, вводя в поэзию латинские и итальянские синтаксические обороты.¹⁵ Увлечение Семёна Егоровича приводило к курьёзным последствиям, впрочем, его не удручавшим. *Итальянизм* Раича, ставший с легкой руки И.В. Киреевского его основной литературной характеристикой, был некоей стилистической и эстетической системой в области поэтического языка, которую можно определить как своеобразный *неопетраркизм*.¹⁶ Осенью 1825 года Раич сообщал Ознобишину о желательности переводов из Ариосто, что помогло бы ввести в русскую поэзию «*неисчерпаемый запас новых пиитических выражений, оборотов, слов, картин; тогда бы все для нас — на нашем богатом языке — опозилось. <...> Чтобы дополнить это опозение нашего языка надобно перенести к нам поэзию Востока. Этот благороднейший, прекраснейший труд принадлежит вам, любезный друг, конечно, вам, по крайней мере, значительную частью*».¹⁷

Пропагандируя *итальянизм*, Раич искренне пытался *опозитить* родной язык, дополняя его «*неисчерпаемым запасом новых пиитических выражений, оборотов, слов, картин, присущих поэзии Востока*». Он даже в любви объяснялся в согласии с латинским синтак-

сисом. В 1826 году Семён Егорович написал озорное эротическое стихотворение «К Лиде. Подражание К. Галлу». Автором античной поэмы о Лиде, построенной на мифологическом сюжете, считается древнегреческий поэт АнTIMАХ (род. ок. 444 до н.э.). В римской поэзии творцом элегии о любвеобильной Лиде является К. Галл (друг Вергилия). Обращаясь к деве по имени Лида, Раич придерживается латинского ритма:

<...> Млеть пред тобою – двух жизней мне мало...

Дева восторгов, сними покрывало.

<...> С длинных ресниц не спустил бы очей:

Лида, сними покрывало скорей!

<...> Дымка слетела, и груди перловы

Вскрылись, и вскрыли элизий мне новый.

<...> Лида, о Лида, набрось поскорей

Дымку на перлы живые грудей:

В них неземное биенье, движенье,

С них, утомленный, я пью истощенье.

Лида, накинь покрывало на грудь,

Дай мне от роскоши нег отдохнуть.

Литературная жизнь в александровской России 10–20-х годов после избавления от павловского режима находилась в состоянии либеральной эйфории, напоминала перенасыщенный соляной раствор, в котором, словно центры кристаллизации, возникали общества, объединявшие литературных единомышленников. Так в 1811 году организовалось «Общество любителей российской словесности при Московском университете». Его основателями были профессора А.А. Прокопович-Антонский, М.Т. Каченовский, А.Ф. Мерзляков и др. И Тютчев, и Раич станут членами Общества. 22 февраля 1818 года на его собрании заслушивалось «...*подражание Горацию г-на Тютчева*». В 1828 году в «Трудах Общества любителей росс. словесности при имп. Моск. ун-те» были опубликованы стихотворения Раича «Жаворонок» и «Поэт».¹⁸ Общество из чисто просветительского постепенно реформировалось в литературно-научное и оказалось самым долгоживущим (с перерывом в 1837–58), оно прекратило своё существование только в 1930 году. (В 1992 году Общество возобновило свою деятельность.)

В подражание московскому обществу в том же 1811 году в Петербурге образовался литературный клуб «Беседа любителей русского слова». В его главе стояли Г.Р. Державин и А.С. Шишков. Основной

целью клуба было противостояние реформе языка и новым литературным направлениям. К этому клубу принадлежали также: С.А. Ширинский-Шихматов, А.С. Хвостов, А.А. Шаховской и другие. «Беседа любителей русского слова» развалилась в 1816 году.

В 1815-1818 годах составилась литературный кружок «Арзама с», в котором собрались либерально настроенные сторонники нового «карамзинского» направления в литературе (В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, В.Л. Пушкин, П.А. Вяземский, А.С. Пушкин). Вяземский так характеризовал кружок: *«Это было новое скрепление литературных и дружеских связей, уже существовавших прежде между приятелями. Далее это была школа взаимного литературного обучения, литературного товарищества. А главное, заседания „Арзамаса“ были сборным местом, куда люди разных возрастов, иногда даже и разных воззрений и мнений по другим посторонним вопросам, сходились потолковать о литературе, сообщить друг другу свои труды и опыты и остроумно повеселиться и подурачиться»*. «Арзамас» полемизировал с «Беседой». В этих и других литературных объединениях развивалось общественное сознание дворянской и разночинной молодой российской интеллигенции.

Раич не был в стороне от литературных течений.

В 1815 году Семён Егорович оказался в кругу интеллектуальной молодёжи. Его знакомыми были способные молодые люди, которым в будущем предстоит стать литераторами, чиновниками, государственными деятелями. Он чувствовал себя ровней с ними, его провинциализм ничем себя не обнаруживал, а степень образованности была не слабей гимназической подготовки его новых товарищей. Раич проявил себя активным литературным полемистом, человеком, не лишённым поэтического дара. Словом, студенческая молодёжь охотно приняла новичка в свою среду. Когда возникла идея создания общества, высмеивающего недостатки некоторых профессоров, то Раич, наделённый недюжинным чувством юмора, безоговорочно стал его членом. Так было учреждено «Общество громкого смеха». Председателем избрали М.А. Дмитриева (племянника известного поэта Ив.Ив. Дмитриева), секретарем — А.Д. Курбатова. Члены общества писали сатирические и шуточные произведения, в которых высмеивались университетские профессора: граф Хвостов, М.Г. Гаврилов (адресат поэмы Философова «Гаврилиада») и другие.

При написании «Автобиографии» (1854) Семён Егорович вспоминал: *«В 1823 году под моим председательством составилось малень-*

кое, скромное литературное общество... Члены этого общества были: М.А. Дмитриев, А.И. Писарев, М.П. Погодин, В.П. Титов, С.П. Шевырев, Д.П. Ознобишин, А.М. Кубарев, князь В.Ф. Одоевский, А.С. Норов, Ф.И. Тютчев, А.Н. Муравьев, С.Д. Полторацкий, В.И. Оболенский, М.А. Максимович, Г.Шаховской, Н.В. Путьята и некоторые другие... Здесь читались и обсуждались по законам эстетики, которая была в ходу, сочинения членов и переводы с греческого, латинского, персидского, арабского, английского, итальянского, немецкого и редко французского языка». ¹⁹ Речь идёт об организации «Общества молодых любителей литературы» при Московском университетском пансионе, т.н. «Кружка Раича».

Некоторых членов «Кружка» интересовали также философия, история. Раич не соглашался, чтобы Общество утрачивало литературную устремленность.

В 1823 году В.Ф. Одоевский организовал другое, более узкое, «Общество любомудров», изучавшее романтическую философию и эстетику с позиции натурфилософских идей Шеллинга. Носителями этих идей были преподаватели Московского университетского пансиона профессора: М.Г. Павлов и Д.М. Велланский. На квартире Одоевского собирались А.И. Кошелев, Д.В. Веневитинов, братья П.В. и И.В. Киреевские, В.К. Кюхельбекер. Посещали заседания А.С. Хомяков, М.П. Погодин, В.Г. Белинский.

14 декабря 1825 года, узнав о восстании декабристов, Одоевский собрал своих друзей и объявил о роспуске «Общества любомудров». К этому времени «Кружок Раича» уже прекратил своё существование. Многие члены литературных объединений находились в дружеских и родственных отношениях с членами тайных Южного и Северного обществ и, естественно, попали под подозрение следственной комиссии Татищева. Полностью она именовалась: «Комиссия для изысканий о злоумышленных обществах». Это было верное направление изыскания крамолы. Правительство опасалось, что университетские общества могли быть рассадниками духа якобинства. Из показаний декабристов И.Г. Бурцева и Н.М. Муравьева следовало, что Раич якобы состоял членом «Союза благоденствия», ²⁰ существовавшем в 1818-21 годах. Семён Егорович угодил в число подозреваемых. В реальности он был далёк от настоящей политической деятельности, но и должной лояльности к сложившимся социальным условиям не проявлял.

Никто из арестованных или свидетелей по делу от 14 декабря ввиду отсутствия любых подтверждений противоправной деятельности Раича ничего предосудительного о нём сообщить не мог. Для

Комиссии была очевидной невиновность Семёна Егоровича. Высочайше было повелено причастность С.Е. Раича к заговору «*оставить без внимания*».²¹

С апреля 1825 по август 1826 года Семёна Егоровича в Москве не было (по предложению генерал-интенданта Г.Н. Рахманова он занимался с его племянником, проживавшим на Украине). К тому времени комиссия Татищева уже потеряла к Раичу интерес. Магистр словесности к декабристам причислен не был, хотя ярлык неблагонадёжности вполне мог бы заполнить.

Раич находил некоторое сходство своего нелегкого существования с образом жизни неаполитанского поэта и живописца Сальватора Розы, жившего в XVII веке,²² его творчество было известно в России. После декабрьских событий 1825 года прославление имени С. Розы приобретало характер некоего общественного протеста. Бунтарь-правдоискатель, защитник бедноты, участник восстания 1647 года в Неаполе, предвестник романтизма, художник, оказавший влияние на европейское искусство, С.Роза вызывал симпатии в русской литературной среде. Ему посвятил стихотворение Д.П. Ознобишин, о нём писал Достоевский. Неаполитанец, предшественник Гарибальди, обращался к согражданам:

*Оставьте мифы у моих ворот,
Пусть стоны воплотит поэта лира
Вдовиц несчастных, нищих и сирот.
Скажите смело о страданиях мира.*

С. Раич (как и С. Роза) имел много возможностей испытать на себе бездушный аристократизм. Выражением недовольства сродни декабристскому стало его стихотворение «Жалобы Сальватора Розы».²³ Описывая жизнь Розы, Раич имел в виду и себя (не позднее 1831):

*Что за жизнь? Ни на миг я не знаю покою
И не ведаю, где приклонить мне главу.
Знать, забыла судьба, что я в мире живу
И что плотью, как все, облечён я земною.
Я родился на свет, чтоб терзаться, страдать,
И трудиться весь век, и награды не ждать
За труды и за скорбь от людей и от неба,
И по дням проводить... без насущного хлеба.*

Уверяя себя в сходстве судьбы своей и Сальватора Розы, Раич не мог знать, что в недалёком от него временном отрезке будет жить

другой поэт с похожей участью. На этот раз роль двойника Семёна Егоровича выпала выпускнику Московского университета, и более того – другу Тютчева, Якову Петровичу Полонскому (1819-1898), поэту послепушкинской эпохи. Яков Петрович так же, как и Семён Егорович, не представлял себя вне поэзии, пробивался собственным усердием, материально бедствовал, вынужден был идти в учителя к состоятельным людям, не очень успешно занимался редакторской деятельностью, сетовал на свою неудачливость: *«Моя судьба, старуха, нянька злая...»*. В неравной борьбе с жизненными злоключениями его спасала поэзия: *«Меня гармония учила по-человечески страдать»*, но порою муза была бессильна и обращалась к поэту с безнадежным отчаянием: *«Я петь не могу, – я устала, поэт!»*. Тема страданий прошла красной нитью через творчество обоих поэтов. *«Страдать – значит существовать»* – афоризм, придуманный Полонским. *«Нет конца стремленью, есть конец страданью»* – это из другого стихотворения Якова Петровича.

Раич и Полонский – поэты разных поколений. Полонский сблизился с Тютчевым, когда Раича уже не было на свете, но так случилось, что в жизни обоих литераторов Тютчев сыграл положительную роль: в 1859 году Фёдор Иванович пригласил бедствующего Полонского на должность младшего цензора в ведомство, которое возглавлял.

...Тютчев и Раич были в курсе творчества друг друга. *«...ежели вы настаиваете на печатании, – писал Тютчев И. Гагарину в ответ на его просьбу прислать стихи для публикации в «Современнике», – обратитесь к Раичу, проживающему в Москве; пусть он передаст вам все, что я когда-то отсылал ему»*.²⁴ Сопроводительные тютчевские письма к Семёну Егоровичу, к сожалению, остались неизвестными.

В творчестве Тютчева и Раича нередки параллели, реминисценции, цитирования, заимствования образов, приёмов.

Одним из первых материальных приобретений Егора Семёновича была эолова арфа, самозвучащий музыкальный инструмент, распространённый в древней Греции. *«Не много нужно было ему, <Раичу>, – писал М.А. Дмитриев, – при его умеренных желаниях, хотя он жил и не без нужды. Единственное излишество, которое он себе позволил в своем приюте, – это установленная на окне Эолова арфа, к унылым звукам которой любил он прислушиваться, когда в отворенное окно играл на ней ветер»*.²⁷ Её вибрирующие звуки пробуждали смутное волнение в душе Тютчева. Позже, пребывая уже в Мюнхене, моло-

дой атташе будет часто вспоминать беззаботное ушедшее время и чарующий лёгкий звон раичевой воздушной арфы. В 1825 году будет рождено стихотворение «Проблеск»:

*Слышал ли в сумраке глубоко
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..*

Когда-то Раич живописно рассказывал впечатлительному подростку Феде Тютчеву о поре своего учения в семинарии: «Я помню и как теперь вижу тот высокий, таинственный дуб, который часто в летнее время приковывал к себе моё внимание, мои думы; одинокий, сиротливый он стоял на холме, среди открытого поля, далеко, далеко, за рекой... Не собирались ли некогда под священной тенью этого дуба скальды со своими золотыми арфами и сладкогласными песнями, если только скальды когда-нибудь навещали Скифию и разнеживали песнями её сердце». Скальды и их арфы оживут в 1834 году в тютчевском стихотворении «Арфа скальда», непосредственным поводом для создания которого послужил в Мюнхене концерт «Норвежские напевы» композитора Бернхарда Ромберга (1767-1841):

*О арфа скальда! Долго ты спала
В тени, в пьли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоём углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженный во сне.*

Ещё в 1815 году воспитанник Раича написал оду «На новый 1816 год», в которой двенадцатилетний поэт впервые применил трёхэлементную антитезу, обнаруженную им в Библии.²⁶ В упомянутой оде названный литературный приём имеет следующий вид:

*Века рождаются и исчезают снова,
Одно столетие стирается другим.*

Здесь образу *века (столетия)* сопутствуют последовательно три элемента: *рождаются – исчезают – одно столетие стирается другим* (т.е. *века вновь рождаются*). Очевидно, что второй элемент, *исчезают*, противопоставлен двум крайним, первому и третьему. Несомненно, Раич был причастен к изучению новой фигуры. Идея трёх элементов получила дальнейшее развитие в концепции Раича о трёхстрочной структуре стихотворений (или «трёхчастной» в терминологии Тынянова, см. ниже). В творчестве Тютчева

и трёхэлементная антитеза, и трёхстрочная структура встречаются многократно. Нашли своё отражение названные идеи и в поэзии самого Раича. В его стихотворении «Песнь соловья» (1827) имеются следующие строки: «*Сладко чувства нежить утром //...// Минет утро, день настанет ///...// День умрет, другой родится*». В цитированном тексте Раич использовал довольно сложную лексическую фигуру с тремя противоположаемыми элементами, два из которых сами являются симметричными антитезами.

В 1836 году в «Современнике» было опубликовано стихотворение Тютчева (ему 33) «*Я помню время золотое...*», – грустный стих-воспоминание об ушедших чувствах, лирический гимн быстротечности счастья и бытия. За исключением *помню*, все глаголы прошедшего времени. По словам Некрасова, стихотворение «*принадлежит к лучшим произведениям г. Т-ва, да и вообще всей русской поэзии*». В творчестве Тютчева это произведение открыло тему: *мемуары о любви*:

*Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.
<...>И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.
<...>И ты с веселостью беспечной
Счастливым провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.*

Мир Раича был иным. Не позднее 1849 года Семён Егорович (ему 57) опубликовал поэму «Арета», историю превращения эпикурейца-язычника в аскета-христианина. Поэму Раич писал долго, не менее десятилетия.

Тема поэмы – преследования христиан в эпоху императорского Рима. Здесь просматриваются аналогии с русской жизнью 20-30-х годов и страданиями декабристов, с осознанием собственной причастности к их кругу.

В поэме немало отступлений, не связанных с основной сюжетной линией. В одном из них, в рефрене «*Я помню золотые годы...*», звучит мотив тютчевской элегии «*Я помню время золотое...*», но у Раича не лёгкая печаль, а пессимистический настрой, восходящий к трагической безысходности – поэт немощен, здоровье уходит...

*Я помню золотые годы, <...>
Тогда я счастьем был богат, –
Его Virgilius и Торкват
Мне напевали, навевали...
Но эти годы миновали, <...>
И вот теперь у них на тризне,
Ненужный гражданин отчизны,
С охолодевшею мечтой
Сижу безродным сиротой.*

И Тютчев, и Раич не обошли вниманием тему поэзии и личности поэта. У Тютчева поэт уподоблен жаворонку («*Вечер мгlistый и ненастный...*», 1836), оба являются вещателями времени: на Руси маленькую певунью называли *вещевременником*. Мир жаворонка – мир ясного утра. *Гибкий, резвый* голосок птички вещал людям о наступлении нового дня. Жаворонок и поэт, оба умолкают в мгlistом и ненастном застое. В стихотворении время действия – настоящее. Надвигается *поздний, мертвый час*. Душа замерла в ожидании худшего. Это не время песнопенья. Неожиданно здесь, в мире мёртвого времени, раздался *звучно-ясный глас жаворонка*. Он слышался, как *смех безумья*:

*Вечер мгlistый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?..
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час,
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..*

Несколько позже тютчевского (но не позднее 1838 года), Раичем тоже был написан «Жаворонок»,²⁷ и тоже четырёхстопным хореем. Образ поэта воплощён в птичке, которой нет нужды знать, *что творится на земле*. Поэт-жаворонок, по мысли Раича, живёт в собственном мире, мире вечной весны. Семистрофное произведение Раича само по себе звучит *беззаботной* жизнерадостной песней жаворонка:

*Светит солнце, воздух тонок,
Разыгралась весна,
Вьётся в небе жаворонок –
Грудь восторгами полна!
Житель мира – мира чуждый,*

*Затерявшийся вдали, –
Он забыл, ему нет нужды,
Что творится на земли.*

<...>

*Не поэта ль дух высокий,
Разорвавший с миром связь,
В край небес спешит далёкий,
В жаворонке возродясь?
Жаворонок беззаботный,
Как поэт, всегда поёт
И с земли, как дух бесплотный,
К небу правит свой полёт.*

Поэзия рождается, воодушевлённая целомудренными помыслами «в высших, более чистых слоях воздуха – в эфире». Вдохновение – чувство божественное, поэт должен писать о высоком, а не о бренном, земном.

У Тютчева также поэзия имеет божественное происхождение (ср. у Пушкина: «Веленью Божьему, о Муза, будь послушна...»), но её назначение – не отрываться от земли, а примирять земные *бунтующие* страсти («Поэзия», 1850):

*В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам –
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре –
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.*

Ещё в июле-августе 1823 года Семён Егорович во время пребывания в Одессе встречался с Пушкиным, куда тот был выслан после скандальных политических стихотворений «Вольность» и «К Чаадаеву». О чём беседовали поэты? О жизни, о поэзии, читали свои стихи. Семён Егорович рассказывал о поре своего учительства, о воспитанниках. Оба принадлежали к разным литературным направлениям и, естественно, дискутировали. Раич был последователем классицизма Ив.Ив. Дмитриева, романтизма К.Н. Батюшкова.²⁸ Пушкин не был поклонником названных поэтов, но в целом уважительно к ним относился. «Благосклонный ваш отзыв о «Современнике» ободряет меня на поприще, для меня новом. Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе мнение», – писал Пушкин Дмитриеву 14 июня 1836 года.

В 1839 году Раич вспоминал: «Я познакомился с Пушкиным в то время, когда он жил в Одессе; там читал он мне только что сбежавшую с пера «Песнь о вещем Олеге» и отрывки из «Евгения Онегина». Тогда он был в апогее своей славы и поэзии. Как он был предан ей! Как иногда боялся измены ее!». Симпатии Семёна Егоровича были на стороне раннего Пушкина, Пушкина «Руслана и Людмилы», «Цыган». По мнению Раича, ранний Пушкин принадлежал к школе *тюризма*, которую *псевдолитераторы* называли *старою школою*. В 1839 году Раич писал о Пушкине: «Впоследствии времени он было уклонился от нее, зато, может быть, и Музы иногда уклонялись от него».²⁹ Раич высоко оценил поэта, преданного своему дару. Тогда, в 1823, Пушкин читал гостю произведения, созданные в Одессе, в частности ностальгический шедевр (1822):

*Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.*

В третьей строке упомянут украинизм *ветрило*, т.е. парус, который позже появится у Тютчева в стихотворении «Восток белел...» [(начало 30-х гг.): «Ветрило весело звучало...»)].

В стихотворении Пушкина сорок строк, не разделённых на строфы. В троекратном рефрене «*Шумы, шуми, послушное ветрило, // Волнуйся подо мной, угрюмый океан...*» Раич усмотрел такое течение поэтической мысли, которое могло бы укладываться в понимание платоновского вывода: *третье есть единство обоих*, - обозначающего тройственный ритм, три стадии диалектического развития (движения) мышления и бытия: <тезис>-<антитезис>-<синтез>. По мотивам пушкинского произведения Раич написал трёхстрочное стихотворение «Вечер в Одессе» («*На море лёгкий лёг туман...*» 1823), отображающее развитие поэтического сюжета в названном ритме.

Первая строфа, *тезис*, полный покой, сладострастная нега, созерцание красоты моря и очарованья южных стран:

*На море лёгкий лёг туман,
Повеяло прохладой с берега –
Очарованье южных стран,
И дышит сладострастно нега.*

Вторая строфа, *антитезис*, движение мысли – противопоставление покою: Геспер сияет, Киприда пену выжимает.

*Подумаешь: там каждый раз,
Как Геспер в небе засияет,
Киприда из шелковых влас
Жемчужну пену выжимает.*

Третья строфа, *синтез, третья* – единство обоих, снятие противопоставления, объединение образов первых двух строф.

*И, улыбаяся, она
Любовью огненную пышет,
И вся окрестная страна
Божественною негой дышит.*

Вероятно, такое логическое управление поэтическим строем было впервые в русской поэзии. Когда Раич через несколько лет станет преподавателем Московского университетского пансиона, он будет обучать студентов (в число которых войдёт и М. Лермонтов) разработанному им методу *тройственного ритма* в поэзии, при котором вторая часть ритма противопоставлена первой, но третья часть снимает противостояния первых двух, создавая целостное единство.

По мнению Ю.Тынянова, *«здесь, в этом стихотворении Раича, уже предсказана трехчастная краткость многих тютчевских пьес и разрешение двух строф в третьей, представляющей определенную ритмико-синтаксическую конструкцию»*.³⁰

Около трети стихотворений Тютчева будут построены на раичевой трёхстрофной структуре. Пушкин не подозревал, что его элегия инициировала через Раича создание Тютчевым десятков(!) стихотворений, построенных на тройственном ритме движения поэтического мышления.

О встрече с Раичем Пушкин упомянул в письме брату Льву от 25 августа 1823 года: *«...я не желал бы ее <поэму «Бахчисарайский фонтан»> напечатать, потому что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен, и что роль Петрарки мне не по нутру. Туманский³¹ принял это за сердечную доверенность и посвящает меня в Шаликовы³² - помогите! - Здесь еще Раич. Знаешь ли ты его? <...> Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу идти; хоть я знаю закон божий и 4 первые правила - но службу и не по своей воле - и в отставку идти невозможно»*.

К середине 1823 года Пушкин уже читал и опубликованную магистерскую диссертацию Раича, и свежий альманах «Новые Аониды»,³³ с которого началась издательская деятельность Семёна

Егоровича. В «Новых Аонидах» были напечатаны стихи издателя, а также тютчевский перевод из Ламартина «Одиночество». Во время августовской беседы Раича и Пушкина последний оставался в рамках корректности, душевная близость или дружеские чувства между поэтами не возникли. Холодное отношение к Раичу косвенно подтверждает резкая реплика: *«в учителя не могу идти; хоть я знаю закон божий и 4 первые правила <арифметики>»*.

В цитированном письме упоминается поэт и издатель Шаликов, литературные поделки которого Пушкин воспринимал крайне отрицательно ещё с лицейских времён.³⁴ Раич не догадывался, что он может вызвать у Пушкина ассоциации с этим литератором. Знай он об этом, ему было бы вдвойне обидно, т.к. о Шаликове у Раича также сложилось негативное мнение. Впрочем, добрые слова о Раиче мэтром русской поэзии никогда сказаны не будут. Уж очень разными были личностные качества обоих поэтов. Подвижническую деятельность Семёна Егоровича Пушкин оценить не успел. В неопубликованной рецензии Пушкина «Об альманахе „Северная лира“» (издаваемом Раичем в 1827 году совместно с Ознобишиным), автор отзыва благосклонно высказывается о поэзии А.Н. Муравьёва (ученике Раича) и уничижительно – о статье самого издателя: *«Долго г-н Р. не знал, почему „у нашего холмогорца такая свежесть, такая сладость в стихах, не говорю уже о силе, которою, без сомнения, обязан он древним; но, перечитавши все, написанное им, я нашел, что он умел и счастливо умел перенести в свои творения много, очень много итальянского и даже некоторые так называемые concetti < блестящие обороты мысли (итал.)>“*.³⁵

Успешный опыт альманаха «Новые Аониды» побудил Раича к попытке издания в 1824 году регулярно выходящего журнала. Вяземским ему даже была обещана поддержка. Но что-то не сложилось. Почему-то Вяземский начал издавать журнал («Московский телеграф») не с Раичем, а Н. Полевым. С 1828 года Раич начал издавать «Галатею», которую (с перерывом в 1830-39 годах) будет издавать до 1840 года. Журнал получил признание, на него подписывались даже на окраинах империи.³⁶ Семён Егорович мог гордиться, что в его изданиях впервые были напечатаны произведения Лермонтова, Пушкина, около двух десятков стихотворений Ф.И. Тютчева. В «Галатее» выражалось восторженное отношение к поэзии Жуковского, Ф. Глинки, Шевырева, Ознобишина. Издатель в своих суждениях придерживался романтического направления. О творчестве Пуш-

кина Раич отзывался критически, замечая, что *«содержание почти во всех произведениях г. Пушкина не богато»*.³⁷

Пушкин отвечал Раичу в том же духе. В 1830 году он обсуждал с П.А. Вяземским идею организации собственных литературных изданий и выразил опасение, что их печатные органы могут оказаться похожими на журнал «Галатей» Раича и «Дамский журнал» Шаликова, уделяющие слишком много места «дамской» теме и рекламе – в ущерб собственно литературному содержанию. *«...чисто литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзицы или Моду, или Политику. Соперничествовать с Раичем и Шаликовым как-то совестно»*, – из письма Вяземскому от 2 мая 1830 года.

В какой-то мере недружественные отношения с Раичем проецировались Пушкиным и на его любимого воспитанника. Терпение Пушкина иссякло, когда в альманахе «Денница» (1830) была напечатана статья И.В. Киреевского «Обозрение русской словесности 1829 года», в которой имена Жуковского, друга Пушкина, и Тютчева стояли в одной шеренге поэтов *немецкой школы*: *«Любовь к литературе германской, которой мы обязаны Жуковскому, все более и более распространяясь в нашей словесности, была весьма заметна и в произведениях прошедшего года. Между поэтами немецкой школы отличаются имена Шевырева, Хомякова и Тютчева»*. В этой же статье Киреевский критично отозвался о пушкинской «Полтаве», хотя признал зрелость таланта её автора. О Раиче Киреевский писал, что он поэт итальянской школы, что его поэзии свойственна *«нежность чувства и музыкальность стихов»*. Статья задела Пушкина. Ответ последовал в февральском номере «Литературной газеты»: *«Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве. Истинный талант двух первых неоспорим»*.

Пушкин не успокоился. Последовал выстрел эпиграммой, великолепным мастером которой он всегда слыл. В апреле 1830 года альманах «Подснежник» напечатал (в июле «Литературная газета» перепечатала) пушкинскую эпиграмму «Собрание насекомых» - подражание басне Крылова. В довольно желчных стихах имена пяти литераторов были заменены звёздочками. Читателям предлагалось самим сделать выбор адресатов пушкинского недружелюбия. В рукописных вариантах встречались Глинка, Олин, Рюмин, Тютчев, Раич и др. Самая популярная расшифров-

ка «Собрания насекомых» принадлежала издателю «Московского вестника» М.П. Погодину:

*Вот Глинка - божия коровка,
Вот Каченовский - злой паук,
Вот и Свиньин - российский жук,
Вот Олин - черная мурашка,
Вот Раич - мелкая букашка.*

Неожиданно пушкинская эпиграмма оказалась небезответной. Автором эlegantного возражения под названием «Букашки» был А.Х. Востоков,³⁸ поэт, филолог-славист, автор фундаментального «Опыта о русском стихосложении» (1812), приверженец высоких жанров с их гражданственной, свободолюбивой патетикой. Александр Христофорович, как и Раич, был сторонником *опоэзения*, поборником введения в русский стих античных поэтических размеров. Многие свои стихотворения он писал гекзаметром. Ниже полный текст упомянутой эпиграммы Востокова.

*Однажды Пушкин –
не со зла,
играючи,
букашкою назвал
Семена Раича,
хотя в черновике
не слишком вдумчиво
сначала он поставил
имя Тютчева.
Стих тютчевский
потом перечитнул
и мягко имя он перечеркнул.*

*Мы в недостатках Пушкина –
все Пушкины,
но гениальность
все-таки в другом.
Любая живность
на Парнас допущена,
и грех
давить букашек сапогом.
И обожая я коровку божью,
когда, чтобы добыть*

*хлебца с высот,
как будто бы в степи
по бездорожию,
по линиям судьбы она ползет.*

С 1827 по 1830 год Раич продолжал преподавать словесность в Университетском благородном пансионе.³⁹ Он был общепризнанным наставником начинающих поэтов. Семён Егорович писал в «Автобиографии»: *«...под моим руководством вступили на литературное поприще некоторые из юношей, как-то: г. Лермонтов, Стромиллов, Колачевский, Якубович. В. М. Строев. Собираясь с письменным уставом В.А. Жуковского, открыл я для воспитанников Благородного пансиона Общество любителей отечественной словесности; каждую неделю, по субботам, собирались они в одном из куполов, служивших моею комнатою и пансионскою библиотекою».*

Лермонтов был зачислен в пансион с 1 сентября 1828 года и учился до его закрытия 29 марта 1830 года. Наиболее полно о пребывании М. Лермонтова в стенах Московского благородного пансиона и о преподавательской деятельности там С.Е. Раича *«...я начал мартъ стихи в 1828 году»*,⁴⁰ записывал Лермонтов. Раич объяснял воспитанникам упомянутое выше философско-логическое значение трёхстрочной структуры стихотворений. Эта идея нашла своё выражение в поэзии Лермонтова: «Русская мелодия» (1829), «Невинный нежною душой...» (1829), «Узник» (1837), «Тучи» (1840) и других стихотворениях, созданных после окончания учёбы.

В стенах пансиона были написаны поэмы «Кавказский пленник», «Корсар» и др. В 1829 году Лермонтов начал работать над поэмой «Демон». Раич дал Лермонтову основательные знания по истории литературы, развил его поэтическую технику. Имя Раича упоминается в приписке Лермонтова в автографе стихотворения «Русская мелодия»: *«Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов...»*. У Лермонтова встречаются реминисценции из Раича: строки из посвящения к «Демону» (ред. 1829) *«Я буду петь, пока поется...»* напоминают третью строфу «Прощальной песни в кругу друзей» Раича.

16 апреля 1830 года Михаилу Лермонтову выдали свидетельство *«о том, что он в 1828 году был принят в пансион, обучался в старшем отделе высшего класса разным языкам, искусствам и преподаваемым в оном нравственным, математическим и словесным наукам... с весьма хорошими успехами; ныне же по прошению его от Пансиона с сим уволен»*.

Семён Егорович любил созданную им атмосферу Университетского пансиона, щедро делился с воспитанниками своими работами, сохранял с ними тесные дружеские отношения, следил за их поэтическими успехами. В письмах обсуждались литературные новости и собственные творческие замыслы. Учитель и ученики обменивались стихотворными посланиями. В этом эпистолярном общении С.Е. Раич оставался литературным авторитетом. Сложилась та творческая среда, о которой он когда-то мечтал и ради которой отказался от родового сословия. Сохранилось письмо Раича к бывшему пансионеру Н.А. Степанову. На письме есть приписка получателя: *«Раич, профессор словесности, переводчик „Освобожденного Иерусалима“ Тасса и издатель журнала „Галатея“. Он читал лекции в Московском университетском пансионе, и я был одним из его любимцев»*.⁴¹

Семилетний труд перевода поэмы Торквато Тассо «Освобождённый Иерусалим» Раич завершил 25 августа 1828 года.⁴² Раичу передали, будто Дельвиг и ещё кто-то неодобрительно высказались о переводе. Притчей во языцех стал чей-то каламбур к строке из поэмы, относящейся к Готфриду Бульонскому: *«Вскипел Бульон, течет во храм...»*. В действительности у Раича данного курьёза нет.⁴³ Слухи не обескуражили переводчика, с присущим ему чувством юмора он написал на себя эпиграмму:

*Ты много потерпел, Готфред,
От варварских народов,
Но более потерпишь бед
От русских переводов.*⁴⁴

В конце концов, незначительные шероховатости возможны в любом крупном произведении. Большинство читателей положительно приняли работу Раича. Событие завершения перевода автор отметил стихотворным посвящением самому себе. Семён Егорович в Иерусалиме никогда не был, но он столько души вложил в четырёхтомное издание, что в посвящении ощущим эффект присутствия автора в Святом городе.

*Ерусалим! Ерусалим!
Тобою очарован, –
Семь лет к твоим стенам святым
Я мыслью был прикован; –
Те годы для меня текли,
Лились, как воды Рая...
Их нет!.. Но память на земли
Осталась их живая.*

В разные годы Раич преподавал в Первой московской гимназии, Лазаревском институте восточных языков и некоторых других учебных заведениях. Редакторская деятельность Раича продолжалась до конца его дней. После журнала «Галатея» он сотрудничал с журналом М.П. Погодина «Москвитянин» (1841-1855). В 1832-1837 годах Семён Егорович трудился над переводом части поэмы Ариосто «Неистовый Роланд».

30-е годы – пик творческой деятельности Раича.

Среди московских литераторов авторитет Семена Егоровича был очень велик, и его выбрали секретарем «Общества любителей российской словесности». «Раич – один литератор в Москве, скажу смело», – писал П. Вяземский. В этом небесспорном утверждении справедливо главное: Россия приняла в национальную литературную сокровищницу и переводы Раича, и его лирическую поэзию.

Для стихотворений Раича характерны чистота стиха, напевность и благозвучие, разнообразие форм, поиски новых ритмических фигур, своеобразие поэтической инструментовки. Многие из них были положены на музыку и становились песнями.

Наиболее известные стихотворения Раича: «Перекасти-поле», «Грусть на пиру», «Соловью», «Посетитель Черного моря» – были положены на музыку композиторами А. Варламовым, Н. Титовым, Ф. Толстым и в XX веке – С. Растроповичем. Особенно повезло стихотворению «Друзьям» («*Не дивитесь, друзья...*»). Молодой Белинский переписал его в особую тетрадь:

*Не дивитесь друзья,
Что не раз
Между вас
На пиру весёлом я
Призадумывался.
Вам у жизни пировать,
Для меня
Свету дня
Скоро вовсе не сиять
Жизнью сладостною.*

Это лирическое и проникновенное произведение отражало душевное состояние поэта после событий 14 декабря и последовавшей расправы над участниками:

*Я через жизненну волну
В челноке*

*Налегке
Одинок плыву в страну
Неразгаданную.<...>
Я плыву и наплыву
Через мглу
На скалу
И сложу мою главу
Неоплаканную...*

Произведение «Друзьям» упоминается в романе В.В. Крестовского «Тьма египетская» (1888) и сатирическом цикле М.Е. Салтыкова-Щедрина «Помпадуры и помпадурши» (1886). Стихотворение стало любимой студенческой песней, исполняемой под аккомпанемент гитары, и по утверждению Н. Гербеля, «облетело всю Россию». Раич, как и Тютчев, был поэтом весны, поэтом мая (у Тютчева: «Люблю грозу в начале мая...»):

*Ароматным утром мая,
О подруге воздыхая,
О любимице своей,
Пел над розой соловей.
Насладися утром мая!
Утро жизни отцветет,
И на сердце грусть падет.*

Со временем живительные связи с учениками утрачивались. Раич горестно вспоминал:

*Одних постигла смерть, другие на пути
Земном расстретились со мной и торопливо
Умчались вперед...*

Верность поэзии Семён Егорович пронёс через всю жизнь. Уже в преклонном возрасте стареющий Раич записывал: «Бывало, только что все в доме уснут, я зажгу свечу, напишу десятка два стихов, раза два прочту их, вздохну:

*И чад моей мечты дрожащею рукою
На жертву принесу не Музам, а Вулкану...».*

Култ бога Вулкана в древнеримской мифологии сопровождался человеческими жертвоприношениями.

Писатель К.А. Полевой⁴⁵ как-то увиделся с Семёном Егоровичем и поразился его внешности: «Маленький ростом, какой-то чернокожий, тщедушный, почти монах по образу жизни, он любил в стихах своих выразить наслаждение жизнью...». Полевого поразил след мо-

нашествия в облике маленького щедедушного поэта. Перед ним словно был не Семён Раич, а бывший выпускник духовной семинарии Семён Егорович Амфитеатров, постаревший на сорок лет. Какой силой духа держалась жизнь в этом теле? Он *«любил в стихах своих выражать наслаждение жизнью»*.

В июле 1843 года Тютчев готовился к окончательному возвращению в Россию. В Москве он случайно повстречал Раича. Они не виделись более двадцати лет. Тютчев, не замечавший в повседневном течении жизни бега времени, был поражён страшному изменению внешности своего учителя, которому было всего 51. *«О, что за ужас! Не могу не верить в некое страшное колдовство, когда вижу эти сморщенные, поблекшие лица, эти беззубые рты, – писал Фёдор Иванович жене 14 июля 1843 года. – Это мой учитель русского языка; я расстался с ним двадцать лет тому назад, когда он был во цвете лет, а нынче это лишённый почти всех зубов человек, со старческой физиономией, представляющей, так сказать, карикатуру на его прежнее лицо. Я никак не могу опомниться от этого удара. Излишне говорить, что при каждом таком потрясении сердце во мне сжимается и устремляется к тебе. Но и ты постареешь... И мне кажется, что без меня ты больше во власти этого недуга, именуемого временем»*.⁴⁶

Нельзя расставаться, чтобы не видеть *недуга, именуемого временем*. Стареть надо вместе... Эта встреча была для Тютчева предупреждающим звонком о его приближающейся старости. В стремлении обмануть жизнь, Тютчев в 1850 году влюбится в Елену Денисьеву (1826-1864), *последнюю любовь*, которая будет младше поэта на двадцать три года. Шагнув в своё полу столетие, Фёдор Иванович узнает, что знакомые, жалея и сочувствуя, называют его, как он сам когда-то называл Раича, то *тощим престарелым, жизнью сломленным поэтом* (Евдокия Ростопчина), то *божественным старцем*, то просто *старичком* (Эрнестина). В облике Раича Тютчев увидел свою старость. Иллюзия обмана времени обернётся горькой расплатой...

Семейная жизнь Семёна Егоровича складывалась удачно. В 1829 году он женился на 19-летней красавице, обрусевшей француженке, Терезе Андреевне Оливье (род. в 1810 году). Она обожала мужа, который был почти вдвое старше её. Раич оказался хозяйственным главой семьи. От их счастливого брака родились счастливые дети: четыре дочери и сын.⁴⁷ У сына, Вадима Семёновича, обнаружилась склонность к творчеству, полученная им от отца и передан-

ная далее следующим поколениям.⁴⁸ Он, кроме важной служебной деятельности, был увлечённым фотографом-художником, открыл фотографическое ателье, в котором снимались многие знакомые его отца, их дети и внуки. В 1867 году сын Раича сделал портрет сына Тютчева, Ивана Федоровича (1846-1909). Остальные дети Раича были также весьма удачны. Один из племянников Семёна Егоровича – П.А. Александров (1838-1893), адвокат, получил известность как защитник Веры Засулич.

За свою жизнь Семён Егорович не нажил богатства. Посильную помощь ему оказывал старший брат Филарет, простивший его уход из семьи Амфитеатровых. В 1847 году, за пять лет до кончины, в «*Послужном списке надворного советника Семёна Раича, учителя русского языка и словесности при Александринском сиротском институте*» сообщалось, что «*ни у родителей, ни у него, ни у жены родового или благоприобретенного имени нет, за исключением деревянного дома в Москве*», купленного на средства более состоятельного старшего брата.

В первой половине XIX столетия в русской литературе трудно найти другого столь незаурядного человека, идеалиста, создавшего самого себя без связей, без родословной, исключительно только энергией внутреннего духа, с полным отсутствием материальных желаний, карьеры и честолюбия, бескорыстно преданного служению своей Даме Сердца – русской литературе. Чистую душу донкихотствующего мечтателя Семёна Егоровича Раича никакие мирские дразги не могли замутить. Он терпел насмешки, обиды и непонимание близких и неблизких людей. Иногда сил не хватало, опускались руки. Если социальным двойником Раича был Сальватор Роза, то нравственным примером – Дон Кихот («Человек из Ламанчи»⁴⁹).

*Мечтать – пусть обманет мечта,
Бороться, когда побежден,
Искать непосильной задачи
и жить до скончания времен!
Станут люди сильнее от того,
Что чудак, побежденный везде,
Когда опускаются руки,
Тянулся к далекой звезде!*

Скромный и безупречно честный, он спокойно относился к критике, не причислял себя к выдающимся поэтам, какими действительно стали его знаменитые ученики. Раич, трезво оценивая свой уровень

творческого потенциала, не стремился в литературные корифеи, предпочитая оставаться педагогом. Он оставлял в русской литературе след своей индивидуальности через античные и итальянские переводы, лирическую поэзию, через своих воспитанников. *«Мне как будто на роду написано было целую жизнь учиться и учить»*.⁵⁰ На склоне лет Семён Егорович не без основания гордился, что среди его учеников были М.Ю. Лермонтов, Л. Якубович, Е. Ростопчина⁵¹ (родственница Тютчева), вспоминал, что учил русскому языку известную сочинительницу Е.В. Сухову-Кобылину (писавшую под псевдонимом Евгения Тур). Но более всего Раич искренне радовался выдающимся поэтическим успехам *любимого воспитанника* Ф.И. Тютчева, гордился тем, что Фёдор Иванович и другие ученики превзошли своего учителя. Семён Егорович знал о высказывании художника Андреа дель Верроккио, наставника Леонардо да Винчи: *«Несчастен тот ученик, который не превзойдет своего учителя»*. Раич понимал, что от учителя требуется только одно – обладать даром воспитателя талантов, и хотя такой дар остаётся в тени славы его учеников, но цена его всегда очень высока (*«Жалобы Сальваторы Розы»*, 1831):

*Я и во сне и наяву
Воздушные чертоги строю.
Я, замечтавшись, творю
Великолепные чертоги.
Мечты пройдут, и я смотрю
Сквозь слёз на мой приют убогий.*

В трёхстрочной жизни поэта Семёна Егоровича Раича давно миновали первые две строфы, *ароматное* утро и яркий полдень. Наступил поздний вечер, продвигалась к завершению третья строфа бытия бывшего семинариста.

На Орловщине, родине Семёна Егоровича, и сегодня отмечают юбилейные даты жизни знаменитого земляка. В газете «Орловская правда» нередко появляются содержательные публикации местных краеведов.⁵²

Надворный советник (чиновник VII класса) С.Е. Раич, происходящий из духовного звания, магистр словесности Московского университета и других учебных заведений, поэт, переводчик, критик, воспитатель московской плеяды поэтов, издатель литературных альманахов и журналов, умер 28 октября 1855 года, похоронен в Москве на Пятницком кладбище. В XX веке на участке Грановского

(№22) ему установили памятник. Надпись в современной орфографии увековечила приоритеты биографии покойного в понимании новейшего времени:

**РАИЧ
СЕМЁН ЕГОРОВИЧ**

1792 – 1855

Учитель Лермонтова

Воспитатель Тютчева

Поэт, переводчик,

Декабрист

Примечания

1. *Раич С.Е.* Автобиография / Публикация Б. Модзалевского // «Русский библиофил», 1913, №8. С.24. Автобиография была написана Раичем в 1854 г. Дальнейшие воспоминания Раича цитированы по данному первоисточнику без ссылок на него.

2. Впоследствии старший брат Раича стал известным в России митрополитом Киевским и Галицким Филаретом. Похоронен митрополит в Киево-Печерской лавре. Причислен к лику месточтимых святых под именем Феодосия. В 2005 г. внесен в российский месяцеслов.

3. Дмитриев Иван Иванович (1760-1837) - русский поэт, баснописец, государственный деятель; представитель сентиментализма.

4. В России со второй половины XVIII века население страны делилось на пять сословий: дворянство, духовенство, крестьянство, купечество, мещанство.

5. Надоржинская Анастасия Николаевна (1769-1830) - тётка Ф.И. Тютчева, состояла в браке с А.Ф. Надоржинским (1747-1799).

6. Шереметев Алексей Васильевич (1800-1857) - адресат стихотворения «Послание к А.В. Шереметеву» («*Насилу добрый геній твой...*»). Сестра Анастасия (1807-1846) - жена декабриста И.Д. Якушкина (1793/94-1857).

7. Андрей Николаевич Муравьёв, (1806-1874), будущий поэт, богослов, церковный историк, духовный писатель, адресат стихотворений Тютчева «*Нет веры к вымыслам чудесным...*» и «*Там, где на высоте обрыва...*». Умер в Киеве, похоронен в церкви Андрея Первозванного. О поэзии Муравьёва см.: *Киселев-Сергени В.С.* А.И. Муравьев. В кн.: Поэты 1820-1830-х гг. Т. II. Л., 1972. С.108-109.

8. *Аксаков И.С.* Биография Фёдора Ивановича Тютчева. М., 1886.

9. **ПОГОДИН МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ** (1800-1875), русский историк, коллекционер, писатель, политический публицист. Закончил Московскую гимназию (1818) и филологическое отделение Императорского Московского университета (1821). Учился вместе с Ф.И. Тютчевым. В 1823 сдал магистерский экзамен при Московском университете, в 1825 защитил магистерскую диссертацию «О происхождении Руси», где обосновывал норманскую теорию возникновения русской государственности. Профессор всеобщей истории Московского университета (1826-1835), затем в 1835-1844 профессор русской истории. Занимался изучением древнерусской и славянской истории, процессов закрепощения русского крестьянства, причин возвышения Москвы. Защитил докторскую диссертацию «О летописи Нестора» (1834). Издал литературный альманах «Уrania. Карманная книжка на 1826 г.», к участию в котором привлекался Е.А. Баратынский, Д.В. Веневитинов, А.Ф. Мерзляков, Ф.И. Тютчев, А.И. Полежаев, С.П. Шевырёв, П.А. Вяземский. В 1827-1830 издавал журнал «Московский вестник». Совместно с С.П. Шевырёвым издавал и редактировал журнал «Москвитянин» (1841-1856). Многие стихотворения С.Е. Рача были опубликованы в изданиях Погодина.

10. Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Книга первая. Мураново, 1999. С. 29.

11. Летопись. С. 49.

12. Заседание «Вольного общества любителей российской словесности при Московском университете» проходило в отсутствие Тютчева, т.к. он находился в это время в Петербурге. *Вацуро В.Э.* Почти неизвестный Тютчев: из записок филолога // Русская речь. 1989. №4. С. 14–20. На заседании петербургского «Общества любителей российской словесности» представлял Тютчева прозаик и историк А.О. Корнилович (знавший Тютчева ещё по Москве). Из присутствующих тринадцати членов двенадцать человек одобрили сочинение Тютчева. *Основа А.Л.* Из материалов для биографии Тютчева // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка, 1986. Т. 45, № 4. С. 350–351.

13. Русский архив, 1868, № 4-5. С. 605 (письмо И.И. Дмитриеву от 7 апреля 1829 года).

14. Шишков Александр Семёнович (1754–1841) - русский писатель и известный государственный деятель, министр народного просвещения, президент Российской академии.

15. *Муравьев А.Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с.5.

16. *Киселев-Сергенин В.С.* С.Е. Раич. В кн: Поэты 1820-1830-х гг. Л., 1972. Т.2. С.5.

17. *Васильев М.* Из переписки литераторов 20-30 гг. XIX века: (Д.П. Ознобишин. - С.Е. Раич. - Э.П. Перцов) // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те, 1929. Т. 34. Вып. 3 – 4. С.175.

18. Поэты 1820 – 1830-х годов. Сочинения в прозе и стихах // Труды Общества любителей рос. словесности при имп. Моск. ун-те. Ч.7. С.154. Т.2. С.26.

19. Автобиография. С.28. Семён Егорович запамятовал: если скромное литературное общество состоялось в 1823 г., то Тютчев не мог быть в его составе, т.к. годом ранее он убыл на службу в Мюнхен, либо Общество состоялось не в 1823 г., а в 1822, т.е. до отъезда Тютчева.

20. «Союз благоденствия» был образован в январе 1818 г. Целью «Союза» провозглашалось нравственное (христианское) воспитание и просвещение народа, помощь правительству в благих начинаниях и смягчение участи крепостных. «Союз» стремился к широкому распространению либеральных и гуманистических идей. О существовании этой организации было достаточно широко известно, в т.ч. и императору Александру. В январе 1821 г. в Москве был созван съезд «Союза», на котором было принято решение о самороспуске. В мае 1821 г. император Александр, выслушав доклад командира гвардейского корпуса генерал-адъютанта Васильчикова, сказал ему: *«Любезный Васильчиков! Вы, который служите мне с самого начала моего царствования, вы знаете, что я разделял и поощрял все эти мечты и эти заблуждения, не мне подобает быть строгим»*. 1 августа 1822 последовало высочайшее повеление о закрытии масонских лож и других тайных обществ, под какими бы наименованиями они не существовали. Все военные и гражданские служащие дали подписку о непринадлежности их к тайным обществам.

21. ГАРФ, ф. 48, оп.1, д. 28, 243.

22. Роза Сальваторе (1615-1673), неаполитанский живописец, актер, литератор, представитель предромантических веяний в искусстве барокко. Является автором нескольких больших сатир: «Поэзия», «Музыка», «Война», «Живопись», «Зависть», «Ведьма», «Вавилония», созданных в период с 1639 по 1654. Он весьма далек от принятых академических норм. Предполагается его участие в Неаполитанском восстании Мазаньелло (1620-1647). Грубость и резкость он

предпочитает изнеженности, лстивой покорности; пылкость, горячность и буйный задор — аристократическому жеманству. С. Роза выступает против искусства, оторвавшегося от правды и истины. Эту правду он понимает как отражение в искусстве народной жизни, истинных, а не мнимых потребностей людей. Личность и искусство неаполитанского мастера влияли на европейскую культуру.

23. Телескоп, 1831, № 13, с. 51. Ср.: Поэты 1820 - 1830-х г.г., т.2. С.7.

24. Письмо от 7/19 июля 1836 года. *Тютчев, Ф.И.* Сочинения в 2-х томах. Том 2. Письма. М. 1984. С.19.

25. *Дмитриев М.* Воспоминание о Семене Егоровиче Раиче // «Московские ведомости», 1855, 24 ноября С. 577

26. *Полонский А.* Антитеза Екклесиаста в поэзии Тютчева // Международная конференция, Гранада, 7-9 мая 2007 г. «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве. Доклады и сообщения». СПб – Гранада. С. 1389-1395.

27. Поэты 1820 - 1830-х годов. Т.2. Л., 1972. С.26.

28. Батюшков Константин Николаевич (1787-1855) - русский поэт, предшественник Пушкина. Соединял литературные открытия классицизма и сентиментализма, являлся одним из родоначальников новой, «современной» русской поэзии. В послевоенный период поэзия Батюшкова тяготела к романтизму. Раич вспоминал: *«Пушкин не любил Батюшкова, он с каким-то презрением называл его по-этом звуков. Пушкин думал, что музыкальность и вообще тщательная отделка стихов вредит их силе, энергии; это ошибочное, ложное мнение, которое в последние годы его жизни много повредило некоторым из его произведений...»*. (Галатея, 1839, № 27, с. 44.). Проф. В.Э. Вацура комментирует Раича: *«Пушкин отвергал не Батюшкова, а батюшковскую традицию в том ее варианте, который и лег в основу так называемой «итальянской школы» Раича, Ознобишина и отчасти Туманского. Со своей стороны, Раич не принимал нового, «байронического» периода пушкинской поэзии»*. (Энциклопедия русской литературы и фольклора. 2002.) В этой же работе взаимные оценки творчества Раичем и Пушкиным.

29. Галатея, 1839, №№ 19, 24, 27, 29,

30. *Тынянов Ю.Н.* Вопрос о Тютчеве / Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М., 1993. С.203.

31. Туманский Василий Иванович (1800-1860) - поэт, одесский приятель Пушкина, служил в канцелярии М.С. Воронцова.

32. Шаликов Пётр Иванович (1767 или 1768 – 1852) – князь, писатель, журналист, стихотворец. Печататься начал в 1796 г. в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Издал сборники стихотворений «Плод свободных чувствований» (ч. 1-3, 1798-1801), «Цветы граций» (1802). Под влиянием «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина им написаны прозаические произведения «Путешествие в Малороссию» (ч. 1-2, 1803-1804) и «Путешествие в Кронштадт» (1805). В 1819 вышли «Повести князя Шаликова» и «Собрание сочинений» (ч. 1-2). Как прозаик причисляется к эпигонам сентиментализма. Был издателем журналов «Московский зритель» (1806), «Аглая» (1808-1812), «Дамский журнал» (1823-1833), а также редактором газеты «Московские ведомости» (1813-1836). Сентиментальные стихи князя служили образцом слащавости.

33. Альманах «Аониды» в 1796, 1797 и 1799 г.г. издавал Н.М. Карамзин.

34. 27 марта 1816 г. Пушкин писал Вяземскому: «*Простите, князь <вы> гроза всех князей, стихотворцев на <букву> Ш*». *Князь-стихотворцы* - осмеянные Вяземским князя А.А. Шаховской, С.А. Ширинский-Шихматов и П.И. Шаликов.

35. *Пушкин А.С.* Собр. соч. в 10 т. Том VI. М., 1962. С. 98.

36. По воспоминаниям русско-украинского писателя Е.П. Гребёнки, воспитанники Нежинской гимназии высших наук в складчину выписывали из Москвы журнал «Галатея». С Гребёнкой вместе учился будущий поэт Н.В. Кукольник, а несколькими годами ранее – Н.В. Гоголь.

37. Галатея. 1830. Кн. 14. С. 124-126.

38. Александр Христофорович Востоков (1781–1864), внебрачный сын остзейского барона Х.И. Остен-Сакена, при рождении получил фамилию Остенек, русский перевод которой стал сначала литературным псевдонимом, а затем официальной фамилией. (Из антологии Евгения Евтушенко «Десять веков русской поэзии»).

39. Университетский Благородный пансиона при Московском университете был открыт в 1779 г. по инициативе куратора университета М.М. Хераскова. Сюда могли поступать дети дворян в возрасте от 9 до 14 лет. В пансионе преподавали университетские профессора. Здесь, как и в самом университете, проходили торжественные акты и экзамены. («*Московские ведомости*», 1779, 5 янв., © 100; БСЭ. т. 17, с. 44.) В конце XVIII – начале XIX вв. пансион являлся одним из центров культурной жизни. В 1801 г. в Университетском панси-

оне создано «Дружеское литературное общество» (братья Андрей и Александр Тургеневы, В.А. Жуковский, А.Ф. Воейков и др.), воспитанники издавали рукописные журналы и альманахи, создали театр. С 1811 г. в здании Университетского пансиона проходили заседания «Общества любителей российской словесности», которые посещали Н.М. Карамзин, Ив.Ив. Дмитриев, К.Н. Батюшков и другие литераторы. В Университетском пансионе в разное время обучались А.П. Ермолов, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, В.Ф. Одоевский, будущие декабристы П.Г. Каховский, В.Ф. Раевский, И.Г. Бурцов, Ф.Ф. Вадковский и др. 29 марта 1830 пансион (после внезапного его посещения Николаем I) был преобразован в 1-ю Дворянскую гимназию, в 1833 – в Дворянский институт. (*Энциклопедия «Москва».*)

40. Вацуро В.Э. Литературная школа Лермонтова /ФЭБ. Русская литература и фольклор. Сс.49-90. <http://feb-web.ru/feben/lermont/critics/lsb/lsb-049.htm>

41. ИРЛИ, 4347, л. 2 (дата письма - 29 декабря 1838 г.).

42. Героическая поэма Тассо в октавах «Освобожденный Иерусалим» с историческим сюжетом, основанным на хрониках; в нравственном конфликте борьбы страсти и религиозного долга отразились противоречия между идеалами Возрождения и аскетизмом католицизма. Поэма полностью была опубликована в 1580 г., подвергалась суду инквизиции; 2-я редакция под названием «Завоеванный Иерусалим» написана в ортодоксальном католическом духе (1593).

43. О данном каламбуре сообщается в предисловии к кн.: Тассо Т. Освобожденный Иерусалим. Пер. Ореста Головнина (Романа Брандта). Т.1. М., 1912

44. Муравьев А.И. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С.5.

45. Полевой Ксенофонт Алексеевич (20 июня (1 августа) 1801, Иркутск 9 (21) апреля 1867) - русский писатель, литературный критик, журналист, книгоиздатель, младший брат писательницы Е.А. Авдеевой и писателя, драматурга, критика, историка Н.А. Полевого.

46. Письмо от 7/19 июля 1836 г. Тютчев Ф.И. Сочинения в 2-х т. Т. 2. Письма. М., 1984. С.82.

47. Вадим Семёнович Раич (1836-1907), коллежский ассессор (VIII класс), кандидат историко-филологического факультета Московского университета, служил в Московском Архиве министерс-

тва иностранных дел, позже – судебным приставом Московского мирового съезда, секретарем Московской Губернской Земской управы; написал историю земства до 1903 г. Дочь Надежда Семёновна (1841-1903) была замужем за П.П. Строевым (1828-1920), сыном археографа П.М. Строева (1796-1876). Дочь - Раич Софья Семеновна, родилась в 1846 г.

48. Имя актрисы Раич, внучки Вадима Семёновича, встречаем в театральных репортажах 1923 г. о пьесах Арк. Аверченко «Москвички в Константинополе», «Ключ» и др. «...Аверченко, переведенный на все языки, рассыпает блестящие юмора. В его пьесах, какие мы видели вчера, большую услугу автору оказывает г-жа Раич. Второе свое выступление она провела еще более блестяще, чем первое. Так провести свою роль в милой и изящной безделушке как “Ключ” может только первоклассная актриса. Автор дал благодарную канву, но узоры на ней вышила г-жа Раич». См.: Театр и искусство / Эхо. 1923. № 14 (690), 17 января. («Балтийский архив»)

49. Из драматического произведения Дэйла Вассермана и Джона Дэриона «Человек из Ламанчи» (1960), написанного по мотивам романа Мигеля де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605, 1610).

50. Русская калька с латинского docendo discimus – уча учусь.

51. Ростопчина Евдокия Петровна, урожденная Сушкова (23 декабря 1811 (4 января 1812), Москва - 3 (15) декабря 1858, Москва) - одна из ранних русских поэтесс. Потеряв в возрасте шести лет мать, росла вместе с двумя младшими братьями в Москве в семье своего деда, отца матери, Ивана Александровича Пашкова. В 1833 г. вступила в брак с графом А.Ф. Ростопчиным, сыном бывшего московского главнокомандующего. В 1836 г. семья переехала в Петербург и была вхожа в высшее интеллектуальное общество столицы. В творчестве её поддерживали такие поэты, как Лермонтов, Пушкин, Жуковский. Ей посвящали стихотворения Огарев, Мей, Тютчев. Она осудила отношения России к Польше. Николай I запретил поэтессе появляться в столице, и она до смерти императора прожила в Москве.

52. В настоящем работе цитированы отдельные выдержки из статей Владимира Власова о С.Е. Раиче, опубликованных в газете «Орловская Правда» от 07.06.2004, 16.10.2004, 24.03.2005.

От составителей

Составители сборника сочли возможным поместить на его страницах работу нашего корреспондента из Мюнхена А.Э. Полонского, посвящённую известному литератору и педагогу С.Е. Раичу (1792-1855). Вся литературная и педагогическая деятельность Раича была направлена на воспитание у юношества чувства национального достоинства, высокой нравственности, распространение знаний среди народа.

Педагогические взгляды Раича, в целом, отразили типические черты воспитания в дворянских семьях России первой половины XIX века. И.С. Тургенев, несомненно, был знаком с трудами Раича.

А.Э. Полонский – автор более пятидесяти статей о Ф.И. Тютчеве в русскоязычной прессе Германии, Голландии, Испании и других стран. Его работы широко известны в России. Объектом его исследований также является творческая биография воспитателя Ф.И. Тютчева – С.Е. Раича. Полонский поддерживает связи с потомками писателей-орловцев за рубежом, в том числе с Дмитрием Дмитриевичем Киреевским (Австралия) – потомком знаменитого фольклориста.

III

Музей - детям

Участники литературной игры
«За каплей жизни» (май 2008 г.)

СЦЕНАРИЙ ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМПОЗИЦИИ «В ДЕТСКОЙ»

(Образы детей в сочинениях

И.С. Тургенева, Р. Шумана и П.И. Чайковского)

1-й ведущий.

Наш литературно-музыкальный утренник мы назвали «В детской» и посвятили его теме «Тургенев и дети». В самом деле, до сих пор как-то мало говорили об отношении писателя к детям. Между тем он любил общение с детьми и умел делать его интересным и занимательным. Мир маленького человека казался ему не менее, а может быть, и более интересным, чем мир взрослого. Графиня С.А. Толстая, вспоминая о своих детских встречах с писателем, рассказывала, что когда Тургенев приезжал из-за границы и бывал в Москве, он всегда посещал дом её родителей. «Помню смутно, как далеко от меня казалось мне лицо Тургенева, когда я, закидывая назад свою детскую головку, с удовольствием смотрела на добрые глаза, на падающую прядь длинных волос этого крупного человека. Он поднял нас вверх своими большими руками, целовал и говорил всегда что-нибудь коротенькое, но могущее заинтересовать нас».

Тургенев страстно любил музыку и очень хотел, чтобы его дочь непременно училась игре на фортепиано. Поэтому в наш сегодняшний утренник мы включили не только отрывки из произведений Тургенева, посвящённые детям, но и фортепианные пьесы Р. Шумана из цикла «Детские сцены для больших и маленьких детей» и П.И. Чайковского из «Детского альбома».

Отрывок из стихотворения С.Я. Надсона «Над могилой Тургенева»:

*Не здесь, не в мерцанье свечей погребальных,
Не в пёстрой толпе, не при громе речей,
Не в звуках молитв заунывно-печальных
Поймём мы всю горечь утраты своей, -
Поймём её дома, поймём над строками
Высоких и светлых творений твоих,
Заслышав, как сердце трепещет слезами –
Слезами восторга и чувств молодых!*

*И долго при лампе вечерней порою
За дружным и тесным семейным столом,
В студенческой келье, в саду над рекою,
На школьной скамейке и всюду кругом –
Знакомые будут мелькать нам страницы,
Звучать отголоски знакомых речей
И, словно живые, вставать вереницы
Тобою воссозданных русских людей!*

Р. Шуман. «О чужих странах и людях»

2-й ведущий.

«У нас был сосед, человек уже немолодой, одинокий, но очень веселый, разговорчивый, любивший рассказывать истории одну удивительнее другой. Он любил собирать нас, молодых людей, в кружок, усаживал подле себя и принимался за свои небылицы. Сам черт не разобрал бы, что в них было правдой, а что выдумкой. “Ну, это уж слишком!” - бывало кричали мы в конце концов. А он лишь посмеивался да говорил нам: “Поживите да поглядите вокруг хорошенько, то ли еще увидите!”»

(Человек этот был страстным охотником. И вот однажды в бескрайних степях за Доном произошла у него удивительная встреча).

«Я увидел перед собою сидящее на спине степной чайки крошечное существо ростом с локоток, похожее на человека, но сделанное из тех сухих веточек, что встречаются на дорогах и которыми пользуются птицы для постройки гнезд; на его большой голове из зелёного мха был надет персидский колпачок из сухой соломки. Две круглые чёрные ягодки были у него вместо глаз, и, ей-богу, казалось, он ими прекрасно видел; крючковатый корень служил ему носом, а пучок степной травы, называемой «ковыль», заменял бороду. На нём была крестьянская курточка из торфа, перепосанная на бёдрах стебельком лопуха, и он важно представлял свои ножки, обутые в башмачки со шпорами из бересты.

Не успел я придти в себя от удивления, как человечек спрыгнул со своего коня (степной чайки), передал его кулику, который, по-видимому, исполнял роль грума, а затем приблизился ко мне, спокойно уселся и, представившись самым серебристым на свете голоском, поздоровался, после чего спросил меня, хороша ли была охота».

И.С. Тургенев. «Степовик»

Р. Шуман. «Забавные истории», «Игра в жмурки»

1-й ведущий.

«Отец мой был страстным охотником; и как только не был занят по хозяйству - и погода стояла хорошая, - он брал ружьё, надевал ягдташ, звал своего старого Трезора и отправлялся стрелять куропаток и перепелов. Он часто брал меня с собою... большое это было для меня удовольствие! Я засовывал штаны в голенища, надевал через плечо фляжку - и сам воображал себя охотником! Пот лил с меня градом, мелкие камешки забивались мне в сапоги; но я не чувствовал усталости и не отставал от отца. Когда же раздавался выстрел и птица падала, я всякий раз подпрыгивал на месте и даже кричал — так мне было весело!»

И.С. Тургенев. «Перепёлка»

Р. Шуман. «Важное событие», «Грёзы»

И.С. Тургенев. «Садовник» (Читает Даша Гришакова)

*Верхом на лошадке,
Как сталь вороной,
Княжна молодая
Скок передо мной!*

*Дорожку усыпал
С утра я песком –
Она под копытом
Блестит серебром!*

*Перо, что так мило
К кудрям прилегло,
О, если б украдкой
Упасть ты могло!*

*За службу в награду
Ты хочешь цветов?
Отдать все цветы я,
Вся душу готов!*

Р. Шуман. «Верхом на палочке», «Не слишком ли серьёзно?»

2-й ведущий.

*Я шел среди высоких гор,
Вдоль светлых рек и по долинам...
И всё, что ни встречал мой взор,
Мне говорило об едином:
Я был любим! любим я был!
Я всё другое позабыл!*

*Сияло небо надо мной,
Шумели листья, птицы пели...
И тучки резвой чередой
Куда-то весело летели...
Дышало счастьем всё кругом,
Но сердце не нуждалось в нём.*

*Меня несла, несла волна,
Широкая, как волны моря!
В душе стояла тишина
Превыше радости и горя...
Едва себя я сознавал
Мне целый мир принадлежал!*

И.С. Тургенев. «Я шёл среди высоких гор...»

Р. Шуман. «Поэт говорит...»

2-й ведущий.

«Дверь, отворилась, и вошла Фенечка с Митей на руках. Она надела на него красную рубашечку с галуном на вороте, причесала его волосики и утерла лицо: он дышал тяжело, порывался всем телом и подергивал ручонками, как это делают все здоровые дети; но шегольская рубашечка видимо на него подействовала: выражение удовольствия отражалось на всей его пухлой фигурке. Фенечка и свои волосы привела в порядок, и косынку надела получше, но она могла бы остаться, как была. И в самом деле, есть ли на свете что-нибудь пленительнее молодой красивой матери с здоровым ребенком на руках?»

И.С. Тургенев. «Отцы и дети»

П.И. Чайковский. «Колыбельная», «Мой Лизочек»

1-й ведущий.

«Лиза была серьёзный ребёнок; черты её напоминали резкий и правильный облик Калитина; только глаза у ней были не отцовские; они светились тихим вниманием и добротой, что редко в детях. Она в куклы не любила играть, смеялась не громко и не долго, держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда недаром: помолчав немного, она обыкновенно кончала тем, что обращалась к кому-нибудь старшему вопросом, показывавшим, что голова ее работала над новым впечатлением. Она очень скоро перестала картавить и уже на четвертом году говорила совершенно чисто. Отца она боялась; чувство её к матери было неопределённо, - она не боялась ее и не ласкалась к ней; впрочем, она и к Агафье не ласкалась, хотя только ее одну и любила. Агафья с ней не расставалась. Странно было видеть их вдвоем. Бывало, Агафья, вся в черном, с темным платком на голове, с похудевшим, как воск прозрачным, но всё еще прекрасным и выразительным лицом, сидит прямо и вяжет чулок; у ног ее, на маленьком креслице сидит Лиза и тоже трудится над какой-нибудь работой или, важно поднявши светлые глазки, слушает, что рассказывает ей Агафья; а Агафья рассказывает ей не сказки: мерным и ровным голосом рассказывает она житие пречистой девы, житие отшельников, угодников божиих, святых мучениц; говорит она Лизе, как жили святые в пустынях, как спасались, голод терпели и нужду, - и царей не боялись, Христа исповедовали; как им птицы небесные корм носили и звери их слушались; как на тех местах, где кровь их падала, цветы вырастали. «Желтофиоли?» - спросила однажды Лиза, которая очень любила цветы... Агафья говорила с Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такие высокие и святые слова. Лиза ее слушала - и образ вездесущего, всезнающего бога с какой-то сладкой силой втеснялся в ее душу, наполнял ее чистым, благоговеющим страхом, а Христос становился ей чем-то близким, знакомым, чуть не родным. Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на заре, торопливо ее одевала и уводила тайком к заутрене; Лиза шла за ней на цыпочках, едва дыша; холод и полусвет утра, свежесть и пустота церкви, самая таинственность этих неожиданных отлучек, осторожное возвращение в дом, в постельку, - вся эта смесь запрещенного, странного, святого потрясала девочку, проникала в самую глубь ее существа».

И.С. Тургенев. «Дворянское гнездо»

П.И. Чайковский. «Легенда»

Сцена из комедии И.С. Тургенева «Месяц в деревне» (Исполнители: С.Л. Жидкова, Антон Бушунов, Настя Филимонова)

Коля. Бабушка, бабушка! посмотри-ка, что у меня! (*Показывает ей лук и стрелы.*) Посмотри-ка!

Анна Семеновна. Покажи, душа моя... Ах, какой славный лук! кто тебе его сделал?

Коля. Вот он... он... (*Указывает на Беляева, который остановился у двери залы.*)

Анна Семеновна. А! да как он хорошо сделан...

Коля. Я уже стрелял из него в дерево, бабушка, И попал два раза... (*Прыгает.*)

Наталья Петровна. Покажи, Коля.

Коля (*бежит к ней, пока Наталья Петровна рассматривает лук*). Ах, тата! как Алексей Николаич на деревья лазит! Он меня хочет выучить, и плавать тоже он меня выучит. Он меня всему, всему выучит! (*Прыгает.*)

Коля (*бежит Ракитину*). Ракитин, вели нам клею дать, клею...

Ракитин (Коле) На что тебе клею?

Коля Нужно, нужно... Алексей Николаич нам змея, делает... Прикажи...

П.И. Чайковский. «Деревянные солдатики», «Лошадка»

1-й ведущий.

«Он вёл за руку нарядно одетую девочку с пушистыми, почти белыми локонами, большими темными глазами на бледном, болезненном личике и с тем особенным, повелительным и нетерпеливым выражением, которое свойственно избалованным детям».

И.С. Тургенев. «Дым»

П.И. Чайковский. «Неаполитанская песенка»

2-й ведущий.

«Я обернулся и увидел маленькую крестьянскую девочку, лет восьми, в синем сарафанчике, с клетчатым платком на голове и пле-

тенным кузовком на загорелой голенькой руке. Она, вероятно, никак не ожидала нас встретить; как говорится, наткнулась на нас, и стояла неподвижно в зеленой чаще орешника, на тенистой лужайке, пуливно поглядывая на меня своими черными глазами.

Всё ее тело было мало и худо, но очень стройно и ловко, а красивое личико поразительно сходно с лицом самого Касьяна, хотя Касьян красавцем не был. Те же острые черты, тот же странный взгляд, лукавый и доверчивый, задумчивый и пронизательный, и движенья те же...»

И.С. Тургенев. «Касьян с Красивой Мечи»

П.И. Чайковский. «Сладкая грёза»

И.С. Тургенев. «Христос» (Читает Ваня Мельник)

«Я видел себя юношей, почти мальчиком в низкой деревенской церкви. Красными пятнышками теплились перед старинными образами восковые тонкие свечи.

Радужный венчик окружал каждое маленькое пламя. Темно и тускло было в церкви... Но народу стояло передо мною много.

Всё русые крестьянские головы. От времени до времени они начинали колыхаться, падать, подниматься снова, словно зрелые колосья, когда по ним медленной волной пробегает летний ветер.

Вдруг какой-то человек подошёл сзади и стал со мною рядом.

Я не обернулся к нему, но тотчас почувствовал, что этот человек – Христос.

Умиление, любопытство, страх разом овладели мною. Я сделал над собой усилие... и посмотрел на своего соседа.

Лицо, как у всех, - лицо, похожее на все человеческие лица. Глаза глядят немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа как бы покоится на нижней. Небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на нём как на всех.

«Какой же это Христос! – подумалось мне. – Такой простой, простой человек! Быть не может!»

Я отвернулся прочь. Но не успел я отвести взор от того простого человека, как мне опять почудилось, что именно Христос стоит со мной рядом».

П.И. Чайковский. «Хорал»

2-й ведущий.

Порой говорят, что Тургеневу-писателю не удавались образы детей. Однако во многих его произведениях мы находим очаровательные детские портреты, которые невозможно забыть, в чём вы сегодня могли убедиться.

1-й ведущий.

Завершая нашу встречу, мы хотим напомнить, что фортепианные пьесы и сочинения Р. Шумана и П.И. Чайковского исполнял преподаватель музыкального училища Илья Евгеньевич Кушелев; стихотворение «Садовник» продекламировала Даша Гришаква (6 лет); монолог Коли из пьесы Тургенева «Месяц в деревне» прозвучал в исполнении Насти Филимоновой (7 лет); Иван Мельник (13 лет) прочёл стихотворение в прозе «Христос»; отрывки из сочинений И.С. Тургенева читали и вели эту встречу сотрудники музея И.С. Тургенева Светлана Леонидовна Жидкова и Антон Юрьевич Бушунов.

Е.Г. Мельник

«МАМЕНЬКИН САДИК» В ОРЛЕ (И.С. Тургенев в мемориализованном околomuзейном пространстве)

Как известно, в конце 70-х годов Тургенев задумал написать целую книгу «Рассказы и сказки для детей». Это новый этап в творчестве Тургенева. О его замыслах писал М.П. Алексеев в статье «По следам рукописей И.С. Тургенева во Франции».¹ В.А. Громов в своей небольшой книжке «Добрый великан» более развёрнуто представил этот сюжет и едва ли не первый обозначил образ Тургенева-сказочника.² Сам Тургенев был воспитан на сказках Жуковского, Пушкина, сказках народов мира (последние до сих пор сохранились в мемориальной библиотеке писателя). В 60-е годы писатель пробует себя в жанре драматургической сказки: «Последний колдун», «Людоед», «Ундина» и др. Эти материалы были впервые опубликованы в тургеневском томе Литературного наследия Робером Оливье.³

Кроме того, Тургенев непосредственно прикоснулся к сказочному жанру, работая над переводами сказок Ш. Перро и привлекая к этой работе Н.Н. Рашет и Н.В. Щербаня. Писатель перевёл две сказки и предпослал им предисловие, главная мысль которого – «<...> не следует опасаться чудесного для детей».⁴

По этим материалам более десяти лет назад в музее писателя в Орле была разработана лекция «Добрый великан», которая пользуется неизменным успехом у школьников младшего и среднего возраста. Собственными силами научные сотрудники литературного музея Тургенева сделали «домашнее» издание сказок Тургенева и подобрали к ним рисунки писателя. Орловский литератор В. Горьков переложил эти сказки на стихи. Проект издания книги Тургенева заинтересовал издателей.

В 1993 году к юбилею писателя решено было впервые в России поставить на орловской сцене оперетту-фантазию «Последний колдун». Целый год руководство Орловского государственного академического драматического театра им. И.С. Тургенева занималось поисками партитуры этой оперетты. Французский тургеновед А. Звигильский любезно согласился прислать её нотную запись. Примечательно, что в постановке принимали участие не только профессионалы, но и детская хоровая и хореографическая школы города Орла. А немного позднее появилась красочно оформленная книга «Сказки И.С. Тургенева».⁵ Составителем, автором послесловия и переводчиком двух сказок писателя с французского языка стала Л.А. Балыкова. Дети орловской художественной школы соревновались в выполнении ярких оригинальных иллюстраций к сказкам Тургенева. Лучшие из них вошли в книгу, которая была признана «книгой года».

Нашему проекту скоро 20 лет. Мы решили пойти дальше и продолжить эту работу с детьми, используя на этот раз околмузейное пространство.

И вот на бывшей Георгиевской (ныне Тургеневской) улице, на которой родился писатель, появился «Маменькин садик» - в память о саде Варвары Петровны Тургеневой, некогда располагавшемся неподалёку, и где Тургенев провёл первые годы жизни. Мы поставили целью высадить в нашем садике те цветы, которые упоминаются в письмах Варвары Петровны и которые были любимы Тургеневым. Например, известно, что мать писателя, почувствовав под сердцем второго ребёнка, высадила в теплице своего сада семена водосбора. Именно с этого растения и начинался наш сад, который явился попыткой создать в

центре города своего рода тургеневский дендрарий. Почётное место в нём занимает любимый цветок Тургенева – нарцисс, а неподалёку поселился любимый цветок его матери – тюльпан, который являлся знаковым растением XIX века – по нему порой определялось имущественное положение человека. Тургенев любил душистые фиалки. Как вспоминают современники, отдыхая в Висбадене, он каждое утро гулял с букетом маленьких фиалок, который затем неизменно подносил знакомой даме.⁶ В память об этом в нашем саду вырос фиалковый холм. Совершенно неожиданно у нас в саду появились примулы или первоцветы. И вот почему. Тургенев, без сомнения, хорошо знал британские и германские легенды о цветах. Так, одна из британских легенд гласит, будто в лепестках примулы во все дни года укрываются маленькие феи. «Как только крупные капли дождя начнут падать на землю, они мгновенно забираются в ближайший цветок. И вскоре из всех венчиков примул раздаётся приятное пение тоненьких голосков. И счастлив тот смертный, который услышит это пение – одну из чудесных песен царства фей».⁷ Можно предположить, что, работая над либретто оперы-сказки «Последний колдун», писатель обратился к этому источнику. В сказке Тургенева эльфы, которые днём превращаются в цветы, поют свои удивительные песни и охраняют царство природы. Не забыли мы и такое экзотическое растение, как гелиотроп, которое в наших провинциальных магазинах найти было невозможно. А между тем появление этого цветка является своеобразным лейтмотивом истории любви Ирины и Литвинова в романе «Дым». Мы задали себе вопрос: почему автор упоминает несколько раз об этом цветке? Позже мы узнали, что это растение обладает особым ароматом, соединяющем в себе запах миндаля и пудры – горечи и сладости, каковой и стала любовь тургеневских героев.

Этот экскурс можно было бы продолжить, но цель нашего повествования совсем иная. Нам показалось уместным использовать пространство сада для проведения литературной игры. Наше стремление к общению с посетителями в «Маменькином саду» объясняется ещё и тем, что в жизни и творчестве самого Тургенева сад играл немалую роль: достаточно вспомнить, что в пору спасской ссылки он посадил липовую аллею, что при доме в Бадене был посажен огромный сад, что имение его в Буживале носило поэтическое название «Les Frênes» - «Ясени», и что, по сути, ни одно его произведение не обходится без описания сада. И сказки его тоже связаны с садом, полем, лесом. Они заключают в себе целое пространство природы, целый космос: мир горный – птицы, эльфы;

мир земной – цветы, колдун Кракамиш, Степовик; мир подземный – волшебница Природа в окружении своих подданных (ящериц, лягушек и прочих подводных и подземных тварей).

Мы отдавали себе отчет, что современный человек, в сущности, лишён общения с природой и даже малейшее его соприкосновение с ней является праздником. Особенно такое общение необходимо детям. Поэтому мы и придумали игру-представление, игру-праздник, игру-сказку. Сам Тургенев подсказал нам такую форму общения с нашими маленькими посетителями. Сказка позволяет ребёнку прикоснуться к чуду, погрузиться в мир фантазии, развивает воображение. Сказка позволяет избежать скучного морализаторства – у Тургенева мораль запрятана глубоко в сказочный вымысел. А игра даёт возможность раскрыть разнообразные способности детей, помогает научить их общаться друг с другом, знакомит их с окружающим миром, с миром природы.

Сказки Тургенева (мы имеем в виду: «Сказка о серебряной птице и жёлтой лягушке», «Последний колдун», «Степовик», «Сказка о Самознайке», «Капля жизни», и, наконец, перевод сказки Ш. Перро «Синяя Борода») стали основой для сценария, в котором мы объединили их под общим названием «За каплей жизни». Готовясь к представлению, мы провели серьёзную предварительную работу с учителями и школьниками. Прежде всего, нам хотелось, чтобы дети прочли сказки Тургенева и специально подготовленные нами материалы. В виду того, что навык чтения составляет сегодня серьёзную проблему, мы особенно настаивали на тщательном прочтении тургеневских текстов, а наши вопросы побуждали детей вникать не только в фабулу произведений, но и в детали.

Это была игра-путешествие, которая проходила в 7 этапов. С самого начала дети были погружены в стихию приключения. Так, надо было добыть карту предстоящего путешествия, которая была спрятана в зелёный клубочек. На пути участников игры встречаются сказочные герои: девочка-фиалка, маленький эльф, Серебряная птица, колдун Кракамиш, жена Синей Бороды, Степовик, Зелёная фея из «Сказки о Самознайке», которая выступает в сопровождении пажалесовика. Каждый из сказочный героев приготовил для участников игры задание, основанное на прочитанных текстах. Например, надо было вспомнить любимые цветы Тургенева и его матери Варвары Петровны; волшебник Кракамиш предложил назвать обитателей его сказочного замка, а жена Синей Бороды попросила вспомнить:

какой ключ открывал запретную комнату? По случаю было сочинено стихотворение-монолог Синеи Бороды:

*У Синеи Бороды есть свой секрет,
Его раскрыть ты сможешь или нет?
Все жёны оказались в западне,
Но кто-то всё сейчас расскажет мне.*

*Есть ключ особый, нет ему цены,
И будет он пособником вины
Для той жены, нарушившей приказ,
И комнату открывшей в тот же час.
Она возьмёт волшебный ключик тот,
И страшным будет дерзости исход.
Кошмар наполнит явь её и сон,
И будет виноват лишь только он.*

*Вот настает ответа грозный час,
И ты старайся угадать сейчас,
Забудь все страхи, мысль свою проверь –
Каким ключом откроется та дверь?*

(Это был экспромт нашего давнего друга, доцента Орловского государственного университета Н.Н. Смоголь – Е.М.)

Здесь был и персонаж, одетый в домотканую рубаху и лапти, загадавший детям загадку:

*Из сухих веточек сложён,
Из лопушка поясок скроён,
Шапка из соломки,
Глаза-ягодки,
Нос крючковат,
Голосок тонковат.
Кто это?*

Это был Степовик, который вручил участникам игры грамотку, где было указано местонахождение ключа от волшебной пещеры. Встреча с героями производила на ребят сильное впечатление. Они появлялись внезапно, и каждый вдохновенно, насколько мог, представлял своего персонажа, который выступал в сопровождении сво-

ей музыкальной темы – мелодии из балета «Щелкунчик». Нашими помощниками были совсем маленькие дети, всегдашние участники музейных представлений, и студенты театральной студии «Ювента» из Орловского университета.

Как забавен был колдун Кракамиш в своей остроконечной шляпе, с зелёными волосами, бегущий по садовой лужайке со средневековым замком под мышкой! Не забудем и красивую Серебряную птицу, костюм которой привёл в восхищение не только участников игры. Птица попросила детей спеть песню о цветах. Венчает всё действие погружение в подземный мир, подземную пещеру, в роли которой у нас выступила полуподвальная комнатка, куда вела довольно крутая лестница. Эту комнатку мы оборудовали наподобие волшебной пещеры, в которой внезапно загорался подземный свет, и участники игры вдруг видели перед собой великолепную красавицу в воздушных одеждах с венком из маленьких алых роз на голове. Она охраняла блестящий сосуд с «живой водой». Фея загадала детям знаменитую загадку Сфинкса, которую после недолгого совещания они смогли разгадать.

Каким ликующим было восхождение из тёмной пещеры на солнечный свет участников игры во главе с феей, несущей «волшебный сосуд»! Каждому она дала выпить «каплю жизни», и все участники игры получили в подарок по застывшей прозрачной капельке. В заключение вместе со сказочными героями красочная кавалькада участников игры, взявшись за руки, отклонялась и удалилась под музыку Чайковского.

Не напрасно мы провели сложную подготовительную работу: и участники игры, и актёры, и зрители, и её организаторы были довольны. «Мудрецы», которые выступили в качестве помощников игроков и зрителей одновременно, захотели участвовать в игре. Те ребята, которые поначалу скептически отнеслись к действию, вскоре увлеклись и пожелали принять в нём активное участие. Даже то, что мы, казалось бы, не предусмотрели – неумение детей размотать клубок, внутри которого была «волшебная» карта – принесло свою радость: дети, как котята, бегали и резвились по садику, пытаясь размотать зелёный клубочек. Надо отметить, что ребята превосходно справились с домашним заданием: подготовили и почти профессионально исполнили песню о цветах. Впрочем, в школе «Леонардо» музыкальному образованию детей уделяют особое внимание. Если с тургеневскими текстами дети справились вполне, то фрагмент «Воспоминаний», ко-

торый мы им предложили, вызвал трудности восприятия, что понятно – сказочный жанр ближе детям этого возраста. Более всего у организаторов игры вызывал опасение последний эпизод, который должен был произвести на детей впечатление чуда – погружение в тёмную пещеру, в неизвестность, встреча с волшебным существом; наконец, совместное приобщение - с маленькой каплей воды - к «тайне жизни». Всё это, без преувеличения, производило на детей впечатление настоящего чуда. Дети, испробовав волшебной влаги, поняли смысл обращённых к ним слов волшебницы Природы: «Как ты ошибаешься, любезный друг, если думаешь, что всё знаешь о жизни и смерти! Небо, земля, всё окружающее нас, целая вселенная... есть вечная книга, в которой человек до конца времён будет находить непроницаемые тайны и новые вещи: в каждом веке откроет новые и величественные истины, но никогда не узнает всего вокруг».⁸ На вопрос, о какой тайне идёт речь, дети в один голос ответили: «Это знания!»

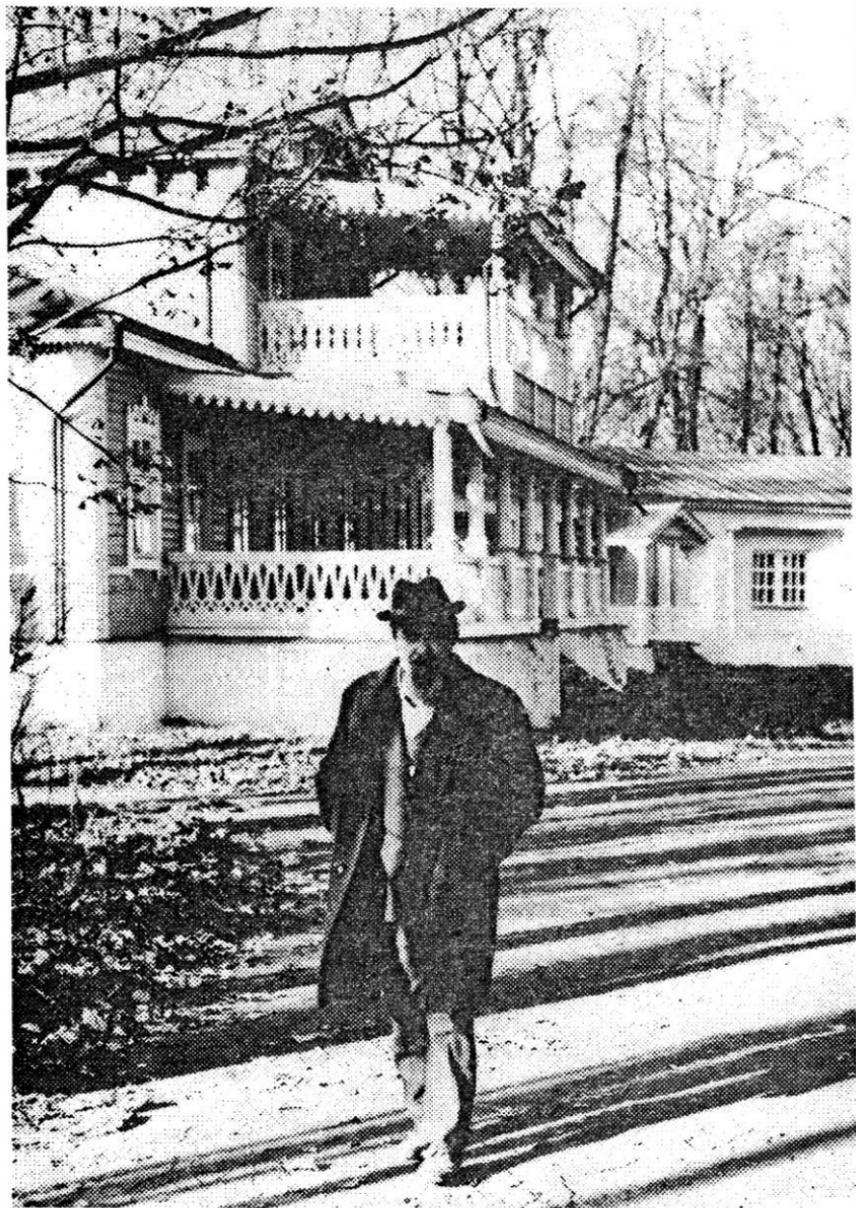
Таким образом, наша игра-представление заключала в себе ненавязчивый урок, полный приключений, опасностей даже и, конечно, радости открытий.

Примечания

1. *Алексеев М.П.* По следам рукописей И.С. Тургенева во Франции // Русская литература, 1963, № 2. С. 61-62.
2. *Громов В.А.* Добрый великан. Тула: Приок. кн. изд., 1974.
3. Оливье Р. Оперетты Тургенева // Литературное наследство. Кн. 1. М.: Наука, 1964. С. 69-90.
4. Волшебные сказки Перро // Пер. с франц. И. Тургенева. Изд. 2-е. СПб.-М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1866.
5. *Тургенев И.С.* Сказки. Орёл: ООО «Орлик», 2005.
6. *Золотницкий Н.Ф.* Цветы в легендах и преданиях. М.: Фирма «Т-Око», 1992. С. 92.
7. Там же. С. 137.
8. *Жанлис С.Ф. де.* Дельфина, или щастливое излечение // Детское чтение для сердца и разума. Ч. 11. М.: Тип. С. Селивановского, 1819. С. 127.

IV

С душой о Пургеневе

Б. В. Богданов в Спасском. 1970-е гг.

НЕВОЗМОЖНО ПОВЕРИТЬ...

Не стало Бориса Викторовича Богданова, отдавшего музейному делу более полувека, многие годы возглавлявшего Тургеневский заповедник в Спасском-Лутовинове. Смерть всегда застаёт врасплох, больно ранит родных и близких, но эта смерть представляется особенно нелепой – казалось, что Борис Викторович, воплощавший спокойную уверенность и бесстрашие перед любой угрозой, будет жить и жить... И всё же непоправимое случилось.

Наш коллега и учитель принадлежал к поколению людей, чья юность пришлась на военное лихолетье, а молодость прошла в преодолении послевоенной разрухи. Поколение личностей, сумевших раскрыть свой человеческий потенциал в пору, когда самое выживание было подвигом. Но и на их фоне Борис Викторович стоит особняком, отличается особой внутренней свободой, самобытностью. Он успел многое передумать, перечувствовать, расставить жизненные приоритеты. Вспоминается его негромкий голос, редко возвышавшийся в разговоре с собеседником. «Люди, - говорил он, - живут для красоты, только они этого сами, скорее всего, не осознают». Тогда, в молодости, нам эти слова не очень-то были понятны, только теперь, с годами, понимаешь, как много было нами упущено из тех разговоров, в которых он так щедро делился с нами своей мудростью.

Борис Викторович Богданов родился 12 января 1924 года на станции Красная Заря Орловской области, в семье священника и учительницы. Лучшие годы безжалостно перемолола война – оккупация, потом немецкий плен, несколько попыток побега, наконец, зимой 1945-го – освобождение и служба в Советской армии топографом-артиллеристом до самой победы, а потом, в 1947 году, когда получил возможность оставить службу, сразу пришёл в Орловский музей И.С.Тургенева и стал работать библиотекарем. Работал и параллельно наверстывал упущенное: с отличием заочно закончил Московский библиотечный институт. Молодой талантливый сотрудник скоро был замечен и уже в 1950 году назначен заведующим литературным отделом музея Тургенева. Позднее он возглавил научную работу всего музея, руководил и мемориальным отделом. Это было время расцвета Орловского литературного музея, где собралась немногочисленная команда единомышленников, фанатично преданных своему делу. «Мы и есть на переднем крае идеологичес-

кого фронта», - не раз повторял нам Богданов слова, для кого-то, может быть, звучащие сегодня наивно. На том «идеологическом фронте» Тургенев был непререкаемым авторитетом. Борис Викторович очень чувствовал тургеневское время, строй мыслей, самую душевную организацию русского писателя. Его эрудиция позволяла ему делать сравнения, которые всегда были в пользу Тургенева...

В 1960-е годы Орловский музей привлекает к себе самые яркие имена в области тургеневедения. И научные сотрудники музея включаются в серьёзные исследования. Тогда Борис Викторович становится инициатором многих начинаний, не исчерпавших себя и поныне. На основе архивных разысканий он пишет статью о предках Тургенева – Лутовиновых (сейчас на неё ссылается всякий, кто исследует эту тему). Богданов закладывает основание систематического изучения тургеневских маршрутов – эта работа непременно сопровождалась полевыми наблюдениями. Классическими стали его путеводители по Спасскому заповеднику, по тургеневским местам Мценского, Чернского районов. Он создал ряд музейных экспозиций, в том числе и нынешнюю экспозицию усадебного дома в Спасском.

Главной заботой Богданова-исследователя стало изучение родовой библиотеки И.С. Тургенева. В середине 1950-х годов он подготовил (при участии коллег из музея и сотрудников Института русской литературы) описание книжного собрания писателя. Не его вина, что оно так и не увидело свет. Борис Викторович сумел увлечь этой работой сотрудников музея, которые продолжили его дело на новом этапе. За каждой книгой он научил нас видеть судьбу её автора, издателя, читателей, научил ощущать её как некую тайну, которую исследователь должен разгадать.

Но, пожалуй, подлинным призванием Бориса Викторовича было общение с людьми, с тысячами и тысячами экскурсантов, стекавшихся во второй половине прошлого века в Орёл и Спасское. Без преувеличения можно сказать: кто бы ни приходил послушать его экскурсию – рабочий или учитель, скромный посетитель или большой начальник, физик или лирик, пожилой или юный – каждый уходил из музея другим человеком, просветлённым, будто узнавшим нечто ему неведомое о мире и человеке. Борис Викторович обладал поистине магическим даром незаметно извлекать гостя из суеты и обыденности и погружать его в иное измерение – высоких мыслей и чувств. Уже через несколько минут общения с ним самые бесшабашные чувс-

твовали непонятное волнение – потом они поясняли, что «мурашки бегали по спине». На глаза просились слёзы... Экскурсоводов такого уровня теперь почти уже нет, это, так сказать, исчезающий вид... Рядом с ним можно поставить ушедших: незабвенного Н.П. Пузина, многолетнего хранителя Ясной Поляны, Ю.К. Авдеева – директора чеховского Мелихова, Ф.Д. Поленова, не раз принимавшего нас в имении своего деда-художника, да ещё совсем немногих.

Последние десятилетия Борис Викторович почти безвыездно жил в своём Спасском, став, в конце концов, его добрым духом и символом. Он любил долгие прогулки по лесу – по грибы - по ягоды, многочасовые сидения с удочкой, неспешные беседы с местными жителями. Он, как никто, умел слушать голоса старинного тургеневского парка, видя в нём не экскурсионный объект, а живой организм, насилия не терпящий. Он оставил после себя не только основополагающие работы и заветы, но и неповторимую интонацию истинно русского интеллигента, глубоко мыслящего, исполненного благоволения ко всему живому и подлинному. Запомнилась последняя встреча, во время какого-то юбилея. Он уже с трудом ходил, и ему принесли стул на крыльцо Спасского дома. Он заметил, как бы продолжая какой-то важный давнишний разговор: «Мир перенасыщен культурой», - сказал он. Захотелось его поправить: «Вы, наверное, хотите сказать суррогатом культуры?» Но нас ожидал отъезжавший автобус, и мы пообещали продолжить беседу в другой раз.... Не случилось. Как жаль! Думается, он хотел сказать тогда, что мир погрузился в волны иллюзорного, будто навязанного существования, и что важно уметь вырваться из этой пучины, из этой информационной воронки, чтобы обрести, наконец, свою, единственную жизнь, ради которой и является на белый свет человек. Теперь эта последняя встреча мыслится как завещание.

Коллеги и ученики

Н.М. Кирилловская

ПАМЯТИ ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА...

Написала эти слова, закрыла глаза и «как в кино» передо мной промелькнули более чем сорок лет моего знакомства с Владимиром Алексеевичем Власовым.

Это были уже далёкие 60-ые годы, когда он пришёл работать к нам в Областной краеведческий музей. И возникает в памяти улыбающийся голубоглазый блондин, «цветущий» (не рискну сказать à la Есенин), но всё же, всё же...

По-доброму встретили Владимира Алексеевича не только молодежь, но и наши мэтры – Е.Н. Коренева, А.А. Алексин и другие.

Мы ещё не знали, какие у него профессиональные навыки, научные интересы, но сразу интуитивно почувствовали, что это – хороший человек, и не ошиблись. Как-то вскоре после смерти Владимира Алексеевича мне довелось встретиться с одним его одноклассником, с которым они учились вместе в 26-й мужской орловской школе. На мой вопрос – «как бы ты охарактеризовал его одной фразой», тот ответил – «порядочность».

В отличие от многих из нас Власов успел отслужить действительную воинскую службу на Балтийской флоте (а это много значило), поработать мастером на обувной фабрике «Ока», окончить, хоть и заочно, но Ленинградский университет. Всё это не могло не наложить определённый отпечаток на характер Владимира Алексеевича. На нашем музейном «небосклоне» сразу стало чувствоваться его упорство, «дотошность» в познании истины, отсутствие расхлябанности, порядок.

Его первые статьи были посвящены поэту А. Клушину, сатирику П. Потёмкину. Литературное краеведение было его первым увлечением, которому он остался верен до конца. Но вскоре Владимир Алексеевич с большим интересом и упорством стал заниматься и историческим краеведением. По сути дела, он один из немногих наших орловских краеведов, сочетающих в себе в равной степени и литературное и историческое краеведение.

Очень значимым фактором его исследовательской деятельности был всегдашний интерес к первоисточникам, архивным документам. Если к этому добавить ещё хорошие журналистские навыки, то именно это сочетание обеспечивало успех его книжных и газетных

В. А. Власов. Осень 2007 г.

публикаций. Что касается устных выступлений Владимира Алексеевича, то здесь он всегда бывал немногословен, не очень эмоционален, краток, но очень аргументирован. Признаюсь, что мне больше нравилось его читать, чем слушать.

В краеведческом музее В.А. Власов поработал совсем немного, но судьбе было угодно ещё раз объединить нашу работу, теперь уже в другом – Тургеневском музее, куда меня назначили директором в январе 1973 года, а Власов с 1971 по 1975 годы был заместителем директора по научной работе.

В этот период в прессе, по радио, по телевидению очень много говорили о научной организации труда. Горячим сторонником этого стиля работы был и Владимир Алексеевич. Ему надо было не только самому организовывать свою работу, но и вовлекать в этот процесс всех научных сотрудников. Не скажу, что все встретили эти «призывы» с большой радостью. Многие говорили, что это формализм, излишняя трата времени, которые совершенно не нужны в нашем творческом коллективе. Однако жизнь доказала, что стиль работы Владимира Алексеевича оказался более продуктивным.

Думаю, что одним из самых именитых орловцев, всё время привлекавших внимание и любовь Власова, был А.П. Ермолов. Его интерес к Ермолову носил не только теоретический характер – статьи, выступления, выставки, но и весьма прикладной – Владимир Алексеевич уделял много внимания мемориализации ермоловских мест. Это он явился не только инициатором, но и взял на себя все вопросы по установлению доски в правом приделе Свято-Троицкой церкви, где находится фамильная усыпальница Ермоловых (от написания текста доски, до организации митинга по её открытию 22 декабря 1997 года).

Одним из вопросов, который долгие годы волновал и беспокоил Власова, было нарушение исторической справедливости в отношении мраморного надгробия генеральши Пушкарёвой, которое было в начале 1950-х годов перенесено на другое место во время установления бутафорского захоронения генерала Ермолова под посвящённой ему доской. Речь идёт о барельефе генерала Ермолова, выполненном известным в своё время орловским скульптором Б.Д. Бологовым. Решение этих проблем велось долгие годы, в том числе проходило немало дискуссий по этому поводу и в среде самих краеведов. Надгробие перенесли, лжемогилу убрали и оставили обе доски...

Власов был и, наверное, остался одним из самых преданных приверженцев идеи – сделать в сохранившемся (пока сохранившемся!) доме П.А. Ермолова – мемориальный музей. На все сомнения музейщиков в ответ на то, что «в общем-то, нам не на чем делать музей» он с уверенностью отвечал: «Надо искать!» Кто знает, как бы сложилась ситуация дальше, если бы Власов не умер.

Однажды, лет пять тому назад, он уговорил меня пойти к настоятелю Троицкой церкви с просьбой открыть доступ желающим в правый придел церкви к месту захоронения Ермолова, сделать там небольшой планшет с фотографией Ермолова, фотографией надгробия, которое стояло у Ермолова... Но наш «поход» не увенчался успехом. И даже за несколько дней до своей скоропостижной смерти он выступал на вечере в Доме Т.Н. Грановского, посвящённом войне 1812 года, и опять-таки говорил о своём любимом Ермолове. Одет был Власов не в официальный костюм, с галстуком, а в вязаный джемпер (светло-кремового цвета), слушатели были, в основном, женщины, бывшие учителя, врачи. Они буквально не сводили с него глаз и ловили каждое слово...

Одного из самых активных защитников в его лице имел дом «Лизы Калитиной». Сколько статей, устных выступлений, писем, направленных в адрес начальства, о том, что здесь должен быть музей... Он действительно был преданным адвокатом этого дома. И проводил свою линию всегда и везде, не взирая ни на какой высокий ранг оппонентов и «руководящий» уровень совещания. Были ли мы у мэра города или у губернатора, Власов стоял на своей чёткой позиции в этом плане. Говорить о Владимире Алексеевиче можно очень долго и в плане его творческих интересов, и как о человеке.

Хочется вспомнить о начале 1990-х годов. Не знаю, кто как, но я назову эти годы «смутным временем». Владимир Алексеевич, в общем-то, не изменял своим принципам. Коммунисты оказались не в почёте. Но Власов продолжал доказывать необходимость установления мемориальной доски, посвящённой известному антифашисту в годы Великой Отечественной войны, члену подполья в Литве Ю. Витасу, который во второй половине 1930-х годов был прислан на работу в качестве начальника трамвайно-троллейбусного управления в Орёл и жил в доме на Комсомольской улице. Тогда же, в 90-е годы нам довелось быть на экскурсии в Вильнюсе. Поздно вечером, в проливной дождь он «поташил» нас всех на кладбище, где был захоронен Витас...

Вспоминается ещё один эпизод тех, уже далёких, 90-х годов. Руководство МВД решило установить вблизи своего здания памятник погибшим в локальных конфликтах сотрудникам МВД; но для этого надо было убрать стелу с барельефом А.М. Горького. Разгорелись дебаты. На заседании президиума областного общества ВООПИК все выступили за увековечение памяти сотрудников МВД, но не за счёт того, чтобы убрать Горького. И, как ни странно, Владимир Алексеевич выступил за то, чтобы убрать Горького и вернуть улице её старое название – Садовая. Закончилось тем, что улица по-прежнему называется именем Горького, а стелу подвинули на какое-то расстояние по этой же улице.

Вспоминается ещё один эпизод. Мы были вместе в Крыму, в Коктебеле, в музее Волошина. Конец октября, довольно прохладный день, хмурое небо, все мы в пальто. А внизу море, берег, усыпанный красивой галькой, которую все и кинулись собирать. И вдруг Власов говорит: «Быть у моря и не искупаться нельзя». И как все его ни уговаривали, он осуществил свой замысел. Хорошо, что обошлось без последствий.

Мне довелось общаться с Владимиром Алексеевичем в разных ситуациях и в разные годы. Он был очень знающий краевед, но если чего-то не знал, так честно и говорил: «Я этого не знаю». Это был весёлый, коммуникабельный человек, любящий застолье и друзей.

Он мог о себе с полным основанием сказать: «Я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо».

Г.Н. Павлова

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ПЕТРОВ

В первый день нового 2008 года ушёл из жизни многолетний друг музея Владимир Петрович Петров (08.11.1930 – 01.01.2008).

Он родился 8 ноября 1930 года в Орле в семье хорошо известной всем тургеневедам и знатокам биографии И.С. Тургенева. Его прадед Лев Иванович Лобанов служил конторщиком в имении Спасское-Лутовиново ещё у матушки писателя - Варвары Петровны Тургеневой и был представлен Тургеневым в образе секретаря Леона Иванова в «Собственной господской конторе» (1859). Именно так – Леоном – называла Варвара Петровна своего старого конторщика.

Из многочисленных слуг и дворовых, состоявших при В.П. Тургеневой, Лобановы занимали особое положение. Они отличались своей образованностью, скромностью и преданностью, исполняли важные должности и ближе других слуг стояли к господам. В семье Лобановых некоторое время жила внебрачная дочь писателя – Пелагея Тургенева. Судьба свояченицы Л.И. Лобанова – Евпраксеи легла в основу создания Тургеньевым одного из шедевров русской словесности – рассказа «Живые мощи» и образа главной героини Лукерьи (1874). Кроткая калека Евпраксея была в числе пожизненных пенсионеров писателя.

В.П. Петров. 1966 г.

Став после смерти матери хозяином имения, И.С. Тургенев выдал Льву Ивановичу Лобанову наградные деньги и предоставил ему и всем его родственникам вольную. Однако Лев Иванович остался в Спасском-Лутовинове и исполнял свои обязанности в конторе уже на правах вольноотпущенного. Умер Л.И. Лобанов в Орле 31 января 1888 года в доме своего сына Ивана Львовича Лобанова. Этот дом № 55 на углу Пушкинской и Старомосковской улиц, ныне известный всем орловцам, был куплен Лобановыми в конце 1870-х годов. В семье из поколения в поколение передавалось предание о том, что И.С. Тургенев материально по-

мог в его приобретении (может быть, имелись в виду те самые наградные деньги, полученные верным конторщиком от своего барина). По семейной легенде И.С. Тургенев навещал Лобановых в этом доме во время своих приездов в Орёл в 1879 и 1881 годах. Почти все представители этой семьи получили хорошее образование, среди них были учителя, врачи, люди других профессий.

В семье бережно хранили не только память о Тургеньеве, но и старинные вещи тургеньевской эпохи, большинство которых впоследствии были переданы в фонды Орловского объединённого государственного литературного музея И.С. Тургенева. Первые лобановские реликвии поступили в музей от матери В.П. Петрова, внучки Л.И.

Лобанова – Ольги Ивановны Петровой (урожд. Лобановой). Дело матери продолжил и Владимир Петрович. От него и его супруги Антонины Николаевны только за последние шесть лет с 2002 по 2008 год в фонды музея поступило 453 единицы: посуда, одежда, обувь, мебель, фотографии, открытки, книги, журналы, газеты, письма. Среди них особый интерес для краеведов представляет записная книжка И.Л. Лобанова, в которой отмечены основные события в жизни семьи, даты рождения и кончины родственников.

Владимир Петрович оставил добрую память о себе не только в музее Тургенева, но и в организациях, где ему пришлось трудиться. По своей основной специальности он был учителем географии. В 1953 году по окончании полного курса Орловского государственного педагогического института он получил направление на работу в Мужскую среднюю школу № 5 города Читы, куда он и отправился вместе со своей юной супругой и однокурсницей Антониной Николаевной (урожд. Меркуловой). Они познакомились в 1949 году на вступительных экзаменах, долго дружили, а вскоре после госэкзаменов поженились. В Чите молодые специалисты прожили недолго, вынуждены были вернуться в Орёл из-за проблем со здоровьем.

Десять лет проработал Владимир Петрович на Орловской областной детской экскурсионно-туристской станции в качестве методиста, руководителя кружков юных географов. Это был период бурного развития детского и юношеского туризма в стране. Владимир Петрович принимал участие в организации городских, районных и областных слётов юных туристов, был судьёй спортивно-туристских соревнований, объехал с отрядами юных туристов почти половину Советского Союза. В орловских газетах 1950-60-х годов можно найти его подробные отчёты о слётах, соревнованиях и походах, сохранились его заметки о хоккейных и футбольных чемпионатах, проходивших в Орле. Владимир Петрович был заядлым болельщиком, ходил на стадион, не пропускал ни одной трансляции матчей по телевидению, знал все тонкости игр, помнил имена сильнейших спортсменов всех отечественных и зарубежных команд, мог часами говорить на спортивные темы. После ухода из Детской экскурсионной станции Владимир Петрович десять лет работал завучем в орловском Дворце пионеров и школьников, где тоже был на своём месте.

С 1973 по 1999 годы В.П. Петров трудился в средней школе № 31 города Орла. Двадцать лет занимался организацией внеклассной,

воспитательной работы. Выйдя на пенсию, ещё семь лет оставался учителем географии в этой же школе. Отмечая двадцатилетие работы В.П. Петрова в школе, коллеги сочинили для него стихи:

*20 лет на посту, 20 лет без амбиций,
20 лет за людей, каждый день
всю судьбу их измерив.
Не кричал, не ворчал,
Чаще всех улыбался,
Не мудрил, не крутил,
Помогал, не ругался.
Вежлив был, объяснял всё с улыбкой.
Не начальник, хоть по должности был им.
До конца человечным остался.
Планы бережно в сумке носил,
Хоть один потерять всё боялся.
Классный час посещал поневоле:
Всё обидеть коллегу стеснялся.
Может быть и страдал через нас,
Когда час настаивал расплатиться,
Но зато дорогим он нам был,
И с таким нелегко нам проститься.*

Владимир Петрович был гостеприимным хозяином дома, хорошим мужем, отцом, дедушкой. Со своей женой Антониной Николаевной Владимир Петрович прожил 54 года в счастливом браке. Их связывала общая профессия, увлечение туристско-экскурсионной работой и краеведением. В 1956 году у них родился сын Александр, ставший достойным продолжателем духовно-нравственных традиций семьи. Александр с золотой медалью окончил среднюю школу № 27 города Орла, потом – Московский историко-архивный институт. Сейчас Александр Владимирович Петров работает в одном из муниципальных учреждений города Москвы. Владимир Петрович радовался успехам сына, с гордостью говорил о внучке Леночке, блистательно защитившей кандидатскую диссертацию по экономике.

Друзьям дома Владимир Петрович охотно давал книги из своей личной библиотеки, которая собиралась несколькими поколениями семьи Лобановых-Петровых. В музей И.С. Тургенева, на день рождения писателя, 9 ноября Владимир Петрович каждый год приходил

с подарками. Последний его подарок 9 ноября 2008 года передала в музей Антонина Николаевна – книгу А. Михайловского-Данилевского «Воспоминания. Из записок 1815 года». (СПб.: Тип. А. Смирдина, 1831), посвящённую автором А.М. Тургеневу.

Владимир Петрович заботился о своём доме. Любил и кормил кошек, сбежавшихся в петровский двор со всей округи, устраивал клетки для кроликов. Радовался выращенному на приусадебном участке урожаю. Многие из нас запомнили гостеприимство супругов Петровых, обильные угощения, еловые лапы, украшенные под Новый год старинными и новыми игрушками. Не выдержала разлуки с хозяином огромная ель, росшая во дворе, рухнула во время осеннего урагана в этом же году. Осиротело без него Тургеневское общество. Нам всем не хватает его мягкой улыбки, добрых советов, человеческого внимания.

Светлая память о Владимире Петровиче Петрове останется в наших сердцах, в сердцах нескольких поколений орловцев.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ГОСТИНАЯ

Вадим Ерёмин

Фаворит

*Зашёл я в гости к Сашке,
А он и говорит:
- Давай сразимся в шашки,
- Я в шашках – фаворит!..*

*Расставили мы шашки,
И началась война –
Я Сашкины промашки
Использовал сполна.*

*Уже пробился в дамки,
К победе путь открыт!
Но жаловаться мамке
Помчался «фаворит».*

Стрижонок

*Смотрит птенчик из гнезда
То туда, то сюда.*

*Ждёт: когда же прилетят
Папа, мама, старший брат.*

*И услышат:
- Мамочка!
Ты купила червячка?!*

На даче

*Миша, Коля и два Гены,
Местные абorigены,
Неприступный вид храня,
Игнорируют меня.*

*Завтра сам к ним подойду,
Снова дружбу заведу.
Пусть ворчит один из Ген,
Что я не абorigен.*

Котилка

*У меня за спиной
Кот сидит расписной.
Кот не просто сидит,
А за мною следит.*

*Хочет в щель для монет
Втиснуть мой кабинет.
Домурлыкал до ста,
Но копилка пуста.*

На выставке

*Возле двери –
Акварели.
Мы их быстро
Просмотрели.
Рядом –
Масло и гуашь
Вкус воспитывают
Наш.
Справа
Светится окно,
Настоящее оно.*

Лена Горяйнова

* * *

*Тук-тук на запястье...
Ругаться не стоит...
Пульс бьётся за счастье,
Пусть даже пустое.
Не надо. Нет смысла
Себя тешить спором...
Молчанье нависло
Над звёздным простором.
Не стоит. Не надо.
Держусь за запястье...
Мы вместе, мы рядом...
Ну, разве не счастье?!*

Одна

*Судьба читает приговор
И правда ускользает.
Луна за облако, как вор,
Пугливо исчезает.
Стою в объятьях синевы,
Сама себе не рада.
Одна под шелестом листвы
И светом звездопада.
Одна среди бетонных плит...
Покинула беспечность...
По телу лунный свет скользит
И предо мною – вечность.*

Над обрывом...

*Я иду. Ветер в спину.
Шаг и жизнь потеряю –
Камнем кану и сгину.
Суть никто не узнает
И лишь близкий запомнит...
Тишина заскучает
От пустующих комнат.
Я живу, как у края,
Но лишь шаг до свободы!
И я к Богу взываю
Сквозь шатёр небосвода...*

* * *

*За окном уж март, а мне не верится,
Потому что, даже и с тобой,
Я одна... В душе моей метелица
И шалит весенний ветер злой.*

*За окном капель запела звонкая
И давно растаял снег уже...
Я согнулась, как берёза тонкая,
Под тяжёлым грузом на душе.
За окном уж март, а мне не верится –
Томно меж берёзками сную...
Заметаёт белая метелица
Душу одинокую мою...*

** * **

*Не называй меня поэтом.
Поэты те лишь, чьи стихи
На свете том, на свете этом
Живут, объёмны и легки.
Не называй меня великой –
Мне этот титул не носить.
Была я гордой, многоликой...
Была, осталась, буду жить
Такой и дальше. Только снова
Мне лестных писем не пиши.
Не думай, что я мастер слова,
Я – зеркало своей души.
Не называй меня поэтом
И не буди лихую злость...
На свете равнодушном этом
Мне быть собою удалось...*

Юрий Молозев

** * **

*Странная, странная вышла погода.
Ночь в Новый год непривычна – бесснежна.
Что-то не то подарила природа:
Слишком уж – ласково, слишком уж – нежно.*

*И всё же – промозгло. Будто бы осень
Это январское зимнесезонье.
«Я» зарывается в жутком вопросе:
«Может быть, сталкер я?.. мы уже – в зоне?..»*

*Странная, странная это картина –
Зелень на грядках в январь на Крещенье.
Инеем в ветках висит паутина.
Плачет природа – просит прощенья?..*

*Будто подарочно – Цельсий на плюсе...
Солнце же – скрыто... Не светится месяц...
Господи праведный!... Боже!.. Иисусе!
Праведных нет?..
Так приди же!..
Воскреси...*

15 января 2007 года

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**Орловский объединенный государственный
литературный музей И.С. Тургенева**

Тургеневское общество в Орле

Тургеневский ежегодник 2007 года

Составители и редакторы

*Л.А. Балыкова,
Л.В. Дмитриухина*

*На обложке использованы иллюстрации Г. Доре
к изданию «Сказок» Ш. Перро*

Компьютерный набор

Е.М. Шинкова

ООО Издательский дом «ОРЛИК» и К»

г. Орел, ул. Пушкина, д. 20 а. Тел. 8 (4862) 76-17-15, 54-15-48.

Подписано в печать 14.07.2009 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,5.

Тираж 100 экз. Заказ № 035.

